

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТА

о. Θεοφρανα

Настоятеля Кирилло-Новоезерскаго мо-
настыря

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ПОКОЙНАГО СТАРЦА

И ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ЕГО ПРАВСТВЕННЫХЪ НАСТАВЛЕНІЙ ЗАПИСОКЪ И ПИСЕМЪ.

Настоятеля Новгородскаго Знаменскаго собора
Протоіеря *П. И. Тихомирова.*

—

Кр № 1267550

Пособіємъ послужили: 1) краткое жизнеописаніе о. Теофана, изданное въ 1854 г.

2) Жизнеописаніе, составленное въ 1864 г. Н. Суботинимъ.

3) Жизнеописаніе Игуменіи С.П.Б.—каго Воскресенскаго женскаго монастыря Теофаніи (издан. 1868 г.), съ которою старецъ велъ обширную переписку и которой онъ былъ наставникомъ и руководителемъ въ иноческой жизни, почти до самой своей кончины.

Къ жизнеописанію мы присоединяемъ нравоучительныя наставленія о. Теофана, записки и письма его къ разнымъ лицамъ, помѣщенныя частію при прежнихъ жизнеописаніяхъ, частію при жизнеописаніи Игуменіи Теофаніи.

Здѣсь же мы помѣщаемъ и снимокъ съ портрета о. Теофана, писаннаго не задолго до кончины его.

Подлинный, полный портретъ, нисанъ масляными красками, вѣроятно, въ Горицахъ, гдѣ тогда процвѣтало живописное искусство, и подаренъ мнѣ одною почтенною особою, близко знакомою со старцемъ.

Протоіерей П. Тихомировъ.

o Георгий

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

**Блаженной памяти Священно-архимандрита Отца
Феофана Настоятеля Кирилло-новозерскаго обще-
жительнаго монастыря.**

Научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, говорилъ Господь І. Христосъ ученикамъ своимъ (Мѣ. 11, 29), — и св. жизнь истинныхъ учениковъ Его представляетъ намъ высокіе образцы кротости и смиренія. Раскройте жизнеописанія святыхъ, и вы усмотрите въ нихъ опыты исполненія словъ Господа нашего І. Христа.

Таковъ былъ еще не очень въ далекое отъ насъ время ревностно шедшій по стонамъ кроткихъ и смиренныхъ сердцемъ учениковъ Христовыхъ, словомъ и житіемъ поучавшій кротости и смиренію, и почившій сномъ праведника въ 1832 г. отецъ Феофанъ. Болѣе уже половины столѣтія протекло послѣ блаженной кончины его; но и доселѣ не только облагодѣтельствованные имъ — почитатели и искатели его духовной мудрости, но и вообще всѣ богомольцы всѣхъ сословій и состояній, знавшіе его или только слышавшіе о немъ, собираются къ его гробу въ Кирилло-Новозерскомъ монастырѣ молиться о упокоеніи его души, съ упованіемъ на его ходатайство предъ Богомъ. Такъ была поучительна жизнь сего пастыря и такъ были назидательны его духовныя наставленія и письма!

Глубоко чтимый всѣми и незабвенный для всѣхъ, знавшихъ лично, блаженной памяти отецъ Архимандритъ Феофанъ родился въ городѣ Троицкѣ Пензенской губерніи, 12 мая 1752 г. Родители отца Феофана, благочестивые христіане, изъ рода дворянъ Соколовыхъ, не замедлили по роженіи ввести его въ благодатное царство Христово; и младенецъ ихъ во св. крещеніи наречень былъ Теодоромъ, въ память Теодора освященнаго, ученика св. Пахомія великаго (нам. 16 мая). Достигнувъ отроческаго

возраста Θεодоръ въ родительскомъ домѣ обученъ былъ только російской грамотѣ и письму ¹⁾. Но еще въ нѣжномъ возрастѣ обнаруживалось въ немъ особенное стремленіе къ жизни монашеской; ибо, когда сверстники его занимались играми, свойственными дѣтскому возрасту, Θεодоръ удалялся отъ всякихъ забавъ. Сердце его, долженствовавшее быть храмомъ св. Духа, отъ младенчества горѣло особенною любовью къ Богу, нанримѣръ: отрокъ Θεодоръ, научившись читать, съ великою жаждою и наслажденіемъ читалъ псалтырь. ²⁾ удалялся отъ людей, часто уходилъ молиться въ уединеніи,— съ земными поклонами, которые прекращались у него только съ изнеможеніемъ силъ тѣлесныхъ; устраивалъ себѣ „нѣчто“ въ родѣ кадила, и этимъ „нѣчто“ съ поклонами помахивалъ на подобіе кажденія, которое приходилось ему видѣть въ церкви. Такой образъ жизни и поведеніе отрока Θεодора ясно предубазывали призваніе его къ иной, лучшей цѣли, чѣмъ гражданская служба; но родители его, Богъ знаетъ почему, не обращали, или не хотѣли обратить никакого вниманія на столь рѣзко выдававшіяся и не случайныя особенности дѣтскихъ занятій своего сына. Въѣтъ съ Θεодоромъ жилъ и возрасталъ двоюродный братъ его Лаврентій. „Мы, говоритъ послѣдній, въ юности въѣтъ обучались грамотѣ и письму. Θεодоръ былъ только голомъ старше меня. Жизнь его была для меня прекраснымъ утѣшеніемъ, прохладою для души среди зноя искушеній“. Еще Θεодору было 14 лѣтъ, а брату его только 13; но эти два отрока, среди молитвъ къ Отцу небесному втайнѣ, и просвѣщаемые силою Духа Божія, которая, по слову Спасителя, открывается младенцамъ, задумали уже рѣшить дѣло цѣлой жизни. У Θεодора первѣе родилась мысль о монашествѣ. Черезъ нѣсколько дней она была передана брату. Когда Θεодоръ примѣтилъ, что и другъ его отрочества не чуждается идти одною съ нимъ дорогою, то

¹⁾ „Кромѣ російской грамоты и считать ничему не учился“, такъ отмѣтилъ себя собственноручно о Теофанѣ въ послужномъ своемъ спискѣ.

²⁾ Домашнее обученіе въ старину, не то что нынѣ; обыкновенно начиналось съ славянской азбуки, послѣ которой слѣдовалъ часословъ и за тѣмъ псалтырь:—„псалтырь всѣмъ кнѣгамъ мать“, говорили старики—педагоги.

посвятить его въ тайны своихъ мыслей объ иночествѣ и сталъ открывать желанія вступить въ монастырь. „Если мы, такъ разсуждалъ отрокъ Феодоръ съ братомъ, проживемъ на землѣ не долго; а потомъ насъ переселятъ въ рай: то скажи, пожалуй, стоитъ-ли хлопотать о здѣшней жизни? А съ другой стороны уже не страшить тебя нисколько то, что оставишь въ міру, мы такъ легко можемъ потерять вѣчное блаженство“? Слово его такъ было сильно, что братъ Феодора рѣшился навсегда неразлучно съ нимъ идти одинакимъ путемъ жизни. И вотъ прошелъ годъ другой; юные друзья все то время немысливали себя, не погаснетъ-ли въ нихъ пламенное желаніе жизни монашеской. Но благодать Духа Божія невидимо укрѣпила и поддерживала святую рѣшимость отроковъ. Видимый ею Феодоръ однажды пришелъ къ брату, и въ радостномъ духѣ говоритъ ему: повѣришь-ли братъ, какое сокровище принесъ я тебѣ! И въ слѣдъ за тѣмъ, раскрывъ свою псалтирь, прочиталъ ему: „кто дастъ ми крыль, яко голубинѣ и полещу и почию... се удалихся бѣгая и водворихся въ пустынь, чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури“. Не время-ли и намъ, братъ, взять свои крылья и полетѣть въ пустыню? Такъ, наконецъ, послѣ недолгихъ объясненій положено было удалиться изъ міра въ монастырь. Но какъ начать! У Феодора были еще живы родители его: уйти безъ вѣдома ихъ? Но послушаніе и покорность родителямъ останавливали его. Черезъ два—три дня и сами родители узнали, что сынъ ихъ задумалъ идти въ монастырь. Какъ?.. на сынѣ ихъ лежала обязанность быть опорой ихъ, а онъ хочетъ ихъ оставить? Нѣтъ, Феодоръ, нѣтъ дитя наше любезное, тебя ждетъ Москва и въ ней множество родственниковъ и знакомыхъ. И родители указывали ему на выгодное мѣсто гражданской службы. По мягкости и кротости своего характера, онъ не противорѣчилъ волѣ родителей. Въ дружескомъ совѣщаніи по сему случаю будущими иноками много было пролито слезъ! Братъ Феодора Лаврентій, свободный располагать собою, скоро—въ 1768 г. удалился изъ міра и поселился въ Саровской пустынь, впоследствии онъ былъ архимандритомъ въ монастырѣ преподобнаго Никиты Столпника, что близъ Переяславля Залѣскаго;

‘Теодоръ же, отвергавшійся всегда собственною воли и въ самыхъ благихъ своихъ желаніяхъ, долженъ былъ уступить желанію родителей и вступить въ гражданскую службу.

Родители отправили своего сына въ Москву. Тамъ дѣйствительно, много у нихъ было родныхъ и знакомыхъ; ихъ-то покровительству они вручили своего Теодора и опредѣлили его въ Вотчинную Коллегію. Должность свою онъ исправлялъ по всей точности. „во всемъ представляюще себе яко Божіа слугу, не предъ очима точію работающе, яко челоувѣкоугодницы, но якоже раби Христовы, творяще волю Божію отъ души“. Его усердіе, честность и способности скоро обратили на него вниманіе начальниковъ и ручались за уснѣхъ на служебномъ поприщѣ. Теодору было тогда 17 лѣтъ отъ роду. Горько жаловался онъ своему брату на свое положеніе. „Ты живешь въ богомысленной пустыни, писалъ Теодоръ брату Лаврентію; а я — въ шумной столицѣ. Боже мой! какаа горькая противоположность! Мнѣ такъ вотъ и думается, что ты — на лонѣ у Авраама; я же несчастный, какъ будто богачъ евангельскій, который на томъ свѣтѣ проситъ себѣ одной капли воды для утоленія смертельной жажды отъ страданія въ огнѣ. А казалось, одво мы желали оба; и сколь разное получили! Въѣстѣ росли мы, отъ чего же бы не въѣстѣ быть намъ и теперѣ?.. Кто здѣсь утѣшитъ такъ, какъ утѣшало нѣкогда твое братское сочувствіе? Кому я раскрою свою душу, съ ея сокровеннѣйшими стремленіями, когда со мною нѣтъ тебя, другъ души моей, единственный спутникъ моего отрочества? Ахъ, не знаю, что станетъ теперѣ съ моими воздыханіями о мірѣ горнемъ? Боже мой! ужели этотъ бисеръ духа придется расточать на пустѣйшія сожалѣнія о высокихъ чинахъ? Какъ, притомъ, совершать мнѣ теперѣ наши частыя колѣнопреклоненія предъ Всевидящимъ и Вездѣсущимъ, когда я долженъ здѣсь почти все время сидѣть и писать, ожидая за все и награды только здѣсь“. Такъ думалъ Теодоръ и усердно молилъ Господа указать ему иной путь жизни — иное назначеніе: „Скажи мнѣ Господи путь, въ онъже пойду; яко къ Тебѣ взяхъ душу мою“; слова эти за царемъ Давидомъ часто повторялъ Теодоръ.

По прошествіи недолгаго времени, и именно въ 1771 г., разразился надъ Москвою гнѣвъ Божій, сопровождавшійся моровою язвою—чумою. То былъ грозный для всей Россіи годъ. Впервые появилась чума въ Москвѣ, близъ москворецкаго моста, на большой суконной фабрикѣ; фабричные разбѣжались отъ страха и разнесли заразу повсюду. Многіе родственники Θεодора сдѣлались жертвою смертельной болѣзни. Объ нихъ отъ Теофанъ, вспоминая впоследствии, говорилъ: „въ моръ много родныхъ моихъ перемерло въ Москвѣ, а я ушелъ“. О началѣ этого мора въ 1771 г. вотъ что разсказывалъ отецъ Теофанъ, будучи уже семидесятилѣтнимъ старцемъ: „прошедшее все, какъ сонное мечтаніе, будто и не было его; чуть памятно, моръ начался на большой суконной фабрикѣ; поговаривали тогда, будто съ шерстью привезли его изъ Турціи (къ шерстяному платью больше приставала зараза). А предъ тѣмъ временемъ все кричали Филиппъ на Иванъ Великому; народъ заранѣе смутился, какъ бы предчувствуя бѣду не минучую. А тутъ и комета появилась, да такая преужасная! не мѣсяце кометы 1812 года. И хвостъ-то у нея былъ большой, пребольшой; почти половину неба занималъ. Страхъ былъ на всѣхъ. Я зналъ многіе дома, въ которыхъ, казалось, всѣ были здоровы, съ вечера Богу помолились, уснули, а къ утру всѣ мертвые. А одинъ господинъ (Протодіаконовъ) не запералъ своихъ воротъ, самъ ходилъ въ Успенскій соборъ и своимъ всѣмъ велѣлъ ходить: живъ остался. Какъ страшно было смотрѣть, какъ заколачивали, оцѣпляли зачумленные дома, и отдѣливъ здоровыхъ, оставляли тамъ больныхъ, подавали имъ казенную пищу на длинныхъ шестахъ, вытаскивали мертвыхъ желѣзными баграми, на мѣстѣ жгли трусы и зачумленные строения со всею въ нихъ утварію. Одинъ знакомый офицеръ шелъ по улицѣ; видитъ, лежитъ на мостовой имперіаль; онъ вынулъ шпагу, концомъ дотронулся, вдругъ точно змѣя побѣжала къ ефесу: онъ тутъ же и шпагу бросилъ. Съ такою ужасающею быстротою дѣйствовала язва“.

Неизвѣстно что произошло въ эту годину страшнаго бѣдствія съ родителями Θεодора: переселились ли они въ жизнь другую, вѣчную, подобно многимъ изъ родственниковъ своихъ, жившихъ

въ Москвѣ, или можетъ, вразумленные наказаніемъ Божиимъ, они уже не препятствовали своему сыну посвятить себя въ служеніе Богу, по его собственному желанію. Извѣстно только, что Ѳеодоръ, какъ значится въ послужномъ его спискѣ, „за болѣзнію отъ дѣлъ Коллегіи отставленъ подканцеляристомъ“. Уволенный отъ службы, Ѳеодоръ съ радостію оставилъ Москву на 19 году отъ рожденія. Водимый давнимъ влеченіемъ сердца, онъ прямо отправился въ Саровскую пустынь. Взоры его обращены были прежде всего къ Сарову потому именно, что Саровская пустынь въ то время особенно славилась строгостію монашеской жизни и благочиніемъ церковныхъ службъ: настоятелемъ ея былъ тогда строитель іеромонахъ Ефремъ, старецъ святой жизни, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ. Будучи хорошо устроена, вполне обезпечена въ средствахъ жизни и управляемая старцемъ опытнымъ въ духовной жизни, Саровская обитель была тогда желаннымъ убѣжищемъ для многихъ истинныхъ любителей иночества. Кромѣ того сердце влекло юнаго Ѳеодора въ Саровъ и потому, что тамъ уже три года проходилъ послушаніе новоначального Лаврентій другъ его, которому повѣрялъ онъ и свои благочестивыя желанія еще въ родительскомъ домѣ и съ которымъ переписывался изъ Москвы; тамъ же много было тогда подвизавшихся старцевъ духовной жизни, каковы были особенно о. Назарій, самъ настоятель Сарова о. Ефремъ, Симонъ монахъ, Іоакимъ іеромонахъ, Пахомій, Іосія, съ которыми онъ лично познакомился и о которыхъ потомъ воспоминалъ всегда съ глубокимъ уваженіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

** ПРИЛОЖЕНИЕ. **

Пребываніе Отца Теофана въ Саровской пустынѣ.

Во вступающихъ въ монастырь съ малолѣтства скорбе вселяется благодать Божія, нежели въ тѣхъ, которые уже пожили въ мірѣ и тамъ замарали свои души; такъ говаривалъ Отецъ Теофанъ. И вотъ разрѣшеніе вопроса, почему онъ въ такую раннюю пору, 19 лѣтъ, вступилъ въ монастырь; поступивъ самъ съ раннихъ лѣтъ въ монастырь, о. Теофанъ впоследствии съ особенною отеческою любовью смотрѣлъ и на всѣхъ проводящихъ въ монастырѣ цвѣтущее время юности своей.

Въ Саровской пустынѣ юный Оеодоръ проходилъ съ усердіемъ и охотою одно за другимъ монастырскія послушанія: въ одно время мылъ полы, перемывалъ посуду, въ другое—рубилъ дрова и собиралъ щены то для приготовленія пищи, то для неченія хлѣба... Въ это время еще живы были въ Саровѣ старцы, извѣстные простотою Евангельскою. „Въ Саровѣ, говорилъ о. Теофанъ, жилъ старецъ Ефремъ. Онъ былъ самый простой монахъ; а московскіе купцы пріѣзжали посмотрѣть Ефрема“. Неизвѣстно, кто именно изъ Саровскихъ—старцевъ былъ первымъ руководителемъ о. Теофана въ жизни монашеской; но знаемъ, что въ сей пустынѣ былъ (въ то время уже на 4-мъ г.), другъ его отрочества—двоюродный братъ его Лаврентій: ему, думается, обязанъ о. Теофанъ и первыми наставленіями въ житіи монашескомъ. Заимствуемъ разсказъ о пребываніи Оеодора въ Саровской пустынѣ изъ воспоминаній самого старца о сей пустынѣ.

Лаврентій. Чѣмъ порадуешь меня, братъ, спросилъ въ одно время Лаврентій Оеодора, только что вышедшаго изъ келлій настоятеля Саровской пустыни? Что слышалъ отъ батюшки?

Θеодоръ. Что слышалъ, тѣмъ не думаю, чтобы можно было порадовать тебя.

Лавр. Отъ чего же?

Θеод. Батюшка все по старому твердить мнѣ, что я не снесу жизни монашеской.

Лавр. Спаси его Господи! я такъ и думалъ.... Чтожъ за это надо благодарить Бога.

Θеод. Братъ! что ты говоришь? Иной подумаетъ, что ты не знаешь меня.

Лавр. А иной справедливѣе подумаетъ, что я знаю тебя и желаю тебѣ всего добраго. Братъ Θеодоръ! что смутило тебя? пришелъ въ монастырь, такъ надо же любить правду, въ какихъ бы словахъ не высказывали ее тебѣ.

Θеод. Неужели это правда, что я не снесу жизни монашеской.

Лавр. Конечно правда, и какая притомъ чистая правда, хотя и горькая.

Θеод. А о себѣ что скажешь ты, прожившій уже три года въ монастырѣ?

Лавр. То, что я не только вѣрю, будто не снесу жизни монашеской, но и вижу это самъ.

Θеод. Желалось бы слышать что это значитъ?

Лавр. Изволь; припомни то время, когда, оставивъ тебя въ міру, я прибылъ сюда одинъ, безъ знакомыхъ и друзей: Сначала и мнѣ твордили все то же, что и тебѣ сегодня: нѣтъ, возлюбленный братъ, и рады бы принять тебя, но не снести тебѣ жизни монашеской.

Θеод. Что же ты думалъ?

Лавр. Сначала и я такъ думалъ, какъ и ты: О! меня еще не знаютъ они!

Θеод. А теперь?

Лавр. Теперь, какъ инокъ, думаю иначе. Сначала я негодовалъ противъ всѣхъ. зачѣмъ эго говорятъ мнѣ, будто я не снесу жизни монашеской. Потомъ, какъ этотъ духъ мірской вытѣнился отъ тѣсноты монашеской жизни, и я сталъ вѣрить, что дѣйствительно говорятъ обо мнѣ правду.

На этомъ прекратился разговоръ братьевъ, ихъ позвали въ трапезу.

За тѣмъ, прошло еще нѣсколько дней, для Θεодора дней долгихъ, безпокойныхъ; ему совѣтовали только присматриваться къ жизни монастырской. Но и видя ее уже собственными глазами, Θεодоръ никакъ не хотѣлъ вѣрить, будто жизнь монашеская не по силамъ ему. Онъ радовался отъ всей души, когда получилъ благословеніе стать въ ряды послушниковъ и взяться за послушаніе св. обители. Настаетъ-ли часъ утренняго богослуженія. Юный Θεодоръ уже всталъ отъ сна: для него не нужно будильщика! А какъ только заблагоувѣстили, Θεодоръ въ ту же минуту на пути къ храму; онъ укоряетъ себя, если почему-нибудь онъ не въ числѣ первыхъ явился въ церковь.... Съ какою жаждою Θεодоръ поджидаетъ времени къ началу ранней обѣдни!... У него одна забота; какъ бы это все время жизни обратить въ нескончаемый часъ единого, вѣчнаго богослуженія!

Но вотъ, прошла пелѣя, другая, прошелъ мѣсяць, за нимъ другой, потомъ потянулся третій: и юный Θεодоръ сталъ испытывать и вѣрить, что и про него говорили правду. Однажды встрѣтивъ брата Лаврентія, Θεодоръ говорить ему: скорблю я.

Лавр. Отъ чего?

Θеод. Указывая на свои руки, Θεодоръ продолжалъ: видишь, какъ распухла; но мѣстамъ кожа растрескалась: а боль-то какая!

Лавр. Гогъ милостивъ; она не долго будетъ мучить тебя. И я проходилъ твое же послушаніе въ ложкамойной ва кухнѣ. Только со мною было еще не то....

Θеод. Что же?

Лавр. Сначала и у меня, какъ у тебя, много было ревности. Примѣтили ее старшіе братія, и вотъ, послѣ трапезы, я принимаюсь за мытье посуды; а они бывало и подольютъ по больше горячей воды, и потомъ вдругъ велятъ оставить ложкамойную и взяться за полосканье посуды въ холодной водѣ. Такой быстрый переходъ отъ горячаго къ холодному, конечно, и дѣлалъ съ руками то, что я у тебя теперь.

Θεод. Что мнѣ дѣлать; не нолѣчиться-ли чѣмъ?

Лавр. Потерпи, Господа ради; все пройдетъ.

Θеод. Но боль-то мучительная?

Лавр. Знаю. Но старцы говорятъ: надобно кому нибудь терпѣть ее! Когда боль становится невыносимою, ты помышлай: еще крѣпче болитъ. руки мои, за грѣхи юности и невѣдѣнія; болитъ здѣсь, — недолго; за то во адѣ не будете вѣчно огребать съ грѣшнаго тѣла моего червей и гвоя. Старцы говорятъ еще: подумай, кому ты служишь. Тебя, вѣдь, окружаютъ Ангелы Божіи; одинъ ты среди ихъ на испытаніи. какъ грѣшникъ послѣдній, недостойный лучшей участи. Когда претерпишь, тогда исправишься, а коль скоро исправишься, то и станешь въ ряды Ангеловъ Божіихъ; а старъ въ ряды ихъ, будешь достойно словословить Господа; и боль тѣлесная не возмутитъ уже духа. Но дабы воспріять духъ, ты долженъ напередъ пожертвовать плотію!

Θеод. Вижу теперь, что не снести мнѣ жизни монашеской. Все думалъ прежде, не хотять-ли этихъ отказать мнѣ въ принятіи въ монастырь.

Лавр. А теперь что видишь въ этомъ?

Θеод. Вижу, что одного усердія нашего жить въ монастырѣ весьма недостаточно къ совершенію подвиговъ монашества.

Лавр. Слава Богу!.. Это уже правда монастырская. Монахъ болѣе чѣмъ всякій мірянинъ видитъ, и какъ ясно притомъ, что, безъ содѣйствія благодати Божіей, ему и дня не прожить благополучно.

Θеод. Да, смутишься, я самъ не знаешь изъ за чего. Послѣ видишь, что не стоило-бы на то и вниманія обращать.

Лавр. Вотъ, примѣчай, какъ необходимъ старецъ въ жизни новоначальнаго.

Θеод. Я совершенно согласенъ съ тобою. На время смущенія былъ бы мнѣ на пользу такой старецъ, какъ нашъ о. Ефремъ³⁾:

³⁾ При воспоминавіи о старцѣ Ефремѣ, о. Теофанъ говаривалъ, что онъ челсвѣкъ былъ простой, словеснаго дара не имѣлъ и никогда никакихъ наставленій не дѣлалъ братіи; но его жизнь была такъ

и я не зналъ бы и не испытывалъ бы смущенія.

Лавр. А что ты думаешь объ этомъ старцѣ?

Феод. Онъ, думаю, достигъ безмятежной пристани въ духовной жизни.

Лавр. Да, удивительно молчаливый старецъ! Ничего не говоритъ. Сколько помню, одному только брату, который приходилъ проситься жить въ монастырѣ, онъ сказалъ: хорошо, поживи. Но есть-ли крѣпость у тебя? Братъ, принявъ, что старецъ спрашиваетъ о начортѣ, отвѣчалъ: есть, батюшка! Съ тобою онъ или нѣтъ? продолжалъ старецъ. Въ мѣшечкѣ лежитъ, отвѣчалъ пришедшій. Нѣтъ, съ тобою надо. Ежели съ тобою не будетъ, не уживешься. Смотри же не уживешься. какъ въ тебѣ не будетъ ся!

Такимъ образомъ Саровская обитель была для Феодора первымъ училищемъ въ послушаніи и свиреніи.

Неизвѣстно, сколько именно времени о. Феофанъ жилъ въ Саровской пустынѣ. Онъ самъ, когда вспоминалъ о первыхъ мѣстахъ своего уединенія, высказывалъ только то, что онъ жилъ сначала въ Саровской пустынѣ и лично познакомился съ многими подвизавшимися тамъ старцами духовной жизни; потомъ по собственному желанію болѣе строгой жизни перешелъ въ Санакарскую обитель.

Изъ Саровскихъ старцевъ о. Феофанъ особенно часто вспоминалъ старца Назарія. "О. Назарій, говорилъ онъ, человекъ былъ простой, неученый, писать не умѣлъ. Преосвященный Гавріилъ разъ спрашивалъ о. Назарія, кто у него хуже всѣхъ. Онъ отвѣчалъ: всѣ хороши. Неужели же нѣтъ худаго? Владыка святой, я только одинъ". Жилъ онъ въ пустынѣ 7 лѣтъ, и я бывалъ у него, говорилъ о. Феофанъ. Онъ саногі по 6 лѣтъ нашивалъ; платье носилъ такое рубищное. Ему были искушенія. Сказывалъ, мысль ему пришла: насѣй рѣшны, будутъ приходить усердствующіе брать ее и будутъ испѣленія, *Да, говоритъ,*

поучительна, что въ обители всѣ были покойны, жили въ тишинѣ безъ всякаго смущенія. Еще въ Саровской пустынѣ былъ монахъ Симонъ, добродѣтельной и Святой жизни.

развѣ болѣзни! они святые, а я грѣшный. И вдругъ, какъ только это подумалъ, почувствовалъ, что кто-то ударилъ его какъ палкой по головѣ, и такъ сильно, что не могъ на мѣстѣ удержаться, ползкомъ кое-какъ до обители дошелъ“. Такъ вотъ смиреніе какъ противно діаволу! А ежели бы принялъ эти мысли, то и чудотворенія бы врагъ сдѣлалъ. Вотъ тщеславныя-то мысли и со святой стороны заходятъ.

Онъ же о. Назарій, говорилъ о. Теофанъ, сказывалъ о великомъ чудѣ близъ Саровской пустыни: „во время Пугачева, когда многія поля остались незабѣяныя и гололъ превеличайшій былъ (въ тогдашнее время семь рублей была четверть ржи). одна гора открылась на подобіе муки, — стали пѣчь хлѣбъ. Прошло это время, смотрятъ—въ той же горѣ песокъ. Въ это время въ Саровской пустынѣ премножество народа кормили. Стало у самихъ мало хлѣба. Къ о. Ефрему приходятъ братія, ему докладываютъ, что хлѣба остается уже у самихъ мало, раздавать просящимъ нечего, то какъ онъ прикажетъ? Онъ отвѣтилъ, что «если отказывать, то будутъ умирать. Лучше ужъ намъ прежде умереть, нежели люди будутъ умирать. Какъ Богу угодно. Одна госпожа 100 четвертей и прислала къ намъ хлѣба. Она совѣтовалась съ Саровскими старцами, какъ ей употребить хлѣбъ, котораго у нея было очень много. Ей присовѣтовали на три части раздѣлить его: часть нищимъ, часть себѣ, часть на продажу. Которую часть на раздачу—то опредѣлили, роздали всю, сколько опредѣлили; только смотритъ управитель, а хлѣбъ еще есть. Пришла сама госпожа, а хлѣбъ изъ сусека сыплется. Она тутъ же пала на колѣни и благодарила Бога.

Объ этомъ о. Назарій о. Теофанъ рассказывалъ, что когда онъ былъ келейникомъ у митрополита Говрина, старецъ посѣтилъ его; въ это время пришелъ къ нимъ и владыка очень скорбный. Что вы, батюшка, спросилъ старецъ, такъ скорбны? Да вотъ эти поляки, отвѣтилъ владыка, нашихъ въ Польшѣ обманомъ перерѣзали 15000. „Не скорбите, сказалъ старецъ, которые къ Богу пошли, которые за грѣхи наказаны. Нечего скорбѣть! Богъ знаетъ, что дѣлаетъ съ нами“. И пресвященный успокоился.

Вспоминалъ еще о пустынникѣ, который жилъ въ пустынѣ около Сарова 50 лѣтъ. Мнѣ случилось знать его, гонорилъ о. Ѳеофанъ. Разъ — два послушника пришли навѣстить его; а онъ сидя молится. «Что вы? Навѣстить пришли». О говорить, не время: придите ко мнѣ завтра». Пошли они; но дорогою одному пришла мысль вернуться. Другой говоритъ: „вѣдь ты оскорбишь его“? Ну, что дѣлать? все таки пойду“. . . Пришелъ; пустынникъ его спрашиваетъ: „за чѣмъ ты“? „Да мнѣ пришла мысль воротиться.“ „Ну, нечего дѣлать, такъ, видно, угодно Богу“. По-молился и скончался.

Да, прибавлялъ о. Ѳеофанъ, къ разсказу о Саровѣ, Богъ меня привелъ въ моей жизни видѣть великихъ старцевъ въ Саровѣ: о. Ефремъ пренестой былъ, а весьма добродѣтельный. Еще въ Саровской пустынѣ Симонъ монахъ добродѣтельный былъ, Іоакимъ іеромонахъ, что большой холодный соборъ строилъ, Пахомій, Іосія и о. Германъ, который съ малыхъ лѣтъ жилъ въ пустынѣ съ о. Варлаамомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

** ПРИЛОЖЕНІЕ. **

Пребываніе о. Теофана въ Санакарской пустынѣ.

Юный Теодоръ, ревнуя о монашескихъ подвигахъ, находилъ, что Саровская пустынь, съ ея строгими послушаніями, продолжительными и чинными службами, еще не вполне соответствуетъ его желаніямъ; онъ искалъ такого мѣста, гдѣ бы, по его собственному выраженію, „жестокая жизнь была“, и наставника, который бы отличался не столько снисходительностію къ немощамъ посвятившихъ себя иноческой жизни, сколько строгостію ко всѣмъ ихъ помысламъ и поступкамъ, ко всѣмъ проявленіямъ жизни, несогласнымъ съ духомъ истиннаго монашества.

Скажу вамъ, говорилъ о. Теофанъ сестрамъ Горницкаго монастыря, какъ мы полагали свое начало. Мы искали, гдѣ бы жестокая жизнь была; выбирали, гдѣ поплотше служба. Въ Саровской пустынѣ? нѣтъ, еще слабо! А къ отцу Теодору! Это былъ настоятель Санакарской пустыни.

Санакарская пустынь состояла въ Воронежской епархіи, отъ города Темникова въ 3-хъ, а отъ Саровской пустыни въ 40 верстахъ. Обитель сія въ то время находилась въ совершенномъ запустѣніи, все носило въ ней печать нищеты. Настоятель ея о. Теодоръ, по любви къ уединенію, оставивъ Петербургскую Лавру, гдѣ былъ монахомъ, прибылъ сперва въ Саровъ, а потомъ со всѣми перешелъ въ опустѣлый Санакаръ, какъ мѣсто, особенно удобное для пустынныхъ подвиговъ. Здѣсь онъ былъ посвященъ во іеромонаха и опредѣленъ настоятелемъ; такъ какъ къ нему собралось нѣсколько другихъ подвижниковъ. О. Теодоръ былъ умный и очень ученый, характера строгаго и суроваго, велъ жизнь истинно подвижническую и былъ опытный руководитель въ духовной жизни.

Пришли мы къ о. Теодору, говаривалъ о. Теофанъ, глядимъ: обитель безъ ограды, заборомъ огорожена; церковь маленькая, окошечки въ ней волоковые, внутри и стѣны не отесаны; и свѣчь — то небыло, съ лучиной въ церкви читали. И братія, платье — то какое носили! балахоны. Одинъ смурый кафтанъ былъ, по

для одного того, кто для покупокъ выѣзжалъ. Я жилъ въ одной кельѣ съ Макаріемъ: ему больше всѣхъ искушеній было. О. Феодоръ даетъ ему балахонъ худо сшитый, съ длинной спиной или съ заплатами; тотъ смущается, придетъ къ о. Феодору, показываетъ, какъ балахонъ сидитъ на немъ, какая снѣга несоразмѣрная. За чѣмъ пришелъ въ монастырь, начнетъ увѣщевать о. Феодоръ? да есть—ли разумъ? что вы занимаетесь—чѣмъ? тряпками. Изъ за тряпокъ лишаетесь милости Божіей; а надобно вѣтъмъ заниматься; надобно душу—то свою очистить, чтобы не ирристращлася ни къ чему временному. А какая была обувь! въ лаптяхъ ходили, ноги обвертывали изгребинной язь самыхъ толстыхъ мѣшковъ, но боспкомъ не ходили. Ланги (или ступни) были одни мелко плетеныя, другіе— крупно; въ рукодѣльной такъ и лежали одна кучка маленькихъ, другая крупныхъ. Ключъ отъ рукодѣльной былъ всегда у о. Феодора. Придутъ къ нему: Что вы?... благословите, батюшка взять ступни. О. Феодоръ идетъ съ ними въ кладовую, и велитъ самому выбирать; изъ маленькихъ и выберутъ. Онъ того позоветъ къ себѣ; поди — ка сюда, и возметъ у него маленькіе назадъ. Случалось это и съ отцомъ Игнатіемъ; а Игнатій былъ изъ придворныхъ, и у него отбиралъ частыя ступни и бранивалъ за то, что на ланги прельстился. Разъ съ этимъ о. Игнатіемъ онъ поступилъ еще строже. Когда онъ былъ составленъ іеродіакономъ, то свечера примочилъ волосы, заплелъ, да послѣ и расчесалъ; надѣлъ нарчевый стихарь, а въ лаптяхъ! Какъ всталъ на амвонъ, о. Феодоръ его и позоваъ: ты, говоритъ, павлинь! Хвостъ—то распустиаъ! Посмотри на ноги—то. Поди сними стихарь. Тотъ оскорбился и увѣжалъ ночью къ преосвященному Іерониму жаловаться, что пристыдилъ, посрамилъ меня. А преосвященный и прислалъ его къ о. Феодору, чтобы на поклоны поставилъ. Подобными строгими мѣрами онъ дѣйствительно вызывалъ иногда недовольство и ропотъ въ братіи: начнутъ, бывало, говорить: живи, живи, и въ этомъ—то утѣшенія не сдѣлають, въ какихъ нибудь ступняхъ! Услышнть это о. Феодоръ, нозоветь смутившихся. Что вы тамъ? Да вотъ, батюшка, смущеніе какое: и въ ступняхъ—то утѣшенія не сдѣлаете! Тутъ—то о. Феодоръ и начнетъ ямъ представлять: есть—ли у васъ разумъ, что вы изъ за такой бездѣлицы теряете спасеніе?

Вообще жизнь въ Санаксарѣ; какъ описывалъ ее потомъ о. Теофанъ, напоминала собою древнѣйшія времена иночества. О. Феодоръ, находясь въ связяхъ съ богатыми гражданами Петербурга, легко могъ бы изыскать средства къ лучшему устройству и украшенію своей обители; но при своемъ строгомъ взглядѣ на монашество, онъ находилъ полезнымъ для братіи не измѣнять прежній, убогой видъ монастыря. Несмотря па крайнюю нищету обители и содержаніе братіи самое убогое, требовалась совершенная нестяжательность и въ келейной жизни; никто изъ братіи не могъ имѣть никакой собственности; послушанія распредѣлялись и исполнялись со всею строгостію. О. Феодоръ весьма бдительно слѣдилъ за жизнью и духомъ братіи. Къ нему во всякое время дни и ночи въ искушеніяхъ могли приходять невозбранно. Будучи строгъ къ себѣ, онъ требовалъ и отъ вѣрившихся ему неуклоннаго исполненія всѣхъ монашескихъ правилъ, не оставлялъ безъ взысканія ни одного поступка, противнаго духу монашеской жизни, основнымъ правиломъ которой онъ поставлялъ для братіи совершенное отреченіе отъ своей воли: „я не желаю, я не хочу“—этого слова, какъ говорилъ о. Теофанъ, онъ не терпѣлъ, истреблялъ его и не могъ слышать. Самыя условія жизни въ его монастырѣ, полной всякаго рода лишеній, представляли лучшую школу для воспитанія въ братіи полного самоотверженія, и опытный старецъ внимательно слѣдилъ за малѣйшимъ проявленіемъ чувствъ, противныхъ этому первому условію иноческой жизни. А кто не могъ сносить строгихъ его взысканій и всѣхъ лишеній жизни въ Санаксарѣ, тѣхъ онъ и не удерживалъ въ обители: „у меня ворота открыты для всѣхъ, кто хочетъ выходить“. За то оставшіеся въ монастырѣ, проходя подъ его руководствомъ трудную науку безрекословнаго послушанія и самоотреченія, составляли общество, напоминавшее лучшія времена православнаго иночества.

Подъ руководствомъ такого то настоятеля добродѣтельной жизни въ сей обители юный Феодоръ посвятилъ себя всѣмъ трудамъ. Воспріявъ на себя крестъ, онъ всеусердно желалъ послѣдовать Христу, презиралъ плоть, которая переходитъ, прилежалъ о душѣ—вещи безсмертной; здѣсь, въ радостномъ духѣ, проходилъ онъ одно за другимъ всѣ монастырскія послушанія и несъ всѣ труды наравнѣ съ прочими братіями. И самъ, свидѣтельствуя о себѣ, помы мылъ, в щепки собиралъ, и ложки мылъ и

пищу варилъ. Когда же въ свою очередь обязанъ былъ въ ночное время караулить монастырь, то всю ночь проводить безъ сна. Сами караулили поочамъ; походимъ, походимъ да поклонимъ нѣсколько земныхъ положимъ, помолимся. Церковная служба отиравалась въ Санакарѣ съ строжайшимъ соблюденіемъ устава и отличалась продолжительностію; всеобщее бдѣніе обыкновенно продолжалось семь часовъ.

Любовь къ Богу укрѣпляла духъ юнаго Феодора и всѣ труды дѣлала для него легкими. Онъ такъ возлюбилъ нищету, что никогда ничего у себя не имѣлъ. „А чтобы при себѣ что—нибудь имѣть, ничего ужъ не было: огня въ келліи никогда не бывало“. Желая усилить по возможности начатые имъ подвиги иноческой жизни, онъ выразилъ намѣреніе поселиться въ уединеніи, среди окружающаго монастырь лѣса. О Феодоръ вообще неохотно отпускала учениковъ своихъ въ уединеніе, предпочитая ему общежитіе, но для него нашелъ полезнымъ сдѣлать исключеніе. „Я, говорилъ о. Теофанъ, въ лѣсу жилъ годъ. Въ лѣсу сонѣмъ другія мысли! Въ общежитіи противъ той жизни, точно какъ въ раю! О. Феодоръ другихъ не отпускала, а меня отпустилъ“.

Имѣя всегда предъ глазами примѣръ добродѣтельной жизни настоятеля и находясь подъ его бдительнымъ руководствомъ, о. Теофанъ научился здѣсь тому терпѣнію, той строгости къ себѣ и строгому послушанію, которые потомъ составляли отличительный его характеръ и которыя самъ онъ любилъ называть азбукою въ монашеской жизни. „Да, мы жили у старцевъ духовныхъ. И насъ старцы бравивали за противорѣчіе, за непонятіе“, говаривалъ о. Теофанъ. А были упорные, спросила одна изъ сестеръ горицкихъ? Нельзя безъ этого, отвѣчалъ о. Теофанъ, нельзя, чтобы плевель не было между пшеницею. Вотъ, напр., кому о. Феодоръ возбранялъ идти въ пустыню, а они все—таки пошли; со всѣми ими послѣдовалъ худой конецъ, потому что оставили послушаніе. А были все такіе молитвенники постники!

Три года жизни въ Санакарѣ подъ руководствомъ опытнаго настоятеля, утвердили въ душѣ юнаго Феодора желаніе навсегда посвятить себя иночеству. Но супостатъ—дьяволъ, рыкая яко левъ, искій кого поглатити, завидуя его восхожденію, употреб-

лялъ разныя ухищренія къ тому, чтобы сдѣлать снону его спасенію, или по крайней мѣрѣ прелестями міра совратить его съ пути Богоугожденія на путь суетныхъ попеченій.

Въ 1774 г. возникло дѣло у настоятеля Санакарской обители съ Темниковскимъ воеводою—Ниловымъ. Этотъ Ниловъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ упросилъ о. Феодора быть его духовнымъ отцомъ, на что старецъ согласился, по съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы духовный сынъ повиновался ему во всемъ, что касается спасенія души. Сначала Ниловъ былъ послушенъ, но пототъ сталъ нарушать посты, притѣснялъ городскихъ жителей и при случаѣ бралъ съ нихъ поборы. Всѣ увѣщанія о. Феодора были напрасны. Наконецъ одно обстоятельство крайне огорчило старца: въ самую горячую пору полевыхъ работъ воевода заставилъ крестьянъ строить ему покои; крестьяне стали умолять о. Феодора заступиться за нихъ предъ воеводой и выпросить имъ позволеніе убрать хлѣбъ, чтобы не погибнуть съ голода. Тронутый ихъ бѣдствіемъ, старецъ поѣхалъ въ Темниковъ. Воевода, давно наскучивъ его наставленіями, велѣлъ позвать его въ канцелярію; здѣсь старецъ и затруднился высказать ему все, что считалъ долгомъ сказать своему духовному сыну, по поводу его поступковъ; а этотъ послѣдній приказалъ немедленно составить протоколъ, что настоятель Санакарской пустыни оскорбилъ его передъ зеркаломъ, называя его грабителемъ и другими именами. Началась переписка. Для объясненій по доносу воеводы о. Феодоръ долженъ былъ явиться къ намѣстнику въ Воронежъ. „Онъ тогда бралъ съ собою и меня, говоритъ о. Теофанъ, для писанія отвѣта“. Случилось, что намѣстникомъ былъ человекъ, который хорошо зналъ его по службѣ въ Вотчинной Коллегіи. Вспомнивъ о его способностяхъ и усердіи на службѣ, онъ приглашалъ послушника Феодора на службу въ свою канцелярію, и обѣщалъ открыть ему дорогу къ почестямъ. Другіе изъ свѣтскихъ лицъ предлагали ему очень выгодное суружество, посредствомъ коего онъ могъ бы войти въ родство съ знатными лицами,—покровительство сильныхъ земли и значительное имѣніе изъ приданое. Не объ этихъ—ли испытаніихъ въ юности. вспоминалъ о. Теофанъ, когда рассказывалъ послѣ въ старости: „сначала мнѣ много было разныхъ искушеній, появлялись мысли и въ міръ возвратиться“. Но настоятели обители къ коему онъ имѣлъ особенную до-

вѣрность, умиротворили душу юнаго Феодора. „Надъ чѣмъ ты задумался? спросилъ однажды Феодора настоятель, вида его въ большомъ раздумьѣ. Тотъ повѣдалъ ему свое горе. „Благодари Господа говорилъ старецъ, что жиѣ известно о твоёмъ искушеніи. Повѣрь жиѣ; многіе погибали не отъ силы искушенія, а отъ того единственно, что никому не открывали своихъ помысловъ. У послушника—спасеніе въ послушаніи. Помни слова Спасителя: „никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять управленъ есть въ царствіи Божіи“ (Лук. 9, 62). Слава старца произвели столь сильное впечатлѣніе, что Феодоръ вмѣнилъ все прелести міра въ уметы, да Христа пріобращаетъ (Филип. 3, 8) и рѣшительно отказался отъ блестящей будущности, какую ему обѣщали благожелательные покровители: въ мръ духа возвратился онъ въ пустынь Санакарскую, къ прежнимъ подвигамъ въ кругу братьевъ—пустынниковъ.

Въ концѣ того же 1774 г. Санакарская пустынь, начинавшая приходить въ лучшее благоустройство со стороны удобствъ жизни, должна была разстаться съ добрымъ, незабвеннымъ своимъ пастыремъ, настоятелемъ. О. Феодоръ, по несправедливымъ наветамъ Темниковскаго воеводы, былъ обвиненъ, яко человекъ безпокойный, и потомъ былъ отправленъ въ Соловецкій монастырь въ число братства. Удаленіе его было печальнымъ событіемъ для всѣхъ учениковъ его, лишившихся такого мудраго и опытнаго наставника, а въ то же время была невознаградивой потерей и для обители. Старецъ Феодоръ самъ понималъ это, и потому не хотѣлъ стѣснять учениковъ своихъ какимъ либо завѣщаніемъ; отправляясь въ Соловки, онъ предоставилъ имъ полную свободу жить въ Санакарѣ или разойтись по другимъ монастырямъ.

Изъ искушеній въ Воронежѣ, послушникъ Феодоръ ясно видѣлъ, какъ опасно быть безъ руководства старца; много онъ скорбѣлъ о разлукѣ съ своимъ наставникомъ; но не предавался унынію, держа въ умѣ слова Господа: не двѣ—ли птицы вѣнчаны единымъ ассаріемъ? и ни одна отъ нихъ налетѣла на землю, безъ воли Отца нашего; вѣмъ же и власи главніи изочтени суть. Неубойтеся убо, мнозѣхъ птицъ лучше есте вы. Овъ съ твердою вѣрою уновалъ, что Господь не оставитъ его въ добромъ начинаніи и пошлетъ ему другаго руководителя.

Съ отбытіемъ настоятеля Санакаръ опустѣть на половину, но юный Феодоръ не вдругъ рѣшился оставить убогую свою пустынь, которая была дорога для него именно потому, что была мѣстомъ его первыхъ иноческихъ трудовъ. Въ послѣднее время пребыванія о. Феодана въ Санакарской пустыни случилось происшествіе, которое запечатлѣлось навсегда въ его душѣ. Въ городѣ Темниковѣ свирѣствовала козанда Пугачева. Устрашенный ею воевода Нилъ бѣжалъ изъ города Темникова, и за это былъ отставленъ, искренно сознавался, что несчастіе по службѣ послалъ ему Богъ въ наказаніе за напрасное заточеніе настоятеля Санакарской пустыни, чему онъ былъ главною виною. Между тѣмъ, когда шайка Пугачева приближалась къ монастырю и братія, изъ страха, большею частію бѣжала въ безопасныя мѣста, послушникъ Феодоръ одинъ, въ надеждѣ на промыслъ Божій, не оставилъ обители, и бунтовщики миновали ее. Однакожъ юный Феодоръ видѣлъ, что жить въ Санакарѣ безъ опытнаго руководителя было неудобно; притомъ же не легко было перенести и разлуку съ наставникомъ, подъ руководствомъ котораго провелъ первые трудные годы монастырской жизни: поэтому онъ рѣшился переселиться въ Введенскую пустынь, гдѣ въ это время былъ настоятелемъ знаменитый старецъ Клеона и гдѣ поселились двое особенно близкихъ къ нему сподвижниковъ Игнатій и Макарій, общеніе съ которыми особенно въ первую пору иноческой жизни имѣло на него благотворное вліяніе.

Пребываніе въ Санакарской пустыни, какъ можно судить по послѣдующимъ обстоятельствамъ, развило въ о. Феоданѣ истинное понятіе о жизни монашеской, какъ жизни самоотверженной, жизни въ нищетѣ, въ вѣнѣй и внутренней, жизни въ борьбѣ и съ неправдами людскими. Отсюда же, изъ скорбныхъ обстоятельствъ жизни выпесъ о. Феоданъ крѣпкое упованіе на промыслъ Божій; и оно было такою прекрасною чертою всей его послѣдующей жизни.

Разсказывая о Санакарѣ, о. Феоданъ воспоминалъ о двухъ обстоятельствахъ замѣчательныхъ: когда закладывали въ Санакарѣ церкви, то гдѣ алтарю надобно было быть, — вдругъ прилетѣлрой пчель. О. Германъ огрѣбъ ихъ въ улей, — и съ того времени повелись все пчелы.

Нѣкоторые изъ братіи смущались, что о. Феодоръ двумя монастырями управлялъ: своимъ и женскимъ Алексѣевскимъ, который онъ завелъ; ходили къ знаменитому схимнику Досифею въ Кіевъ,—говорили ему, что вотъ о. Феодоръ два монастыря, мужскій и женскій, имѣеть подь своимъ управленіемъ. „Да что вы, слабости какія въ немъ замѣтили? Нѣтъ, строгой жизни! Недостатки что—ли какіе есть? Нѣтъ никакихъ. За кого вы его почитаете? За святаго. Что, онъ грамотъ знаетъ? Ученый! Такъ чтоже вы сомнѣваетесь? Умная голова можетъ не только два стада и десять можетъ пасти“. Такъ они и успокоились.

Ко времени жизни о. Теофана въ Санаксарѣ, вѣроятно относятся и его личное знакомство съ святителемъ Задонскимъ Тихономъ, который даже пригласилъ его остаться въ Задонскѣ. О. Теофанъ благоговѣлъ къ памяти святителя Тихона и называлъ его однимъ изъ своихъ наставниковъ въ духовной жизни. Вотъ что онъ рассказывалъ: „Я самъ гдѣ не былъ? былъ и въ чужихъ земляхъ! по вездѣ всячески старался какъ—нибудь навывкнутъ духовной жизни. Сколько случалось мнѣ знать мужей добродѣтельныхъ! Великіе старцы были, отъ которыхъ учился: Тихонъ воронежскій, о. Феодоръ, о. Клеона,—можно сказать чудотворцы.

Преосвященный Тихонъ Задонскій былъ мужъ добродѣтельный, много чудесъ отъ него (т. е. по его кончинѣ)! Я у него былъ еще при жизни. Онъ меня оставлялъ у себя. Тутъ былъ схимникъ Митрофанъ—добродѣтельной жизни. Онъ ѣзжалъ въ Елецъ, гдѣ многіе пользовались отъ него; разъ оставилъ о. Игнатію (тамошнему іеромонаху) ключи; тотъ собралъ нищихъ, да все и роздалъ, что въ кельи ни было; оставилъ только ложечку, да самое нужное,—вычистилъ такъ келью! Митрофанъ прибѣгаетъ къ преосвященному жаловаться: что мнѣ Игнатій сдѣлалъ! опустошилъ мою келью! Преосвященный спрашиваетъ о. Игнатія. Тотъ отвѣчаетъ: „да чего! пропасть такая у него мшелоимства“! Я все лишнее роздалъ, а нужное оставилъ. Преосвященный сказалъ: „ну такъ ты, схимникъ, долженъ еще благодарить о. Игнатія“.

Пребываніе о. Теофана въ Веденской пустынѣ.

Введенская пустынь, куда переселился послушникъ Θεодоръ, находящаяся въ 3-хъ верстахъ отъ г. Покрона Владимірской епархіи и въ 90 отъ Москвы, будучи расположена на маленькомъ островѣ и окруженная со всѣхъ сторонъ водою, представляла прекрасное убѣжище для тѣхъ, которые искали удаленія отъ міра, и въ этомъ отношеніи произвела на Θεодора самое отрадное впечатлѣніе; впоследствии онъ сравнивалъ ее съ своимъ Новозерскимъ монастыремъ: „островъ меньше нашего“, говаривалъ о. Теофанъ.

Жизнь въ Введенской пустынѣ, подъ руководствомъ о. Клеоны, который въ то время былъ въ ней настоятелемъ, имѣла для Θεодора не менѣе важное значеніе, какъ и три года, проведенные въ Санаксарѣ: это былъ для него, такъ сказать, новый шагъ впередъ на пути монашескаго воспитанія; здѣсь онъ получилъ новые, болѣе совершенные уроки монашеской жизни, имѣвшіе сильное вліяніе на дальнѣйшее образованіе его характера. Вотъ что рассказывалъ о. Теофанъ о своей жизни въ Введенской пустынѣ.

Я жилъ во Введенской пустынѣ при настоятелѣ о. Клеонѣ. Онъ былъ по происхожденію малороссіянинъ, родомъ изъ Кіева; жилъ сперва въ Кіевѣ, а потомъ на Аѳонской горѣ подвизался вмѣстѣ съ старцемъ Паисіемъ Величковскимъ. Когда же трудныя обстоятельства жизни принудили ихъ оставить Аѳонъ, то Паисій удалился въ Молдавію, а с. Клеона въ Россію, жилъ нѣкоторое время въ Пѣношскомъ монастырѣ и потомъ получилъ въ управленіе Введенскую пустынь. Ростомъ былъ чо выше меня, лицомъ кругловатъ, съ виду еблъ и сухъ, какъ нельзя суше. Жизнь велъ прежестокую. Сколько онъ клалъ поклоновъ! Правило у него было 150 поклоновъ въ церкви по утру и 150 послѣ вечерни. Всегда былъ въ молитвѣ и всегда плакалъ. Ноги у него отъ стоянія отекали и были претолстые. Всенощная шла у него 7 часовъ. Такой охотникъ былъ пѣть: дремлетъ, бывало, и сонный-то поетъ и читаетъ! Иногда такъ вздремлетъ, что едва не упадетъ до земли. Сверхъ поученія ~~свое~~ ~~поученіе~~ ~~сказывалъ~~

во всенощную, заимствуя большую частью изъ св. Ефрема Сирина и Иоанна Лѣствичника, творенія которыхъ составляли его любимое чтеніе. Умеръ, думаю, болѣе 70 лѣтъ. Онъ самъ записался въ синодикъ и сказалъ въ какое время умереть. Онъ 40 мучениковъ любилъ день: въ тотъ день и умеръ.

Да, покойный о. Клеопа жизни подлинно святой былъ, чудотворецъ и прозорливый. Жилъ онъ въ лѣсу съ двумя учениками—Лукою и Матѳеемъ. Не достало у нихъ хлѣба; начали проситься ученики: батюшка, отпусти насъ въ деревню попросить хлѣба. — „Подождите“. День прошелъ, и другой и третій насталь, — просить, чтобъ отпустилъ ихъ. Подождите, завтра отпущу. На третій день, въ вечеру, на царѣ лошадей прѣѣзжаетъ человекъ, спрашиваетъ, гдѣ эта Клеопа? — всего навезъ: и пшеничной муки и ржаной, и масла — и коровьяго, и постнаго, и крупы. Смотрять: какимъ образомъ онъ проѣхалъ? дороги нѣтъ, лѣсъ превеличайшій, частый — но зарубамъ ходили.

Разъ зимой въ полночь находили вору. Приходятъ къ о. Клеопѣ, говорятъ: недобрые люди, видно, лѣзутъ къ оградѣ. Ну, что же, нечего намъ дѣлать. Ступайте всѣ въ церковь! И вотъ въ полночный часъ братія монастыря, собравшись въ церковь, зашѣли: „Взбранной воеводѣ“ — акаѳистъ, и въ это время точно громъ какой превеличайшій сдѣлался на озерѣ; отъ страха вору всѣ попадали и лежали такъ до разсвѣта; а по утру приходили, раскаивались о. Клеопѣ.

Не задолго до смерти о. Клеопы казначей Флоришевской пустыни о. Игнатій, ѣдучи въ Петербургъ, заѣхалъ къ о. Клеопѣ. „Ты, говоритъ, здѣсь послѣ меня будешь настоятелемъ“, и надѣлъ на него крестъ. „Да это, батюшка, архимандричій крестъ“. — „Да будешь“, говоритъ. Все сбылось въ короткое время. На возвратномъ пути изъ Петербурга о. Игнатій опять заѣхалъ въ Введенскую пустынь, но уже не засталъ въ живыхъ о. Клеопы; братія стали просить о. Игнатія остаться у нихъ строителемъ, и по просьбѣ ихъ строителемъ сдѣланъ; потомъ по желанію владыки Переяславли — Зальскаго Феофилакта перешелъ онъ въ Пѣношскій запустѣвшій монастырь, а отсюда взягъ былъ на архимандрію въ Тихвинъ монастырь, и крестъ, который надѣлъ на него о. Клеопа, первый надѣтъ былъ на него при прои-

воидствѣ въ санѣ архимандрита.

Въ бесѣдахъ своихъ съ горицкими старинами, вспоминая объ о. Клеопѣ, о. Оеофавъ съ благоговѣніемъ рассказывалъ о его терпѣніи и кротости. По прибытіи съ Аѳона, проживъ нѣсколько времени въ Россіи, о. Клеопа хотѣлъ было опять возвратиться на Аѳонскую гору; — думалъ какъ въ Молдавіи, — поѣхалъ да и все тутъ! его поймали: преосвященный Сильвестръ (Строгородскій, епископъ Переяславля Залѣскаго) велѣлъ его оковать, наземъ заставить возить, мѣсяца два; посмотрѣлъ, посмотрѣлъ о. Клеопа, не спрашиваютъ его, — написалъ письмо къ преосвященному (письмо это и теперь хранится въ Пѣсношской обители). Преосвященный, прочитавъ письмо, позвалъ его къ себѣ. „Зачѣмъ ты ушелъ!“ — „Я ушелъ не съ дурнымъ намѣреніемъ, а съ тѣмъ, чтобы удалиться отъ молвы, мы въ Аѳонской горѣ привыкли къ уединенной жизни!“ Онъ прямо сказалъ ему: „ежели ваше преосвященство не оставите енархію, вы не спасетесь“. Преосвященный говорилъ: „я пойду къ тебѣ въ Пѣсношскій монастырь“. „Нѣтъ не уживешься! а возьми себѣ Воскресенскій монастырь“. Преосвященный Сильвестръ, когда былъ у Потемкина въ Москвѣ, тотъ рассказывалъ: въ Молдавіи такіе отцы высокой жизни, почтенные! — здѣсь такихъ нѣтъ. Преосвященный Сильвестръ говорить: нѣтъ.. есть, только они не видны. — „Кто такой?“ „А вотъ Клеопа“. Свѣтлѣйшій говорить: представьте мнѣ. Преосвященный сказалъ ему, гдѣ его искать: у купца Матвѣева квартируетъ (у Матвѣева столь открытый былъ для всѣхъ странниковъ) Свѣтлѣйшій карету и прислалъ. Они обѣдали. Спрашиваютъ, который тутъ изъ васъ Клеопа? „Я; на что?“ „Да свѣтлѣйшій прислалъ за вами.“ Удивляется, почему узналъ свѣтлѣйшій. „Хорошо, говорить. я пріѣду; у меня есть своя повозка“. — „Нѣтъ, безъ васъ не велѣно пріѣзжать“. Принужденъ былъ ѣхать. Увидѣлъ преосвященнаго: „это вы меня, ваше преосвященство, затащили сюда старика!“ — Начали говорить, понравился. Свѣтлѣйшій хотѣлъ представить его государынѣ; а онъ скорѣе и убрался въ Введенскую пустынь. На дорогѣ солдатъ его жестоко билъ. Офицеръ, знакомый о. Клеопѣ, его увидѣлъ, спрашиваетъ, за что онъ бьетъ; хотѣлъ этого солдата наказать; но о. Клеопа уиросилъ его: „не троньте его, вѣдь это Богъ повелѣлъ ему наказать

меня, чтобъ я не возносился: Клеона, не тщеславься! ъздить въ каретѣ, быть во дворцѣ“.

Вотъ какъ былъ терпѣливъ и кротокъ о. Клеона; а нестяжательность его достойна удивленія. Былъ у него въ пустынь іеромонахъ Павсій—такой простой, пренпростой былъ; поѣхалъ въ Москву для закунокъ; лошадей-то увели у него, да на нихъ и прѣзжаютъ въ монастырь. Увидѣли, узнали ихъ, спрашиваютъ: гдѣ вы взяли? „Виноваты, увели“. Вѣдь вотъ насъ теперь надобно подѣ судъ отдать?—Да что вы, въ нуждѣ что-ли?—ну, такъ возьмите одну себѣ.

Случилось разъ, Владимірекій генераль-Губернаторъ князь Воронковъ прислалъ спросить о. Клеону: не нужно-ли ему для монастыря земли и рыбныхъ ловлей? „Кланяйтесь господину Губернатору, отвѣчалъ о. Клеона посланному, благодарю за усердіе. Скажите, что для меня нужно земли три аршина,—больше не нужно; такъ у насъ столько есть! а рыбы мы у мужичковъ покупаемъ“.

Хотѣлъ одинъ богатый кунецъ строить имъ каменную ограду, давалъ денегъ 30000 руб. „Кланяйтесь, отвѣчалъ о. Клеона на это предложеніе; за усердіе благодарю; ежели ему угодно, пускай строить“.

Вообще старецъ Клеона, какъ и Санаксарскій о. Феодоръ, не прилагалъ особенныхъ заботъ объ устройствѣ виѣшняго благолѣпія обители и о пріобрѣтеніи имуществъ для монастыря, хотя и имѣлъ къ тому полную возможность; потому что отъ многихъ богатыхъ людей пользовался уваженіемъ за святость жизни. Все вниманіе его было устремлено на внутреннее устроеніе обители. Самъ онъ получилъ воспитаніе иноческое на Аѳонѣ, гдѣ провелъ большую часть жизни въ умной молитвѣ и духовномъ дѣланіи; тотъ же духъ иночества заботился водворить и между братією. Онъ ввелъ въ монастырь уставъ общежительный по образцу Аѳонской горы и продолжительное чинное отпращеніе богослуженія; проводилъ жизнь строю подвижническую, въ непрерывномъ духовномъ бодрствованіи, богомыслии и молитвѣ. Но, будучи строгъ къ себѣ, онъ былъ снисходителенъ къ слабостямъ и немощамъ другихъ. Основнымъ началомъ его дѣятельности въ управленіи обителию была любовь кроткая и прощающая, которую онъ за-

ботился поселить и между братією въ ихъ изаимныхъ отноше-
ніяхъ. Онъ заботился не столько о томъ, чтобы братія упраж-
нялись въ суровыхъ подвигахъ поста и непрерывныхъ трудовъ,
сколько о водвореніи въ нихъ смиренія, незлобія, чистоты по-
мысловъ и внутренняго мира, радч которыхъ доускалъ даже
нѣкоторыя послабленія въ своемъ монастырскомъ уставѣ, въ пол-
номъ убѣжденіи, что и самое точное исполненіе всѣхъ уставовъ,
равно какъ самыя суровыя подвиги безъ любви и искренняго
смиренія не принесутъ никакой пользы иноку. Онъ и приѣздомъ
своей жизни и словомъ назиданія училъ братію вниманію къ
своимъ помысламъ, къ внутреннимъ движеніямъ души: „больше
ничего ненадо воображать, говаривалъ о. Клеопа, какъ только
Богъ, да я одинъ; больше никого нѣтъ; не надо никакихъ дру-
гихъ мыслей принимать“.

Три почти года пробылъ послушникомъ Ѳеодоръ во Вве-
денской пустынѣ; здѣсь онъ проходилъ послушаніе канонарше-
ское и клиросное, велъ жизнь такую же труженическую, ни мало
въ оной не ослабѣвалъ, но прилагалъ труды къ трудамъ, болѣе
и болѣе духовно утверждался въ благочестивыхъ подвигахъ. По-
нятно, какую великую важность для него должны были имѣть
наставленія о. Клеоны послѣ трехъ лѣтъ подвижнической жизни
въ Санакарѣ. Тамъ, подъ руководствомъ строгаго старца, онъ
пріобрѣлъ то, что прежде всего необходимо въ иноческой жизни
— терпѣніе, трудолюбіе, строгое исполненіе монашескихъ правилъ
и безирекословное послушаніе; здѣсь же, подъ руководствомъ но-
ваго наставника, онъ узналъ, что тѣхъ качествъ еще недоста-
точно, чтобы достигнуть совершенства иноческой жизни и во-
снитывалъ въ себѣ тотъ духъ любви, кротости и снисходитель-
ности, который одинъ сообщаетъ внѣшнимъ подвигамъ спаситель-
ную силу и которымъ потомъ была проникнута вся его дѣятель-
ность, когда Промыслъ избралъ его самого быть руководителемъ
другихъ въ иноческой жизни. Жизнь подъ руководствомъ о.
Клеоны имѣла для послушника Ѳеодора еще и то важное зна-
ченіе, что, при посредствѣ его, онъ вступилъ въ духовное обще-
ніе съ той великой семьей иноковъ, средоточіемъ которой былъ
въ то время старецъ Писим⁴⁾. О. Клеопа, какъ поскитившій

⁴⁾ О старцѣ Писимѣ вотъ что разсказывалъ о. Ѳеофанъ: жизнь его
была чудная. У него была тысяча братій изъ разныхъ націй: волохи,

Палестину и долго подвизавшійся на Аѳонѣ, часто восторгалъ юную душу Феодора воодушевленными, глубоконазидательными разсказами о мѣстахъ рожденія, жизни и страданій Божественнаго Искупителя, о жизни и подвигахъ аѳонскихъ иноковъ, гдѣ богомудрая душа его такъ часто упивалась сладкими восторгомъ отъ святыхъ созерцаній. Эти разсказы, полные огня и силы, породили въ Феодорѣ сильное желаніе поклониться св. мѣстамъ Палестины, гдѣ совершилось великое дѣло нашего спасенія и по-сѣтить аѳонскую гору, чтобы самому видѣть жизнь подвижниковъ Аѳона и поучиться ей у мудрыхъ старцевъ. Обстоятельства, по-видимому, благопріятствовали исполненію этого желанія. Случилось, что два монаха Антоній и Арсеній прибыли на время въ Введенскую пустынь изъ Молдавскаго монастыря Тисманъ, отъ настоятели старца Θεодосія, бывшаго собесѣдникомъ старцевъ Писія и Клеона. Бесѣда съ ними еще болѣе усилила желаніе Феодора, посѣтить Іерусалимъ для поклоненія гробу Господню и прочимъ св. мѣстамъ, и онъ, открывъ свое намѣреніе о. Клеонѣ, просилъ у него благословенія на этотъ подвигъ. О. Клеона, самъ странствовавшій по Востоку, одобрилъ желаніе Феодора и благословилъ его отправиться въ путь съ молдавскими иноками, возвращавшимися въ свой монастырь. Въ 1777 году юный Феодоръ, напутствуемый всеобщими благожеланіями братіи, оставилъ Введенскую пустынь, но навсегда сохранилъ въ душѣ благоговѣйное воспоминаніе объ ней и объ о. Клеонѣ, какъ о старцѣ высокой духовной жизни и опытномъ наставникѣ.

и сербы и нѣмцы; въ трехъ монастыряхъ жили, недалеко одинъ отъ другаго. Самъ онъ въ Дорогомирѣ жилъ, а два другіе монастыря по-сѣщаль. Онъ нигуда не выѣзжалъ, къ нему пріѣзжали. Патріархи относились къ нему въ недоумѣнныхъ дѣлахъ! Имя его и здѣсь извѣстно было: изъ Москвы много пріѣзжали. Свѣтлѣйшій князь ѳадилъ нарочно. Принцъ Кобургскій пріѣзжалъ: такъ онъ признавался.—вѣдь онъ нѣмецъ былъ.—я, говоритъ, не видывалъ такого человѣка! Господь Богъ за смиреніе даетъ благодать. Терпѣніе его всѣхъ преиобѣждало, всѣхъ преодолевало. Тысяча братіи—было кому оскорблять! Онъ зналъ: кому скажетъ съ извѣщеніемъ, такъ какъ предсказывалъ: даръ пророчества совершенно имѣлъ: что скажетъ кому изъ братіи, всегда сбывалось.

* ПРИЛОЖЕНІЕ. *

Пребываніе о. Теофана въ Тисманскомъ монастырѣ.

Оставляя Введенскую пустыню, Теодоръ думалъ поклониться св. мѣстамъ Палестины, посѣтить Аѳонскую гору и ипотомъ на всегда поселиться у старца Паисія. Но Промыслу угодно было устроить жизнь его иначе. Изъ Введенской пустыни путешественники, въ числѣ 15 человекъ, между которыми былъ и о. Игнатій, направились въ Молдовалахію, куда собственно лежалъ путь ихъ руководителей, и вмѣстѣ съ ними прибыли въ Тисманскій монастырь. Настоятелемъ этой обители былъ игуменъ Θεодосій, который принадлежалъ къ знаменитѣйшимъ старцамъ того времени. Онъ принялъ ихъ съ любовью и съ радушною простотою и особенное обратилъ вниманіе на юнаго послушника Теодора. Когда прочіе путники стали собираться въ дальнѣйшій путь, Θεодосій, удержалъ у себя Теодора и не отпустилъ даже къ извѣстному добродѣтельному жизни старцу Паисію, провидя въ юномъ послушникѣ украшеніе монаховъ своей обители. Напрасно говорилъ Теодоръ о своемъ желаніи поклониться св. мѣстамъ, напрасно просилъ отпустить его по крайней мѣрѣ къ старцу о. Паисію.

„Я, рассказывалъ о. Теофанъ, желалъ въ Іерусалимъ, намѣреніе было и на Аѳонской горѣ пожить; но оставленъ былъ о. Θεодосіемъ. Ужъ какъ мнѣ хотѣлось,—нѣтъ, не допущенъ былъ. Другіе товарищи пошли; а насъ (съ о. Игнатіемъ) оставили. Мы говоримъ, и мы хотимъ; нѣтъ—не туда, вы должны здѣсь остаться, вы сюда званы. Видно, явленіе какое было. Я говорю, что мнѣ желается дойти до о. Паисія: непременно желалъ къ нему. Нѣтъ, не пропущенъ былъ,—мнѣ говорятъ: ты

не туда, а сюда звань. „Ученикъ старцевъ Θεодора и Клеопы не наставлялъ болѣе на своемъ желаніи и съ полною покорностію отдалъ себя въ волю новаго наставника. Черезъ три дня по прибытіи въ Тисманъ, Θεодоръ былъ облеченъ игуменомъ Θεодосіемъ въ иноческій образъ и нареченъ Теофаномъ. Ему было тогда 25 лѣтъ. Такъ, совершенно неожиданно для него, Промысль устроилъ его судьбу. И о. Игнатій остался въ Тисманѣ. Ему, когда онъ хотѣлъ возвратиться въ Россію, пустынный, указавъ на образъ Божіей Матери, съ нимъ принесенный, сказалъ: откуда этотъ образъ, будешь тамъ.

Въ недоумѣніи о. Теофана къ о. Пансію нельзя не при- мѣтить особаго смотрѣніи Божія; если бы онъ водворился у св. старца Пансія, что легко могло случиться, то мы лишились-бы такого великаго подвижника, такого мудраго руководителя ино- чествующихъ и такого дивнаго молитвенника. Сколь многіе возбуждены были его прижѣромъ и наставленіями отъ сна грѣ- ховнаго къ покаянію! Сколь многіе съ путей погибельныхъ были имъ поставлены на путь правый! О. Теофанъ, подобно св. Апо- столу Павлу, всѣмъ былъ вся, да всяко нѣкія спасетъ и Хри- сту приобрящетъ.

Новый монастырь, куда такъ неожиданно поступилъ о. Тео- фанъ и уже дѣйствительныхъ инокомъ вполне соотвѣтствовалъ его желаніямъ. Тисманъ занималъ мѣстоположеніе уединенное, отъ мірскаго шума совершенно былъ удаленъ; въ обители цар- ствовала тишина; а еще болѣе утѣшительнаго представляла ему самая жизнь, какую проходили внутри монастыря. Впослѣдствіи о. Теофанъ съ любовію воспоминалъ о Тисманѣ и вотъ, что раз- сказывалъ объ немъ: „на Тисманѣ двоя мощи: преподобнаго Ни- кодима ⁶⁾ и ученика его Аркадія. Мѣсто тамъ такое уединенное!

⁶⁾ О препод. Никодимѣ рассказывали, что, когда по случаю недостат- ка рыбы братія стала ронгать и хотѣла оставить монастырь, Матерь Бо- жія сама явилась преподобному и сказала: какіе вы малодушные! подите на Дунай и копайте. Когда пошли, то Ангель указалъ преподобному мѣ- сто гдѣ копать; вышло воды столько, что образовалось озеро на 10 верстѣ, а рыбы такое множество, что когда батюшка жилъ въ Тисманѣ, рыбы изъ этого озера продавали отъ монастыря на 1000 руб. Всякой рыбы было множество, даже осетры, севрыга и др.

Отъ всѣхъ странъ и разныхъ націй собрано было братіи чело-
вѣкъ 80-тъ. Въ какомъ послушаніи, въ какомъ терпѣніи, въ
какомъ смиреніи жили! О послушаніи такъ внушено было, что,
чтобы братією ни дѣлалось, сказали на послушаніе, тотчасъ всё
оставляли все. Я сапоги шилъ, чистилъ монастырь, мель поля
въ келліяхъ. Которые исполняли святое послушаніе, въ какомъ
спокойствіи были! какого успѣха превеличайшаго достигли! О.
Феодосій святой жизни былъ. Подлинно всё, какъ Ангелы Божіи“.

Такимъ совершенствомъ внутренней жизни Тисманъ обязанъ
былъ именно о. Феодосію. Онъ былъ ученикомъ великаго старца
схимника Василия, наставленіями котораго пользовался вмѣстѣ съ
другимъ великимъ старцемъ Паисіемъ; съ послѣднимъ онъ долгое
время былъ ближайшимъ собесѣдникомъ и навсегда сохранилъ са-
мое тѣсное духовное общеніе; отъ него получалъ для назиданія
братіи и переводы отеческихъ писаній, особенно объ иноческой
созерцательной жизни. Въ этомъ отношеніи игумень Феодосій
могъ замѣнить для о. Феофана самого старца Паисія, къ кото-
рому онъ такъ стремился. Руководимый новымъ настоятелемъ въ
духъ старца Паисія, который поставлялъ совершенство иноческой
жизни въ строгомъ вниманіи къ помысламъ, въ непрерывномъ
духовномъ дѣланіи и умной молитвѣ, о. Феофанъ въ Тисманѣ
довершилъ свое иноческое образованіе, начатое въ Санаксарѣ и
Введенской пустыни. Безирекословное послушаніе которымъ отли-
чалась окружавшая его братія, имѣло весьма важное значеніе
для его нравственнаго усовершенствованія, о чемъ самъ онъ сви-
дѣтельствовалъ послѣ, когда вспоминалъ о жизни въ Тисманѣ.

Однакожь очень недолго пришлось жить о. Феофану въ
Тисманскомъ монастырѣ. Послѣ заключенія мира въ Кучукъ—
Кайнарджи, положеніе православныхъ монастырей въ турецкихъ
владѣніяхъ сдѣлалось крайне затруднительнымъ, и больше дру-
гихъ терпѣлъ отъ насилія и притѣсненій со стороны Турокъ
именно Тисманъ, такъ что игумень Феодосій, вынужденный
крайностію, рѣшился просить у русскаго правительства какого-
нибудь монастыря, въ который могъ бы переселиться съ своей
братіей. Въ это время жилъ въ Тисманѣ замѣчательный пнокъ

Анастасій. Прибывъ въ монастырь юношею, онъ прожилъ здѣсь 11 лѣтъ, выдавая себя за серба, незнающаго и вовсе неразумяющаго русскаго языка; на самомъ же дѣлѣ онъ былъ очень хорошо образованъ, зналъ языки Латинскій, Французскій и Немѣцкій, свободно говорилъ по турецки, по сербски и по волошски. Исправлялъ работы монастырскія самыя грубыя — дѣлалъ горшки, ткалъ сукна и ходилъ за лошадьми. Въ монастырѣ никто не зналъ его настоящаго происхожденія. Разъ пришелъ съ Тисманъ одинъ монахъ знакомый съ семействомъ Потемкиныхъ. Увидавъ Анастасія, онъ призналъ въ немъ сына одного изъ ближайшихъ родственниковъ могущественнаго вельможи Потемкина, который юношею скрылся изъ дома родительскаго и былъ оплакиваемъ родителями, какъ безъ вѣсти пропавшій. Подозрѣнія свои монахъ сообщилъ игумену, и Ѳеодосій, призвавъ Анастасія, спросилъ: правда-ли, что онъ изъ рода Потемкиныхъ? Анастасій не отказался, но тутъ же сказалъ игумену, что послѣ того, какъ тайна его обнаружилась, онъ уже долѣе не можетъ оставаться въ монастырѣ. Его-то о. Ѳеодосій и рѣшилъ теперь употребить ходатаемъ въ Россію отъ лица иноковъ Тисманской обители. Онъ предложилъ Анастасію съѣздить въ Петербургъ къ свѣтлѣйшему князю, своему родственнику, и исходатайствовать для Тисманской братіи въ Россіи монастырь, въ которомъ бы они могли укрыться отъ притѣсненій, чинимыхъ Турками. Анастасію крайне не легко было возобновить давно и навсегда прерванныя сношенія съ родственниками; но, памятуя заповѣдь апостола, „повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покарайтесь“: не отказался исполнить волю настоятеля, рассчитывая, что въ домѣ родительскомъ его не узнаютъ. О. Ѳеодосій предложилъ Анастасію выбрать себѣ въ спутники изъ братіи, кого онъ пожелаетъ: онъ выбралъ о. Ѳеофана, по уваженію къ его умственнымъ и нравственнымъ качествамъ. Такимъ образомъ о. Ѳеофанъ, проживши не болѣе года въ Тисманѣ, снова долженъ былъ отправиться въ Россію. Много любопытнаго представляетъ его путешествіе съ о. Анастасіемъ, какъ самъ онъ разсказывалъ потомъ.

Собираясь въ дорогу о. Анастасій написалъ отъ своего имени нѣсколько писемъ къ роднымъ и вручилъ ихъ игумену, который въ свою очередь передалъ ихъ о. Теофану для доставленія по принадлежности, не объясняя, отъ кого и къ кому писаны письма; оставалось тайной для него и происхожденіе его спутника. „Дали намъ кибиточку, говорить о. Теофанъ; Анастасій сидѣлъ на козлахъ, смазывалъ колеса, запрягалъ и убиралъ лошадей и вообще все дѣлалъ, какъ человѣкъ данный для услуги. Въ 30-ти верстахъ отъ имѣнія Потемкиныхъ, на почтовой станціи встрѣтилъ путниковъ старый ихъ слуга, который былъ дядькою Анастасія, когда онъ воспитывался въ корпусѣ. Въ немъ онъ узналъ своего бывшего питомца и говоритъ своей хозяйкѣ:—это Алексѣй Петровичъ; но о. Теофанъ поспѣшилъ разувѣрить его, сказавъ, „что ты! Это сербанинъ“. Прибыли наконецъ въ имѣніе Потемкиныхъ: „я, говорить о. Теофанъ, подалъ письмо отцу: онъ распечаталъ, перекрестился, побѣжалъ,—ну, слава Богу, а мы думали, его въ живыхъ нѣтъ“. При вѣсти о сынѣ, котораго считали пропавшимъ, не было конца радости родителей. Въ лицѣ Анастасія они скоро замѣтили черты, напоминавшія имъ сына; но и не смѣли довѣрять своей догадкѣ, видя большую въ немъ пережѣну; надѣялись узнать по голосу, но Анастасій хранилъ упорное молчаніе. „Посадили насъ: все на него смотрять. Говорять: что онъ не говоритъ? Я говорю, продолжаетъ въ разсказѣ о. Теофанъ: онъ сербанинъ, не умѣетъ слова по русски“. Самъ Анастасій едва сдерживалъ свои чувства; „говорить мнѣ по воложки: я что-то чувствую, мнѣ дурно, проси келью. Я говорю: не можно-ли намъ отвести покой особый, съ дороги отдохнуть. Дали намъ горницу; стеклянныя двери. О. Анастасій говоритъ: намъ надобно, какъ можно, сегодня выѣхать“. Вошелъ его отецъ. „Не можно-ли сегодня отправить насъ“. О, какую радость мы получили! цѣлую недѣлю не отпустимъ! Смотрить, говорить о. Анастасію: ты нашъ сынъ? А онъ всталъ, поклонился ему, ничего не говорить, будто и не понимаетъ его. Я говорю, что иногда человѣкъ па человека походить. Вышелъ: не много спустя опять приходитъ. Позвольте снять камиланку“

посмотрѣлъ, нѣтъ, ве оны! Но сердце родителей подсказывало имъ, что они не обманываются и отецъ снова вошелъ и, обратившись къ самому Анастасію, просилъ его, ради Бога, сказать, дѣйствительно ли онъ сынъ ихъ, какъ они подозрѣваютъ. Анастасій не могъ долѣе терпѣть и открылся родителямъ къ великому удивленію о. Теофана. Восторги и слезы радости родителей были не описанны. Радовался и самъ о. Анастасій свиданію съ родителями; ибо прбылъ къ нимъ не по собственному своему желанію, а за святое послушаніе; въ семъ событіи онъ усматривалъ особое изволеніе Божіе, отъ чего еще болѣе укрѣплялась и воспламенялась въ немъ любовь къ Отцу небесному. Повсюду разосланы были Потемкинымъ извѣстія о прибытіи безвѣстно пропадавшаго сына и домъ скоро наполнился родными и знакомыми раздѣлить семейную радость. „Цѣлый мѣсяць, говоритъ о. Теофанъ, прожили. Я говорю: ты отпусти хоть меня-то. Нѣтъ, говоритъ, я безъ тебя не остаюсь“. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ напоминаній, о. Теофанъ и Анастасій отправлены были въ Петербургъ, гдѣ, при помощи Божій, по прошевію о. Θεодосія исполнили порученное имъ дѣло съ полнымъ успѣхомъ. Высочайшимъ указомъ, данымъ Св. Синоду въ 12 день Января 1779 года было опредѣлено: назначить Тисманскаго монастыря игумена Θεодосія въ Молчанскую Софроніеву пустынь и „за оказанныя имъ во время бывшей турецкой войны различныя услуги, кромѣ сего послушанія, ни къ какимъ должностямъ не опредѣлять, и сверхъ того ничего на него не возлагать, ниже съ повышеніемъ сана въ другой монастырь, безъ особливаго высочайшаго указа, не переводить, а вступить ему въ сію пустыню со всею вышедшею съ нимъ братією“. ⁷⁾

О дальнѣйшей жизни о. Анастасія, говорилъ о. Теофанъ извѣстно только то одно, что онъ жилъ въ Лаврѣ, былъ Отенскимъ игуменомъ, ризничимъ; а когда графъ Самойловъ, бывшій генераль—прокуроръ при императрицѣ Екатеринѣ II, выѣхалъ изъ Петербурга, онъ выпросилъ его въ одинъ монастырь бѣло

⁷⁾ Опис. Ссфрон. пуст. 1846 г. стр. 17—18.

градской епархіи,—тамъ у него вотчины были: я, говоритъ, тебѣ буду не оставлять. Тутъ и скончался. Даже никто не зналъ до этого времени, что онъ Потемкинъ. Старецъ былъ добродѣтельный. Премудрость исходила изъ устъ его.

Пребываніе о. Теофана во Флорищевой пустынѣ и Софроніевой.

Когда было исполнено порученіе старца Оеодосія, о. Теофанъ уже не поѣхалъ въ Валахію, а рѣшился ожидать въ Россіи, пока братія Тисманскаго монастыря переселится въ Софроніевскую пустынь. На это время уговорилъ его перейти во Флорищеву пустынь старый его сожитель и спутникъ о. Игнатій, который, по возвращеніи изъ Тисмана, занималъ тамъ должность казначея. „Какъ мы пріѣхали сюда, говоритъ о. Теофанъ, просить Софроніевской пустыни, въ первую турецкую войну, о. Игнатій пріѣхалъ къ намъ изъ Флорищевой пустыни,—поѣдемъ къ намъ во Флорищеву пустыню: вмѣстѣ жили у о. Теодора. Синодскимъ указомъ туда опредѣлился; тамъ жилъ только на время,—покуда выѣзжали изъ Тисмана, дожидался“.

Во Флорищевой пустынѣ о. Теофанъ былъ рукоположенъ во діакона владимірскимъ епископомъ Іеронимомъ. „Туда пріѣзжаютъ, говоритъ о. Теофанъ, преосвященный Іеронимъ владимірскій, — требуетъ къ посвященію. Строитель говоритъ: никого нѣтъ. На меня указали. Сколько не отговаривался, не могъ отговориться“. Между тѣмъ переѣздъ Тисманской братіи въ Софроніеву пустынь совершился скоро, туда же Синодскимъ указомъ переведенъ и о. Теофанъ подъ руководство своего прежняго наставника.

Изъ воспоминаній о. Теофана о Флорищевой пустынѣ приводимъ здѣсь рассказъ его о строителѣ сей пустыни Іларіонѣ, инокѣ жизни добродѣтельной и чудотворцѣ, бывшемъ впоследствии митрополитомъ Суздальскимъ. Бесѣдуя о милосердіи Божіемъ и о томъ, какъ благовольтъ Богъ прославлять людей Ему благоугодившихъ, онъ между прочимъ рассказалъ о чудесномъ исцѣ-

леніи, полученіомъ чрезъ о. Иларіона царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ. Царь, будучи боленъ ногами, вздумалъ съѣздить по Флорищеву пустынь на богомолье. О. Строитель Иларіонъ, не бывъ ни къмъ извѣщенъ о его прибытіи, самъ вышелъ къ нему на встрѣчу за 5-ть верстъ и предложилъ ему эти пять верстъ пройти пѣшимъ. Царь говоритъ ему, что, по болѣзни своей, пѣшимъ идти не въ состояніи; тогда о. Иларіонъ предложилъ ему свои ступни; царь отвѣтилъ, я и въ пуховыхъ саноггахъ ходить не могу. Однакожъ, по просьбѣ окружавшихъ его послушать старца, принудилъ себя, надѣлъ ступни и безъ затрудненія прошелъ всѣ пять верстъ. Когда пришли въ церковь, о. Иларіонъ началъ служить молебенъ, во время котораго болѣзнь царя совершенно прекратилась, такъ что въ изумленіи онъ спросилъ предстоящихъ: не во снѣ-ли мы здѣсь? Въ знакъ благодарности царь пригласилъ старца Иларіона пріѣхать къ нему въ гости въ Москву, и тамъ отправилъ его къ Патріарху для посвященія въ санъ архіерея.

Переселившись въ Софроніевскую пустынь, старецъ Θεодосій ввелъ здѣсь уставъ общежительный Аѳонской горы и вообще тотъ чинъ и порядокъ, то внутреннее устройство, какіе были въ Тисманскомъ монастырѣ, такъ что переѣзна мѣста не имѣла никакого особеннаго вліянія на измѣненіе быта и внутренняго характера его прежней обители. Здѣсь подъ руководствомъ опытнаго старца о. Θεофанъ прожилъ еще полтора года. Получивъ извѣстіе, что ему предстоятъ вызовъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ другими иноками, для занятія разныхъ должностей въ Невской лаврѣ, нуждавшейся въ благонравныхъ монахахъ, о. Θεофанъ употреблялъ все стараніе, чтобы избавиться отъ этого назначенія, не ожидая для себя пользы отъ переѣзженія въ столицу изъ пустынной и строгой обители. Онъ даже рѣшился записаться въ число шести лицъ, которыхъ набирали тогда, для отправленія въ Пекинъ, въ первую китайскую миссію: товарищи его были отправлены, а онъ былъ исключенъ изъ списка назначаемыхъ. „Назначили въ Пекинъ охотниковъ, говорилъ о. Θεофанъ: я

согласился, не хотѣлъ въ Невской лаврѣ быть, такъ для этого просился въ Пекинъ. Шесть человѣкъ требовали въ Петербургъ; всѣхъ товарищей отправили: я остановленъ“. Тогда, чтобы избавиться отъ Петербурга, о. Теофанъ сталъ проситься въ Алексѣевскій монастырь въ Москву, но и эта просьба осталась безъ удовлетворенія, напротивъ ему вѣдно немедленно прибыть на жительство въ Александроневскую лавру. Такимъ образомъ о. Теофанъ вопреки своимъ желаніямъ и ожиданіямъ явился въ Петербургъ въ 1782 году.

** ПРИЛОЖЕНИЕ. **

Пребываніе о. Теофана въ Александроневской Лаврѣ.

Послѣ неудачныхъ попытокъ о. Теофана избавиться отъ назначенія въ Александроневскую лавру, онъ принялъ это назначеніе, какъ указаніе самого Промысла и съ свойственнымъ ему смиреніемъ и усердіемъ проходилъ возлагаемыя на него послушанія. „Сначала, говоритъ о. Теофанъ, былъ я въ ключаряхъ, потомъ сдѣлали меня братскимъ ключникомъ; канонархистомъ былъ годъ да ключникомъ былъ годъ..... погребъ братскій съ напитками былъ на рукахъ“. Это послушаніе онъ прописывалъ и въ своемъ послужномъ спискѣ: „въ Невской лаврѣ проходилъ послушаніе канонархическое, потомъ ключническое, былъ еще и братскимъ погребщикомъ“. Въ этой должности онъ умѣлъ соблюсти такую экономію, что тѣхъ припасовъ, которые прежде выходили въ теченіи года, у него хватало на полтора. „Самъ я составлялъ напитки, говоритъ онъ, и даже водки“. Его стараніе и добросовѣстное исполненіе обязанностей, особенно же его кротость и всегда спокойная разсудительность, обратили на него особенное вниманіе митрополита Гавріила, такъ что онъ взялъ его къ себѣ въ келейники, каковое послушаніе онъ проходилъ около десяти лѣтъ, которое такъ же записалъ въ послужномъ спискѣ: „въ 1782 г. взять въ келейники къ Высокопреосвященному митрополиту Гавріилу, а въ 1785 г. произведенъ въ іеромонаха крестнаго“. Должность келейника у владыки открыла для него возможность быть въ постоянныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ знаменитому святителю, которыя имѣли важныя благотѣльные послѣдствія. Жизнь мудраго и благочестиваго архипастыря была

для него постояннымъ назидательнымъ примѣромъ; съ другой стороны и высокія нравственныя качества самого о. Теофава сердечно расположили къ нему святителя, который во многихъ случаяхъ обращался къ нему за совѣтомъ, и, такимъ образомъ, дали ему возможность быть полезнымъ и для него лично и чрезъ него для самой церкви. Вообще эти 10 лѣтъ, проведенныя о. Теофаномъ въ келліяхъ митрополита Гавріила, были, такъ сказать, временемъ его окончательнаго образованія, когда вполне сложились его нравственный характеръ, съ другой стороны временемъ первыхъ опытовъ общественнаго служенія его церкви, которому онъ посвятилъ себя впоследствии съ такою ревностію и съ такою пользою для обителей, ввѣренныхъ его управленію.

Митрополитъ Гавріиль, какъ извѣстно, принадлежалъ къ числу великихъ святителей русской церкви. Это былъ мужъ высокаго ума, основательно образованный, преданный церкви и православію до самоотверженія, при глубокомъ благочестіи проводившій жизнь строго подвижническую. Вліяніе такого святителя, понятно, какъ благотворно должно было дѣйствовать на окружавшихъ его людей. „Вотъ преосвященный Гавріиль, говаривалъ о. Теофанъ, мужъ былъ добродѣтельный, премудрый, и богословъ и философъ, а болѣе всего то, что былъ угоденъ Господу Богу; слова его сбывались всегда на самомъ дѣлѣ на пренебрегшихъ ими. Онъ самъ мнѣ сказывалъ. Преосвященному жаловались на притѣсненія откупщика: онъ увѣщевалъ его быть челоуѣколюбивымъ; тотъ не послушался — и когда, отъ него вышедши, ноуѣхалъ, лошади разбились, головой ударился, — тутъ и умеръ. Зимогорскіе ящичики, по размежеванію получивши землю деревенскихъ мужиковъ, тѣснили ихъ, не давали убратъся съ хлѣбомъ, до осени не терпѣли; преосвященный уговаривалъ ихъ дать имъ время убратъ хлѣбъ, — не согласились, а куда стояли у него: вся деревня ихъ выгорѣла. Преосвященный говаривалъ: „я ужъ боюсь такъ и говорить — то“. Сказывалъ еще о графѣ О., который противъ воли его женился на двоюродной сестрѣ. Онъ уговорилъ на своей дачѣ священника обвѣнчать ихъ. Государыня сказала преосвященному, чтобы ихъ не разводять за

великія заслуги его отечеству. А по вѣсѣмъ церквамъ запрещено было вѣнчать ихъ. Священника, который обвинчалъ, потребовали къ суду. Графъ ему говорилъ: „ежели тебя разстригутъ, я тебя маіоромъ сдѣлаю“. Его разстригли. Черезъ полгода графъ занемогъ, супруга его занемогла: поѣхали на теплыя воды, въ Швейцарію; возвращаясь назадъ, на дорогѣ она умерла; умирая, говорила мужу: „вотъ до чего ты меня довелъ, что умираю въ пустомъ мѣстѣ, Дай митрополиту Гавріилу 80 тысячъ“. А самъ онъ, переѣхавши за границу, съ ума сошелъ. А священникъ въ самомъ бѣднѣйшемъ видѣ послѣ у преосвященнаго просилъ пономарскаго мѣста. — маіоромъ, то не сдѣлали! Однако, деньги были выданы преосвященному: онъ ихъ въ ломбардъ положилъ. Послѣ, родные ея стали просить, называя себя бѣдными. Онъ все отдалъ; оставилъ только 4000, чтобы процентами пользовалась лапра для поминаенія ея“.

„Да, по истиннѣ грозно было слово владыки. Я сподобился послужить ему: я не достоинъ, но Господь Богъ привелъ послужить ему такому великому мужу. Десять лѣтъ жилъ“. Пятая полное глубокое благоговѣніе къ памяти святителя, о. Теофанъ любилъ въ кругу близкихъ къ нему лицъ передавать воспоминаніе о владыкѣ для назиданія собесѣдниковъ. По рассказамъ его, митрополитъ Гавріилъ, при своихъ ученыхъ трудахъ и многосложныхъ служебныхъ занятіяхъ, строго исполнялъ и обязанности внока; а „монашество—то“, даромъ что все по школамъ учился, зналъ получше нашего. Онъ говорилъ, что когда былъ при родителѣ, къ родителямъ все цустынники хаживали, а я все это слушивалъ, это мнѣ все памятно: они о монашескихъ искушеніяхъ говаривали. Ёздилъ въ каретѣ въ четверку лошадей, но это не повредило, ибо „блаженн нищій духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное“; всегда былъ въ слезахъ, все плакалъ, служилъ всегда со слезами; да бывало, и не камѣренис кого оскорбитъ, плачетъ послѣ“. Все его время и всѣ его занятія были распредѣлены весьма строго: онъ вставалъ обыкновенно къ заутрени и, выслушавъ раннюю обѣдню, въ 10-мъ часу отправлялся въ Синодъ; возвратившись домой, въ 3-мъ часу

садился за скромную трапезу, и дневные свои труды заканчивалъ слушаніемъ печернаго богослуженія. Въ образѣ жизни соблюдалъ самую строгую умѣренность; бѣольшую часть своихъ доходовъ отдавалъ на помощь нуждающимся и на раздачу нищимъ. Когда одинъ кушалъ, всегда только два блюда: кусокъ осетрины свѣже-просольной и уха; а когда архимандриты обѣдали—четыре блюда не больше. Пріѣхалъ псковской Ириной, а у преосвященнаго рыбаго кушанья не было приготовлено, подаютъ пироги съ горохомъ. Тотъ говоритъ: что это такое? Преосвященный смѣется. „Пироги съ горохомъ—ты вѣдь, я думаю ѣдалъ? что развѣ забылъ? Ну, перекрестися, благослови Господи ѣсть неваго изобрѣтенія кушанье пирожки съ горошкомъ“. Въ постные дни съ грибами, съ постнымъ масломъ. Будучи всей душой преданъ Церкви и Православію, онъ смѣло говорилъ правду сильнымъ земли. При отправленіи въ Синодъ или во дворецъ, каждый разъ клалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, опасаясь гнѣва и оналы за смѣлое слово истины. Однажды я пришелъ, рассказывалъ о. Теофанъ, владыка кладетъ земные поклоны и говоритъ: «дай Богъ, чтобы сегодняшній день такъ прошел». Онъ ѣхалъ тогда на служеніе, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ служить протопопъ Самборскій, съ бритою бородою! Увидя Самборскаго, говоритъ: „ты что за человѣкъ? Церковь наша не принимаетъ брадобритыхъ. Поди вонъ“. Цамфиловъ говоритъ: „что вы дѣлаете? воля императрицы!“ „Я не хочу, чтобы Церковь наша страдала; ежели служить съ нимъ, это значить всей Россіи подать соблазнъ, что я это самъ дозволилъ“. Приходитъ Безбородко,—говоритъ: „воля государыни есгь, чтобы онъ съ вами служилъ“. „Да доложите государынѣ; я не могу съ нимъ служить; наша Церковь не принимаетъ брадобритыхъ. Пускай одинъ служить“. Ну ужъ, думалъ, въ кибитку! Преосвященный не служилъ, а служилъ Самборскій. Послѣ зовутъ къ государынѣ обѣдать, а Самборскаго уже не было, и никто не видалъ потомъ, чтобы онъ служилъ.

Постоянное опасеніе гнѣва и оналы за смѣлое слово правды и было причиною того, что владыка, при всемъ обиліи средствъ

и при всѣхъ удобствахъ жизни, постоянно держался простыхъ привычекъ, которыя вынесъ изъ дѣтства и трудной поры воспитанія. Надобно, брать, привыкать ко всему, — говаривалъ онъ о. Теофану, на его замѣчаніе о скудной трапезѣ митрополита, можетъ быть, со временемъ и этого не будетъ. Однажды даже велѣлъ мнѣ наварить щей на недѣлю и заморозить, чтобы потомъ только разогрѣвать. Онъ какъ пророчествовалъ: Императоръ Павелъ вѣдь его оставилъ безъ всего, — безъ всякой пенсїи. Когда Александру Павловну выдавали въ Австрію, былъ духовный театр: всѣ преосвященные были, а онъ велѣлъ подать карету и уѣхалъ. Государь сказалъ: „эти старики какіе грубые“ и въ 24 часа велѣлъ выѣхать изъ Петербурга. Это было 24 декабря 1800 года, а 28 января 1801 года владыка скончался, предсказавъ свою кончину за недѣлю, въ продолженіи которой каждый почти день пріобщался св. таинъ. А какъ только начался 1801 годъ, Преосвященный часто говорилъ: „О, это столѣтіе — то начинается страшное“.

Такова была жизнь святителя Гавріила, которой о. Теофанъ былъ такъ долго свидѣтелемъ и которая была весьма назидательнымъ для него примѣромъ.

Что касается отношеній митрополита Гавріила къ о. Теофану, то первоначально онъ ввѣрилъ ему домашнее хозяйство и на первыхъ порахъ требовалъ отъ него отчетности. „Случалось, говорить о. Теофанъ, что владыка въ свободное время отъ дѣлъ захаживалъ въ его келью для наблюденія подъ иредлогомъ узнать, какъ у него тепло; а иногда оставлялъ въ своей спальнѣ (раскидывалъ) деньги, чтобы искусить“. Но потомъ убѣдившись вполне въ его непоколебимой честности, предоставилъ ему навсегда полное и безотчетное распоряженіе хозяйствомъ и деньгами. И сколько ни старались клеветники и завистники очернить о. Теофана въ глазахъ владыки, но ихъ доносы и клеветы ни мало не поколебали его довѣрія къ келейнику, въ которомъ онъ видѣлъ добродѣтельнаго и нестяжательнаго инока. „Однажды доказывали на меня преосвященному, говорилъ о. Теофанъ, что у Теофана мѣшками деньги стоять, — кто ни придетъ, своими ру-

ками береть. Преосвященный разсмѣявшись, отвѣтилъ на это, — ему легче раздавать-то. Потомъ сказали Преосвященному, что вотъ вы столовъ не дѣлаете, а у Теофана всякій день столы, — человѣкъ по десяти обѣдаетъ. Преосвященный спрашиваетъ: „что у тебя за столы?“ „Да вотъ для странныхъ, батюшка, отвѣчалъ, которымъ не случится гдѣ пообѣдать, я готовлю для нихъ щи, горохъ и кашу“. Разъ еще довели, что у Теофана погребъ отворенъ, и кто ни приходи, всякій пьетъ своими руками, что хочетъ. Однажды преосвященный приходитъ самъ: я въ погребъ одинъ. Что ты дѣлаешь? Да вотъ надобно медь слить, — отстоялся. Вспоминая доносы и клеветы, о. Теофанъ говорилъ: „когда меня, бывало, обидятъ, я поклонюсь; а если на меня напрасно лягли, я молчалъ“. Вообще всѣ козни, которые строили о. Теофану недовольные приближеніемъ его къ митрополиту, только усиливали довѣріе и любовь къ нему владыки; наконецъ онъ отдалъ въ полное распоряженіе и ежедневную раздачу извѣстной суммы денегъ нищимъ и чрезъ него же производилъ всѣ, притомъ весьма обильныя благотворенія заключеннымъ въ темницахъ и другимъ несчастнымъ. „Каждый мѣсяць, говорить о. Теофанъ, я долженъ былъ по 300 руб. серебромъ и золотомъ развести по тюрьмамъ и 50 руб. каждодневно положено было раздавать нищимъ.

Но служба о. Теофана не ограничивалась одними заботами его хозяйственной части. Ближе познакомившись съ характеромъ и жизнію своего келейника, митрополитъ такъ приблизилъ его къ себѣ, что съ полнымъ довѣріемъ обращался къ нему за совѣтами и содѣйствіемъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей служебной дѣятельности: „всѣ секретныя бумаги, говорилъ о. Теофанъ, писалъ я. „Даже перѣдко открывалъ ему состояніе своей души, какъ иноку опытному въ духовной жизни. Но главнымъ образомъ о. Теофанъ былъ совѣтникомъ и помощникомъ митрополита Гавріила по устройенію монастырей, такъ какъ въ это время многіе монастыри были близки къ заустѣнію и самое монашество клонилось къ упадку. Причиною такого печальнаго явленія было введеніе штатовъ, которое слишкомъ неблагопріятно

отозвалось на благосостояніи обителей: многіе монастыри со всѣмъ были закрыты, или приписаны къ монастырямъ болѣе значительнымъ. Но о. Теофанъ указываетъ и другую причину заустѣнія монастырей и упадка иночества. По его словамъ, это зависѣло отъ того, что настоятелями назначались большею частію малороссіане, т. е. ученые монахи. Занятые учеными должностями, они, понятно, не имѣли возможности заняться устройствомъ вѣрваемыхъ обителей; да и оставляя ученые должности, они вступали въ управленіе монастырей безъ достаточной опытности въ этомъ трудномъ дѣлѣ и безъ предварительнаго иноческаго воспитанія, а потому и не могли имѣть благотворнаго вліянія на ввѣрившихся ихъ руководительству.

Такое плачевное положеніе многихъ древнихъ русскихъ обителей сильно печалило владыку — митрополита; самъ будучи строгимъ инокомъ и сознавая всю важность монастырей, чтобы поддержать въ народѣ религіозную жизнь, онъ употреблялъ всѣ усилія поддержать упадающее монашество. Совѣты и содѣйствіе келейника, получившаго иноческое воспитаніе подъ руководствомъ высокой жизни духовныхъ старцевъ, для архимастыря были весьма важны. Онъ хорошо видѣлъ, что монастыри приходятъ въ упадокъ главнымъ образомъ отъ недостатка людей способныхъ къ устройенію ихъ, и потому онъ особенно заботился объ отысканіи такихъ людей и назначалъ ихъ туда, гдѣ они могли принести существенную пользу; и въ этомъ случаѣ онъ всегда обращался къ своему келейнику за совѣтами и пользовался указаніями его. Отецъ Теофанъ самъ рассказывалъ: „Преосвященный тужилъ о монастыряхъ, иска о ихъ исправленіи, — спрашивалъ меня о духовныхъ старцахъ, нѣтъ-ли мнѣ извѣстныхъ, годныхъ для сего. Я, прибавляетъ далѣе, всѣхъ своихъ знакомыхъ, съ которыми виѣстѣ жилъ въ послушаніи у старцевъ, въ Петербургѣ перетаскивалъ: вотъ о. Назарія, о. Игнатія, о. Іону и прочихъ“. Прежде всего обратилъ владыка свой многопечительный взоръ на древніе монастыри своей епархіи; каковы — Валаамскій, Тихвинскій, Клонскій, Моденскій, Новозерскій и другіе, которые клонились уже къ совершенному заустѣнію. Для перваго былъ вызванъ

изъ Саровской пустыни знаменитый старецъ Назарій, которому Валдамъ, почти запустѣлый тогда, и обязанъ тѣмъ замѣчательнымъ внѣшнимъ и внутреннимъ устройствомъ, которымъ славится по настоящее время. Относительно возстановленія Тихвинскаго монастыря вотъ что извѣстно изъ разсказовъ о. Теофана. Въ 1788 г. митрополитъ Гавріиль, обозрѣвая епархію и посѣтивъ вмѣстѣ со о. Теофаномъ Тихвинскій монастырь, нашелъ эту древнюю, знаменитую обитель въ крайнемъ упадкѣ и запустѣніи: „о какъ запустѣль“, изволилъ онъ сказать старичку архимандриту Евѣимію. Возвратившись въ Петербургъ, говоритъ о. Теофанъ, преосвященный спрашиваетъ меня: кого бы сдѣлать архимандритомъ въ Тихвинѣ? Я на сіе отвѣчалъ: ежели угодно будетъ вашему преосвященству, пѣсношскаго строителя Игнатія. Изволилъ спросить: ты знаешь? Я сказалъ, что вмѣстѣ жили въ Санаксарской пустынѣ. Итакъ, изволилъ приказать написать въ Синодъ докладъ и, взявъ съ собою, предложилъ Синоду, что нужно Тихвинъ монастырь поправить, какъ самолично видѣлъ, который въ большемъ упадкѣ, и находить способнаго къ тому Пѣсношскаго строителя Игнатія. Но какъ онъ богословин и прочимъ наукамъ неучень, хотя и съ великими природными дарованіями, то Синодъ не согласился неученаго произвести въ архимандриты (тогда производились въ архимандриты одни ученые монахи). И такъ продолжалось сіе съ полгода. Наконецъ, прѣбавши изъ Синода, преосвященный весело сказалъ: „слава Богу, Синодъ согласился“. Этому обстоятельству о. Теофанъ придавалъ большую важность: „итакъ, говорилъ онъ, о. Игнатій первый изъ неученыхъ произведенъ въ архимандриты, и съ того времени началось производство неученыхъ“. Съ прибытіемъ Игнатія въ Тихвинъ, монастырь началъ приходить въ цвѣтущее состояніе. Благочестивый, трудолюбивый и способный къ домо-строительству архимандритъ Игнатій явель въ Тихвинѣ обще-жительный уставъ, возстановилъ во всемъ строгій порядокъ и при немъ же началось стѣнное росписаніе вновь въ соборной Тихвинской церкви.

Еще болѣе большую услугу оказалъ о. Теофанъ въ возстановленіи и устройствѣ упраздненнаго Симонова монастыря въ Москвѣ. Обширныя зданія этой древней обители обращены были въ казармы, гдѣ помѣщались кавалерійскіе солдаты и съ лошадьми; а впоследствии предполагалось устроить здѣсь госпиталь. Москвичи крайне сожалѣли о запускѣ этой древней обители, и одинъ изъ нихъ, богатый человѣкъ, Долговъ, по совѣту и просьбѣ о. Теофана, къ которому питалъ особенную любовь и уваженіе, извиль желаніе, съ помощію другихъ гражданъ, возобновить монастырь, безъ всякаго пособія со стороны правительства. О. Теофанъ сообщилъ о благочестивомъ желаніи Долгова митрополиту Гавриилу, который съ своей стороны принялъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ и ходатайствовалъ предъ императрицею о возстановленіи Симонова монастыря, о чемъ и послѣдовалъ высочайшій указъ отъ 4-го апрѣля 1795 г. А чтобы лучше содѣйствовать устройству монастыря, митрополитъ рекомендовалъ настоятелю въ оный Тихвинскаго архимандрита Игнатія, какъ человѣка истинно благочестиваго и опытнаго въ дѣлѣ домостроительства, который, дѣйствительно, успѣлъ привести монастырь въ цвѣтущее состояніе, какъ со стороны внѣшности, такъ и по внутреннему устройству.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что о. Теофанъ, въ скромномъ званіи келейника при митрополитѣ Гавриилѣ, былъ нѣкоторымъ образомъ первымъ виновникомъ возстановленія монастырей Тихвинскаго и Симонова. По его же указанію и многіе другіе настоятели монастырей поставлены были на должность настоятельскую и всегда вполне оправдывали свое избраніе.

Говоря о дѣйствіяхъ о. Теофана въ пользу близкихъ къ нему и уважаемыхъ имъ лицъ, нельзя умолчать и о томъ, что ему обязанъ былъ облегченіемъ своей участи первый его наставникъ въ иноческой жизни старецъ о. Феодоръ. Это было первымъ дѣломъ его при поступленіи къ митрополиту Гавриилу. Пользуясь особымъ довѣріемъ архипастыря и помня заповѣдь ап. Павла: „благотворенія же и общенія не забывайте, таковыми бо жертвами благоугодается Богъ“, о. Теофанъ всегда съ ревностію употреблялъ

это довѣріе на дѣла добродѣтели — на помощь страждущимъ, на защиту невинныхъ. При первомъ же удобномъ случаѣ онъ не преминулъ доложить добродѣтельному владыкѣ о невинно-заточенномъ въ Соловкахъ іеромонахѣ Теодорѣ, Санакарскомъ настоятель. Зная хорошо песь ходъ дѣла, о. Теофанъ составилъ докладную записку, которую архипастырь представилъ Императрицѣ, объяснивъ при этомъ, что старецъ Теодоръ девять лѣтъ находится въ заточеніи въ Соловецкомъ потому только, что внушеніе, сдѣланное имъ Темниковскому воеводѣ по долгу духовнаго отца, было суждено какъ укоризна частнаго лица, что письменный отвѣтъ о. Теодора на представленіе воеводы Воронежскимъ намѣстникомъ рассмотренъ и принятъ неправильно. На другой же день Государыня Императрица повелѣла немедленно возвратить старца Теодора въ Санакарскую пустыль, куда онъ и прибылъ въ октябрѣ 1783 г. Когда же и здѣсь старецъ началъ терпѣть притѣсненія отъ новаго настоятеля, то о. Теофанъ упросилъ митрополита Гавріила написать утѣшительное посланіе къ страдальцу, которое побудило его притѣснителей обращаться съ нимъ почтительнѣе.

Вообще какъ высоко цѣнилъ владыка митрополитъ высокую духовную жизнь и духовный разумъ своего келейника о. Теофана, доказательствомъ того служить то обстоятельство, что когда онъ получилъ изъ Молдавіи, давно ожидаемый имъ переводъ книги „Добротолюбіе“, слѣзанный старцемъ Пансіемъ и отдалъ ее для пересмотра и исправленія ученымъ Александроневской семинаріи, то поручилъ имъ обращаться за совѣтами при этомъ занятіи, между прочимъ, и къ о. Теофану. Для правильнаго перевода этой книги, въ которой, какъ извѣстно, собрано ученіе многихъ богомудрыхъ отцовъ и подвижниковъ христіанскихъ о духовной созерцательной жизни и умной молитвѣ, по особенной возвышенности и таинственности ея едержанія, недостаточно было одного знакомства, хотя бы и основательнаго, съ греческимъ языкомъ: нужно было, кромѣ того, опытное прохожденіе и знаніе тѣхъ правилъ и тѣхъ истинъ, которыя изложены въ книгѣ, — и въ этомъ отношеніи преосвященный Гавріиль считалъ нужнымъ для ученыхъ исправителей совѣты

о. Теофана и другихъ старцевъ⁸⁾: «они хотя и не знаютъ такъ какъ вы, греческаго языка, говорили опъ, но лучше васъ знаютъ изъ опыта духовныя истины, не постигаемыя однимъ только книжнымъ ученіемъ, и потому правильнѣе васъ могутъ понимать смыслъ наставленій, содержащихся въ этой книгѣ. Въ Ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ хранится печатный экземпляръ книги Добротолубія на греческомъ языкѣ съ такою надписью: „Сія книга Филокалія посылается въ Александро Невскій монастырь Господину отцу іеромонаху Теофану Крестовому Симеонѣмъ Івковичемъ Свято-Устинскаго монастыря Архимандритомъ, изъ Венеціанской Албаніи, въ 1790 г., апрѣля 10 дня»⁹⁾. Изъ этого видно, что духовная жизнь о. Теофана еще въ должности келейника извѣстна была даже въ отдаленныхъ странахъ.

⁸⁾ Кромѣ о. Теофана, митрополитъ указалъ въ настоящемъ случаѣ на старца Назарія, игумена валаамскаго, іеромонаха Филарета (объ этомъ замѣчательномъ старцѣ см. въ житіи о. Паисія IX) и Аванасія, который доставилъ ему Писсievъ переводъ Добротолубія.

⁹⁾ Краткое сказаніе о жизни блаженной памяти о. Теофана Кирплло-Новоозерской пустыни Архимандрита. Москва. Издан. 1853 г. стр. 20 подстрочн. примѣч.

* * ПРИЛОЖЕНИЕ. * *

Настоятельство О. Теофана въ Николаевскомъ Моденскомъ Монастырѣ.

Мы видѣли, что о. Теофанъ уже въ скромномъ званіи келейника при митрополитѣ Гавріилѣ успѣлъ оказать немаловажныя услуги иночеству своимъ содѣйствіемъ къ возстановленію и внутреннему благоустройству запустѣвшихъ обителей, указывая людей способныхъ къ тому и опытныхъ въ духовной жизни. Наконецъ наступило и для него самого время непосредственно послужить церкви—сначала въ званіи настоятеля Моденскаго монастыря, а потомъ игумена и архимандрита Новоезерскаго.

Моденскій монастырь (Устюжскаго уѣзда новгородской епархіи), какъ выше замѣчено, находился въ крайнемъ запустѣніи и требовалъ настоятеля дѣятельнаго и опытнаго въ духовной жизни. Вниманіе митрополита Гавріила остановилось на о. Теофанѣ, и 14-го сентября 1791 года онъ поставленъ былъ игуменомъ въ Моденскій монастырь, которымъ и управлялъ до 1793 г. Вотъ что рассказывалъ о. Теофанъ о своемъ назначеніи! Отъ пресвященнаго изъ келейниковъ, по болѣзни ногъ, я сталъ самъ проситься: „отпустите меня говорю“. „Да куда ты“? „Въ Саровскую пустынь“. „Я тебя, сказалъ владыка, игуменомъ сдѣлаю. Куда я гожусь, отвѣтилъ я на это; но владыка прибавилъ— „ну, годъ проживешь—дадимъ тебѣ пенсію“. Въ Моденскій монастырь и опредѣлили.

Это новое служеніе о. Теофанъ проходилъ съ обычнымъ своимъ усердіемъ, и Господь благословилъ труды добраго дѣлателя. Въ теченіе двухгодичнаго управленія принятымъ почти опустѣлымъ монастыремъ онъ ясно показалъ, какъ хорошо былъ приготовленъ къ важнымъ и труднымъ обязанностямъ настоятеля

и руководителя иноков предшествовавшей жизни у старцев и в келліях митрополита. Въ столь короткое время онъ успѣлъ положить прочное основаніе внѣшнему и внутреннему благоустройству Моденскаго монастыря. Онъ изыскалъ средства не только поддержать старыя монастырскія зданія, но и построить вновь колокольню, братскую трапезу и кухню: ввелъ въ монастырь строгій порядокъ и чинное отправленіе церковныхъ службъ. Слухъ о духовной жизни о. Теофана, широко распространившійся, духовная его опытность и строгій порядокъ, введенный въ обители, скоро начали привлекать въ нее благочестивыхъ богомольцевъ; число братіи также увеличилось: въ два года въ монастырь поступило болѣе 20 человекъ, желавшихъ проходить послушаніе подъ руководствомъ о. Теофана. Все это приводило въ удивленіе прежняго, престарѣлаго игумена, проживавшаго въ Моденскомъ монастырѣ на покой: „сорокъ лѣтъ живу я здѣсь—говорилъ онъ—и никто, ни одинъ человекъ ко мнѣ не прихаживалъ“.

Но и съ удаленіемъ о. Теофана изъ Невской лавры не прекратились прежнія близкія отношенія его къ митрополиту Гавріилу. Владыка по прежнему обращался къ нему даже въ Новозерскій монастырь за совѣтами, особенно въ выборѣ лицъ на разныя должности¹⁰⁾. И самъ о. Теофанъ нерѣдко ѣздилъ къ преосвященному изъ Моденскаго и даже Новозерскаго монастыря. Во время этихъ пріѣздовъ онъ, по прежнему, отправлялъ при немъ должность келейника, прислуживалъ ему при столѣ, и самъ митрополитъ въ обращеніи съ нимъ сохранилъ прежнюю простоту: случалось, напримѣръ, что, отправляясь къ утрени, заходилъ въ его келью, чтобы разбудить и его, если замѣчалъ, что онъ не вставалъ еще. Такъ рассказывалъ объ этомъ о. Теофанъ. „Изъ Моденскаго я пріѣзжалъ къ преосвященному Гавріилу, и кушанье ему подавалъ; келейная была чрезъ залу,—придетъ ко мнѣ самъ: „къ завтрашнѣ время“ скажетъ. Преосвященный Иннокентій говорилъ ему: „возмите его опять“. Въ побывку въ

¹⁰⁾ См. письмо митроп. Гавріила къ о. Теофану въ приложеніи къ жизнеописанію митрополита. стр. 146.

началъ 1800 г. о. Теофана пзъ Новоезерскаго монастыря преосвященный Гавріилъ жаловался ему на нездоровье и предсказывалъ близкую свою кончину; спустя годъ, о. Теофанъ опять пріѣхалъ посѣтить владыку, уже въ Новгородѣ, гдѣ онъ жилъ на покой, и имѣлъ утѣшеніе оплакать кончину великаго святителя, лично присутствуя при его погребеніи.

Жизнь и подвиги О. Теофана въ Кирилло-Новоезерскомъ монастырѣ до увольненія на покой.

Между тѣмъ наступило время для о. Теофана потрудиться и для Кирилло-ноезерской обители, въ которой онъ провелъ всю послѣднюю половину жизни. Слава о благочестивомъ и дѣятельномъ игуменѣ Моденскомъ скоро распространилась всюду. Граждане города Бѣлозерска стали просить митрополита Гавріила, дабы онъ благоволилъ перевести игумена Теофана въ Кирилло-ноезерскій монастырь, пришедшій въ совершенный упадокъ. Но вѣрнѣе всего, самъ Угодникъ Божій спосиѣшествовалъ перемѣщенію въ его обитель сего мудраго и богобоязненнаго старца. Архипастырь соизволилъ желанію Бѣлозерскихъ гражданъ, и о. Теофанъ былъ переведенъ въ 1793 г. Вотъ что разсказываетъ о. Теофанъ о своемъ перемѣщеніи изъ Моденскаго монастыря: „Граждане представили, что монастырь Кирилло-Новоезерскаго опустошенъ, и просили у преосвященнаго настоятеля на поправленіе. Туда меня и перевели. Да вотъ сколько здѣсь живу. Видно, ужъ Угодникъ остановилъ“.

Кирилло-ноезерскій монастырь расположенъ на маленькомъ островѣ среди обширнаго озера, извѣстнаго подъ именемъ Новаго. Въ 1793 г., когда о. Теофанъ прибылъ сюда настоятелемъ, обитель находилась въ самомъ жалкомъ положеніи во всѣхъ отношеніяхъ: монастырскія зданія были запущены и настоятельно требовали возобновленія и исправленій; братіи въ монастырѣ было 10 чело-вѣкъ и 11-й уволенный на покой игуменъ Лука, въ числѣ ихъ было только двое постриженныхъ: іеродіаконъ, который состоялъ подъ запрещеніемъ и больной іеромонахъ, который не могъ от-

правлять богослуженія; всё службы отпиривлялъ бѣлый священникъ; бѣдность въ монастырѣ доходила до того, что нуждались въ пропитаніи. Чтобы дать понятіе о разстройствѣ, въ какомъ находилась новозерская обитель, довольно сказать, что о. Теофанъ, прибывъ въ оную съ 5-ю братьями, не нашелъ даже необходимаго для нихъ количества деревянныхъ столовыхъ ложекъ, за которыми нужно было посылать въ сосѣдную деревню. Вспоминая это время, о. Теофанъ, рассказывалъ: „когда я вѣхалъ въ Новозерскъ, двое только было постриженныхъ: іеродіаконъ подъ запрещеніемъ, другой—іеромонахъ въ параличѣ. Служилъ бѣлый священникъ; молебновъ служить было некому; поѣсть нечего было въ монастырѣ“!

Время настоятельства о. Теофана было самымъ счастливымъ періодомъ для обители Кирилло-новозерской; съ 1793 г. началась эпоха полнаго процвѣтанія этого монастыря. Мудрый, дѣятельный и богобоязненный о. Теофанъ съ полнымъ уваженіемъ на помощь и молитвы пресодобнаго Кирилла приступилъ къ возстановленію и возобновленію запустѣвшаго монастыря и къ введенію въ немъ порядка и благочинія. Тридцать шесть лѣтъ онъ трудился въ этомъ св. дѣлѣ съ тою неутомимою ревностію и оытностію, которыми отличалась вся его разнообразная дѣятельность, и привелъ новозерскую обитель въ превосходное состояніе, какъ по внѣшнему, такъ и по внутреннему устройству. Въ настоящее время монастырь принадлежитъ къ числу самыхъ благоустроенныхъ. Красивая каменная ограда его, поднимаясь прямо изъ воды, отражается какъ въ зеркалѣ на поверхности озера, вмѣстѣ съ многочисленными куполами и главами церквей и монастырскихъ зданій. Вообще наружный видъ монастыря изященъ и живописенъ; а по своему уединенному мѣстоположенію онъ представляетъ прекрасное убѣжище какъ для посвятившихъ, такъ и для тѣхъ, которые желаютъ посвятить себя безмятежной иноческой жизни; здѣсь и благочестивый поклонникъ найдетъ чинное отправление богослуженія, строгое соблюденіе правилъ общежитія, вообще тотъ стройный порядокъ иноческой жизни, который такъ успокоительно дѣйствуетъ на душу, утомленную суетами и заботами житейскими. Таково значеніе Новозерскаго монастыря въ настоящее время.

Прежде всего мы остановимъ свое вниманіе и посмотримъ на хозяйственную дѣятельность о. Теофана, особенно по возобновленію и украшенію храмовъ и по устроенію прочихъ монастырскихъ зданій. Въ первые двадцать лѣтъ управленія монастыремъ, о. Теофанъ, можно сказать, совершенно обновилъ наружный видъ обители; онъ не оставилъ ни одного изъ прежнихъ зданій безъ капитальныхъ исправленій, а многія построилъ совершенно вновь

1) Соборная церковь Воскресенія Христова, съ придѣлами съ южной стороны по имя преподобнаго Кирилла новозерскаго и съ сѣверной святителя Николая, получила при о. Теофанѣ настоящее благолѣпное устройство. Въ 1799 г. соборная церковь и придѣлъ преподобнаго Кирилла разобраны по окна, а придѣлъ святителя Николая—до самаго фундамента; главный храмъ распространень, тѣсный алтарь его расширенъ; чтобы сообщить храму болѣе свѣта, увеличены окна, надъ куполомъ устроены новыя пять главъ; придѣлы выстроены вновь, болѣе обширныя и болѣе соответствующіе общему характеру зданія; съ западной стороны во всю ширину зданія пристроена каменная паперть съ отдѣльными входами въ главный храмъ и въ придѣлы, и передъ нею выслана гранитомъ широкая площадка со ступенями. Все это придадо храму совершенно новый весьма красивый наружный видъ.

Внутренность храма Воскресенія съ придѣлами при немъ устроена о. Теофаномъ также со всевозможною тщательностію. Величественный, ярко вызолоченный иконостасъ соборной церкви, съ иконами искусной живописи и въ дорогихъ сребропозлащенныхъ ризахъ, живопись по стѣнамъ всей церкви, великолѣпная серебряная рака, въ которой почиваютъ мощи угодника Божія Кирилла, полъ изъ чугунныхъ плитъ, и за тѣмъ такіе же великолѣпные иконостасы въ придѣлахъ святителя Николая и преподобнаго Кирилла, суть плоды трудовъ и неуспянной заботливости о. Теофана о внутреннемъ благолѣпії храма, которое не оставляетъ желать ничего лучшаго. Всѣ работы, и по возобновленію церкви Воскресенія, и по перестройкѣ придѣловъ, приведены къ окончанію въ 1809 году.

2) На сѣверной сторонѣ монастыря теплая притомъ самая древняя церковь въ честь Смоленскія Божія Матери, съ приделомъ Алексія челоуѣка Божія, также требовала нестложнаго капитальнаго исправленія, погому что тяжелый каменный куполь, распирая стѣны зданія, угрожалъ неизбѣжнымъ паденіемъ. О. Теофанъ въ 1798 г. разобралъ этотъ куполь и устроилъ на мѣсто его новый деревянный объ одной главѣ, вмѣсто прежнихъ пяти. 3) На южной сторонѣ отъ Собора церковь во имя св. праведныхъ Захаріи и Елизаветы была одноэтажная и казалась не достроенною. О. Теофанъ въ 1802 г. перестроилъ ее, сдѣлалъ двухъэтажною, распространилъ и въ 1803 г. 25 сентября освятилъ; а рядомъ съ нею съ западной стороны устроилъ обширную братскую трапезу, съ братскою кухнею и хлѣбною и съ кельями для служителей. 4) Въ связи съ этими зданіями къ западу отъ трапезной церкви построена о. Теофаномъ въ 1801 г. каменная, красивая, съ боевыми часами, колокольня, вмѣсто прежней, примыкавшей къ сѣверной сторонѣ собора; а подъ колокольнею устроилъ монастырскія (южныя) ворота, по обѣимъ сторонамъ которыхъ, въ связи съ колокольнею, устроилъ двухъэтажныя каменныя зданія съ келліями въ верхнемъ этажѣ и разными хозяйственными помещеніями въ нижнемъ. Здѣсь же помещается и такъ называемая мезажная, съ помещеніемъ для рыболововъ, такъ какъ за южными монастырскими воротами, среди ограды, устроена просторная и удобная гавань, въ которой содержатся рыболовныя лодки и откуда рыбаки выѣзжаютъ на рыбную ловлю. 5) До поступленія о. Теофана въ настоятели Кирилло-Новозерскаго монастыря всѣ монашескія въ немъ келліи, кромѣ гостиницъ и настоятельскихъ, были одноэтажныя. Съ значительнымъ умноженіемъ числа братіи оказался недостатокъ въ помещеніи, поэтому всѣ келліи о. Теофаномъ перестроены въ двухъэтажныя и внутри притомъ расположены такъ, чтобы соответствовали требованіямъ и условіямъ общежитія. И нужно замѣтить, что всѣ церкви покрыты желѣзомъ, куполы и главы на нихъ обиты бѣлою англійскою жестию, а кресты вызолочены чрезъ огонь. 6) Но самый замѣчательный подвигъ о. Теофана по устройству монастырскихъ зданій, это—построеніе ихъ каменной ограды вокругъ всего мо-

настыря и притомъ въ водѣ. Вся ограда, на протяженіи 270 саж., утверждена на толстыхъ сваяхъ, вбитыхъ подъ водою на глубинѣ отъ двухъ аршинъ до двухъ съ половиною сажень; поверхъ свай положены въ два ряда толстые брусья и цоколь изъ тесаного гранита, сверхъ коего возвышается кирпичная кладка вышиною около двухъ сажень съ шестью башнями и красивыми св. воротами (на сѣверной сторонѣ). Эта монументальная постройка, продолжавшаяся всего пять лѣтъ (съ 1809 по 1814 г.), представляетъ, особенно если взять во вниманіе тѣ трудности, съ которыми соединено было, возведеніе ея, замѣчательный опытъ строительнаго искусства и служить доказательствомъ опытности о. Теофана въ этомъ дѣлѣ. 7) Наконецъ, чтобы въ случаѣ пожара въ монастырѣ, обезопасить возможность спасти отъ огня святыню обители и главныя драгоценности, о. Теофанъ устроилъ съ восточной стороны на ближайшей островъ, деревянный мостъ на сваяхъ, длиною въ 140 сажень. Этотъ мостъ — единственное мѣсто прогулки для братіи въ лѣтнее время, также замѣчательнъ по своей постройкѣ. Кромя того, на ближайшемъ берегу озера, въ приселкѣ Анашкинѣ, о. Теофанъ выстроилъ два каменные двухъэтажные дома для жительства рабочихъ и для помѣщенія приходящихъ богомольцевъ.

Всѣ, исчисленныя постройки, произведены о. Теофаномъ съ удивительною обдуманностію и строгою расчетливостію и обнаруживаютъ замѣчательную въ немъ способность и опытность въ строительномъ дѣлѣ; потому-что всѣ, построенныя при немъ зданія, отличаются прочностію и строго приспособлены къ мѣстнымъ условіямъ и частнымъ потребностямъ, что особенно ясно обнаружилось при построеніи монастырской ограды. Такъ какъ монастырь, по тѣснотѣ острова, занимаетъ весьма незначительное пространство, то настояла нужда построить ограду именно такъ, какъ она построена о. Теофаномъ, чтобы выгадать по возможности болѣе простора внутри монастыря. Та же самая тѣснота пространства, занимаемаго монастыремъ, указывала необходимость устроить внутри ограды и разныя приспособленія для хозяйства. отдѣльныя зданія для которыхъ слишкомъ стѣснили бы и безъ

того тѣсный монастырь. И это исполнено о. Теофаномъ съ полныя успѣхомъ: въ оградѣ, на всея ся полуверстномъ пространствѣ, нѣтъ ни одной сажени пустаго мѣста, всё занято хозяйственными помѣщеніями: здѣсь западная сторона вся занята братскими келліями; въ остальныхъ частяхъ ограды устроены лавки на время монастырской ярмарки, сторожки, конюшни, деревянные сѣрны, кладовые для кирпича, извѣсти, и друг. матеріаловъ, квасоварня съ погребами, амбаръ, бани и проч. О томъ, насколько прочно и разумно устроена ограда на водѣ, мѣстами на весьма значительной глубинѣ, можно судить потому, что она до сихъ поръ—въ продолженіи сликномъ семидесяти лѣтъ существуетъ въ неповрежденномъ видѣ. Заботясь о прочности и удобствахъ построекъ, о. Теофанъ въ тоже время старался, чтобы соблюсти и требованія архитектурнаго искусства во внѣшности зданій: всё они отличаются красивымъ фасадомъ, имѣютъ одинъ общій характеръ, что въ цѣломъ придаетъ монастырю особенно красивый видъ и свидѣтельствуеть о вкусѣ и опытности строителя.

Такимъ образомъ въ первые двадцать съ небольшимъ лѣтъ управленія Кирилло-новоезерскимъ монастыремъ, о. Теофанъ во всѣхъ частяхъ благоустроилъ эту клонившуюся къ совершенному запустѣнію обитель и сообщилъ ей совершенно новый, благолѣпный видъ. Конечно, обширныя постройки потребовали и большихъ средствъ. Но по мѣрѣ того, какъ благочестивый старецъ прилагалъ заботы о заведеніи строгаго порядка въ обители, увеличивались и средства. Самъ Богъ видимо помогаль о. Теофану во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ и трудахъ по устройству обители. Каждый, кто лично зналь его и видѣль заботы объ устроеніи обители, за счастье почиталъ сдѣлать какое-либо приношеніе отъ избытковъ своихъ на святое дѣло возстановленія и украшенія древней обители. Къ нему истинно можно примѣнить слова Царя пророка: „близъ Господь ко всѣмъ призывающимъ его во истинѣ, и волю боящихся Его сотворить и молитву ихъ услышитъ“.

Особенно щедрымъ благотворителемъ новозерской обители явился именитый московскій гражданинъ Аванасій Долговъ. Питая глубокое уваженіе къ о. Теофану, онъ и прежде много благо-

творилъ разнымъ обителямъ чрезъ его посредство. Онъ написалъ Долгову, что для возобновляющагося храма Воскресенія Христова нуженъ иконостасъ и просилъ заказать; но у Долгова былъ готовый иконостасъ высокой рѣзной работы, богато вызолоченный, и точно такого размѣра, какого былъ нуженъ, и онъ немедленно (въ 1795 г.) прислалъ его въ даръ обители. Усердіемъ того же Долгова, вмѣстѣ съ другимъ московскимъ кунцомъ, Семеномъ Васильевымъ, устроена драгоцѣнная, высокой чеканной работы, сребропозлащенная и съ черенью, рака, въ которую съ торжествомъ переложены святые мощи Угодника Вожія Кирилла 2-го марта 1796 г. Въ Алексѣевскую придѣльную церковь устроены иконостасъ синехонтоваго цвѣта съ искусною рѣзбою. Иконы въ немъ искусной живописи и мѣстные—въ сребропозлащенныхъ ризахъ. Церковь эта украшена внутри тѣнцаніемъ и иждивеніемъ игуменіи Горицкаго монастыря Маврикіи съ сестрами. И многіе другіе, небогатые избытками, но богатые усердіемъ, даже издаля присылали свои похильныя жертвы на возстаповленіе и возобновленіе новозерской обители, почитая для себя долгомъ содѣйствовать въ этомъ святомъ дѣлѣ о. Оеофану, пользовавшемуся за свое благочестіе широкою извѣстностію и глубокимъ уваженіемъ.

Не оставленъ былъ монастырь при о. Оеофанѣ и царскими щедротами. Благочестивѣйшіе Вѣнценосцы, движимые обычнымъ своимъ Боголюбіемъ посильшили ущедрить богатыми приношеніями обитель Прендобнаго Кирилла. Въ 1795 г. 1-го іюля Императрица Екатерина II пожаловала на раку угодника большой покровъ изъ золотого чешуйчатого глазета, обложенный кругомъ широкими золотыми гасами и золотою бахрамою. Императоръ Павелъ Петровичъ, по вступленіи своемъ на престоль, удостоивъ о. Оеофана личной съ собой бесѣды, пожаловалъ ему въ обитель въ 1796 г. 24 декабря деньгами 1000 руб., священнослужебные сосуды: потиръ, дискосъ, звѣздицу, два блюда и лжицу; напребстольное евангеліе въ сребропозлащенномъ окладѣ, украшенномъ финифтью и стразами и таковой же напребстольный крестъ, кадилью серебряную, кусокъ золотого глазета для одеждъ

на престоль и на жертвенникъ и золотого же глазета ризницу на полное соборное служеніе: пять ризъ, три стихаря, подризники, епитрахили, орап и поручи. (Лѣт. мон.).

Въ тѣ дни, въ которые доставлены были дорогія пожертвованія Императрицы Екатерины и Императора Павла, въ обители совершены торжественныя всеобщія бдѣнія, а на другой день литургія и благодарственные молебны предъ ракою Угодника Божія.

Возобновляя и украшая храмы, о. Теофанъ, въ то же время привелъ и ризницу монастырскую въ отличное состояніе; онъ обогатилъ ее священнослужебными облаченіями превосходнаго достоинства и весьма цѣнною сребронозлащепною утварью. Объ этомъ его трудъ и стараніи свидѣтельствовалъ самъ Преосвященный митрополитъ Серафимъ. „Почтеннѣйшій рабъ Божій, о. Архимандритъ Теофанъ“, писалъ онъ въ своей резолюціи на прошеніи его, „украсилъ монастырь ризницею и утварью церковною“.

** ПРИЛОЖЕНІЕ. **

//

Жизнь и подвиги О. Теофана въ Кирилло-Новозерскомъ монастырѣ до увольненія на покой.

Много заботъ и старанія уотребилъ о. Теофанъ, какъ мы видѣли, на устроеніе вѣшняго благолѣвія новозерской обители, но еще болѣе прилагалъ онъ попеченія о внутреннемъ ея благоустроеніи, объ учрежденіи и строгомъ исполненіи церковнаго устава и монастырскихъ правилъ, о водвореніи иноческѣй жизни между братією. Здѣсь-то имѣла полное приложеніе та духовная опытность, которую онъ приобрѣлъ, проведя много лѣтъ подъ руководствомъ и въ общеніи съ мудрыми старцами—подвижниками.

Первою заботою и первымъ дѣломъ о. Теофана, по прибытіи въ новозерскую обитель настоятелемъ, было учрежденіе въ ней общежитія, по примѣру введеннаго другомъ его Макаріемъ въ Пѣсношскомъ монастырѣ, на что онъ и испросилъ архипастырское благословеніе у блаженной памяти митрополита Гавріила. Здѣсь мы помѣщаемъ и самый уставъ общежитія, соблюдаеммы до нынѣ въ новозерской обители.

„Правила общежитія изъ священнаго писанія, и изъ уставовъ святыхъ отецъ принадлежащихъ общему монашествующихъ житію правилъ“.

«Начальникъ общаго житія Самъ Спаситель нашъ, Богочеловѣкъ Господь І. Христосъ; ибо время пребыванія своего на землѣ со святыми своими учениками и Апостолы вся имъ быша обща: о чемъ согласно нишуть всѣ четыре св. Евангелиста въ

своихъ благовѣстїяхъ во многихъ мѣстахъ, яснѣе же о тайной вечери—Матѳеѣ во главѣ 26, Іоанпъ во главѣ 13^а.

„По вознесенїи же Господнемъ на небо, и по сошествїи Пресвятаго Духа на св. Апостоловъ, какъ св. Апостолы, такъ и всѣ вѣрующїе во Христа имѣли общее житїе, о чемъ написалъ св. Апостолъ и Евангелистъ Лука въ апостольскихъ Дѣянїяхъ (во главѣ 2-й стихахъ 44 и 45, во главѣ 4-й стихахъ 32, 34 и 35. во главѣ 5, зачалъ 13^а).

„Свидѣтельствуеть же и святая Грекороссїйская наша церковь о общежитїи святыхъ Апостоловъ въ своей исторїи во многихъ мѣстахъ. яснѣе же и обстоятельнѣе мѣсяца августа въ 15 день въ словѣ на усненїе Богоматере, въ слѣдованной Псалтири, въ чинѣ о панагїи, листъ 165 и 166-й“.

„Св. Василия великаго во второй книгѣ, правила пространнѣе написанна, по вопросамъ и отвѣтамъ, которыхъ числомъ 55 (листъ—265-й на обор.); въ той же книгѣ св. Василия великаго краткія правила чрезъ вопросы и отвѣты которыхъ числомъ 313 (листъ 334 на обор.).

Въ той же книгѣ св. Василия великаго: наказанїя числомъ 60 (листъ 432).

Подвижническіе уставы къ подвизающимся въ общежительствѣ инокамъ (листъ 458-й на обор.).

Россїйскїе же святые отцы, какъ то преподобный отецъ Θεодосїй Кїевопечерскїй первоначальникъ общаго житїя россійскихъ монаховъ; также и прочїе основатели Лавръ и монастырей, хотя и имѣли въ своихъ обителяхъ общежительныя уставы, но оныя всѣ основывались и утверждались на означенныхъ уставахъ и правилахъ св. Василия великаго; и хотя въ житїи вышереченнаго преподобнаго Θεодосїя и написано, что принесъ ему преподобный Ефремъ печерскїй общежительный уставъ изъ Царя града, изъ обители преподобнаго Θεодора Студита: но и оный долженъ быть основанъ на уставахъ и правилахъ св. Василия великаго, поелику св. Θεодоръ Студитъ находился въ жизни сей послѣ св. Василия великаго“.

Уставъ церковный о общежительномъ пребыванїи (главы—34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46).

Духовный регламентъ также утверждается на означенныхъ правилахъ, пачеже пунктъ двадесять седьмый.

1) Въ общежительныхъ монастыряхъ настоятелю нужно быть скромну, просту и безпристрастну, въ смотрѣніи надъ братією и ученіи ихъ неусыну. Таковаго настоятеля должно выбирать изъ братіи своего монастыря; а буде не случится, то хотя и изъ другаго, толькобъ изъ общежительнаго: ибо каждый общежительный монастырь можетъ продолжать свое благосостояніе или разстройство наиболѣе распорядженіемъ настоятеля.

2) Настоятель долженъ братію исправлять, въ случаѣ ихъ недостатковъ, обличеніями наединѣ и моленіями, а если нужда потребуеть, предъ всю братією, а ожесточенныхъ и непокорныхъ во обители не держать, или наказывать ихъ снितिями по разсужденію, также уклоняющихся въ пьянство, сквернословіе и смѣхотворство.

3) Въ недостаткахъ настоятеля о исправленіи предлагати искуснѣйшимъ отъ первѣйшихъ братій двумъ или тремъ; если же нужда потребуеть, относиться и къ архипастырю, дабы отъ не исправленія настоятелева не послѣдовало въ братіи разстройства и обители раззоренія, но притомъ беречься приказныхъ ябедъ и выдумокъ, но чистую и не зазорную имѣть предъ Богомъ въ доносѣ совѣсть и подписываться всѣмъ братіямъ.

4) Всѣ дѣла обительскія производить постоянно съ совѣта первѣйшихъ изъ братіи, т. е. казначея, благочиннаго, эконома и ризничаго, другимъ же братіямъ въ совѣты настоятельскіе и первѣйшихъ братій не входить.

5) Настоятелю имѣть къ поручившимся по души братіямъ не лицемерную любовь, и братіи къ настоятелю; и всѣмъ быть еднородными и единомысленными, скромными, тихими и благоговѣйными.

6) Первѣйшихъ братій, т. е. казначея, благочиннаго, эконома и ризничаго должно выбирать настоятелю со всюю братією, а въ случаѣ также и перемѣнять.

7) Въ случаѣ во обители какихъ недостатковъ и не уравненія въ одеждѣ, братіи не роптать, а одежду и обувь имѣть по разсужденію настоятеля и первѣйшихъ братій, зная мѣсто и содержаніе.

8) Въ келліяхъ братіи пищи не имѣть, и не ѣсть ни братской, ни особой, кромя совершенно немощныхъ и престарѣлыхъ, и по дозволенію настоятеля.

9) Собственнаго своего имѣнія ничего не имѣть какъ настоятелю, такъ и братіи, ни олежды, ни денегъ, ни книгъ, а кто что и имѣеть, собственнымъ не почитать, а почитать обительскимъ.

10) Къ родственникамъ или усердствующимъ въ гости никого не отпускать, безъ другаго брата.

11) Въ келліи къ братіи входить не дозволять не только мірскимъ и родственникамъ, но и духовнымъ, пріѣзжающимъ изъ другихъ монастырей, не звавши ихъ жизни и совѣсти.

12) Вопросающимъ изъ богомольцевъ братіи благоговѣнно отвѣчать, не медля въ разговорахъ.

13) Уставъ церковный и общежительный въ пѣніи и чтеніи хранить, пѣнію бытъ столповому, а чтенію единогогласному и не спѣшному, правило имѣть общѣ въ церкви; поклоны же власть по разсужденію настоятеля; послѣ же келейнаго правила никакихъ бесѣдъ не имѣть и въ келлію ни къ кому не ходить, кромя великой нужды.

14) Хмѣльныхъ напитковъ не пить въ монастырѣ ни тайно, ни явно; тожъ и внѣ обители стараться исполнять.

15) О общехъ монастырскихъ послушаніяхъ всѣмъ пещися и празднымъ не бытъ; гдѣ богомольцевъ не бывасть, упражняться въ рукодѣліи каждому, а гдѣ бывасть, непремѣнно вмѣнять молитву вмѣсто рукодѣлія, и трудовъ своихъ никому не уважать и не гордиться ими, сколько бы они велики не казались.

16) Ежели кто изъ богомольцевъ кому изъ братіи что дастъ, взявъ относить къ настоятелю или кззначею тотчасъ же, не утаивая ничего.

17) Братіи письма нисать и присылаемыя принимать, съ дозволенія настоятеля.

18) Братію въ монастырѣ не желающихъ жить не держать, а желающихъ принимать.

19) Трапеза общая: обѣдъ и ужинъ для братіи, платье и обувь и прочія всякія нужды исправлять изъ общей суммы; для

чего употреблять всѣ доходы, принадлежащія къ раздѣлу братіи и жалованье, въ недостатокѣ изъ неокладной суммы, а казенные на поправку церквей и монастыря.

20) Настоятель, въ бытность свою въ монастырѣ, обязанъ всегда хранить и исполнять какъ правило, такъ и имѣть общій съ братією столъ, кромѣ присутствія гостей, достойныхъ уваженія. и полагать ему въ общую сумму отъ себя сто рублей (ассигн).

На подлинномъ подвисано тако: Варіилъ Митрополитъ Новгородскій.

Съ ввеленіемъ общежительнаго устава о. Теофанъ учредилъ въ обители примѣрное благочиніе — строгій порядокъ въ отиравленіи богослуженія: весь холь священнодѣйствій, пѣнія и чтенія привелъ въ стройность и истинное благолѣпіе. Такой же строгій порядокъ завелъ онъ и въ занятіяхъ братіи на послушаніяхъ и но келліямъ.

Уставъ церковнаго богослуженія, который, во славу Божію, соблюдается доселѣ въ Новосерскомъ монастырѣ, введенъ о. Теофаномъ слѣдующій.

Всенощное бдѣніе на воскресные и праздничные дни начинается въ лѣтнее время въ семь часовъ по полудни, а зимою въ часъ но полуночи и продолжается почти пять часовъ; въ простые же дни утренняя начинается въ два часа по полуночи и продолжается три часа. Въ шесть часовъ — равняя литургія, послѣ которой отправляются молебны угоднику и панихиды для приходившихъ богомольцевъ. Съ 9-ти часовъ начинается поздняя литургія, предъ которою за полчаса ударяется три раза въ колоколь къ началу проскомидіи. За обѣднею слѣдуетъ трапеза, на которой совершается члнъ о панагін. По окончаніи литургіи, братія, но два въ рядъ, служащій іеромонахъ съ такъ называемою просфорою Пречистыя и настоятель, ноя псаломъ 144: „Вознесу Тя Боже мой и проч. идутъ изъ церкви прямо въ трапезу, гдѣ, по прочтеніи положенной уставомъ молитвы Господней: Отче нашъ... просфора раздробляется служащимъ іеромонахомъ, и раздается братіи іеродіакономъ; потомъ настоятель благословляетъ трапезу, во время которой въ простые дни читаются житія свя-

тыхъ изъ Чети—жиси, а въ воскресные и праздничные дни— бесѣды на св. Евангеліе; по окончаніи трапезы читаются благодарственныя молитвы и раздается братіи оставшая часть просфоры; а когда бываетъ на бдѣніи благословеніе хлѣбовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и благословенный хлѣбъ.

Вечерня въ зимнее время и лѣтомъ, когда бываетъ осеняющее бдѣніе, начинается въ четыре часа; въ обыкновенные же дни лѣтомъ начинается и въ 5 и въ 6 часовъ по полудни, принимаясь къ работамъ (въ сѣнокосъ), и продолжается два часа. На повечеріи читаются каноны: Іисусу сладчайшему, Божіей Матери и Ангелу Хранителю, и акаѳисты—Іисусу сладчайшему на день воскресный, понедѣльникъ, среду и пятокъ, Богородицѣ— на вторникъ, четвертокъ и субботу. Въ слѣдъ за этимъ бываетъ вечерняя трапеза, послѣ которой братія собирается въ церковь и совершается молитвенное правило: читаются молитвы на сонъ грядущимъ, помянникъ и бываютъ поклоны съ умною молитвою. Это совершается такимъ порядкомъ.

Чередный іеромонахъ, ставъ предъ царскими вратами, произноситъ громогласно молитву: „Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному“ и полагаетъ поясный поклонъ, и съ нимъ вмѣстѣ вся братія творять поклонъ, потомъ съ тою же молитвою, произнося ее тайно, исполняютъ пятьдесятъ поклоновъ поясныхъ чинно и не сѣшно; каждый первѣе произноситъ молитву и потомъ полагаетъ поклонъ. По скончаніи пятидесяти поклоновъ, молитва опять повторяется громогласно съ земнымъ поклономъ. Послѣ сего тѣмъ же самымъ порядкомъ совершаются пятьдесятъ поясныхъ поклоновъ сперва съ молитвою: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“ и потомъ съ молитвою. „Боже очисти мя грѣшнаго и помилуй мя“, только по скончаніи той и другой молитвы читается: „слава Отцу, и Сыну, и Св. Духу.... аллилуія“—трижды, „Господи помилуй“ трижды и полагается по три земныхъ поклона. Затѣмъ такимъ же порядкомъ сперва въ слухъ и потомъ тайно произносится молитва Божіей Матери: „Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси мя грѣшнаго“ и преподобному Кириллу: „Преподобне отче нашъ Кирилле, помози Богу о насъ“, и полагается по 12 поясныхъ, при произ-

веселіи той и другой молитвы, поклоновъ; послѣ чего читается іеромонахомъ молитва: „ослаби, остави“... и полагаются три земныхъ поклона. Заканчиваетъ вечернее молитвенное правило настоятель: ставъ предъ царскими вратами и положивъ три поклона, обращается къ братіи и произноситъ въ слухъ: „Благословите мя отцы святіи и братіи и простите ми грѣшному, елика согрѣшихъ дѣломъ, словомъ, помышлениемъ и всѣми мочами чувствами. Благодаритію своею Богъ проститъ и помилюетъ всѣхъ насъ“, и при этомъ творитъ братіи поясной поклонъ, на который братія отвѣчаетъ таковыма же поклономъ, и потому отъ праваго и лѣваго лика одинъ по одному принимаютъ отъ настоятеля благословеніе и, приложившись къ ракъ угодника, расходятся по келліямъ. Сіе правило соблюдается только въ простые дни, и поклоны земные полагаются на простые дни, а на суббогу, на дни, въ которые бывають великое славословіе или поіеліей, положено творитъ одинъ поясные поклоны. Въ праздники же, также въ дни святой четыредесятницы и пятидесятницы правило это ослабляется, а читаются одни вечернія молитвы

Нѣшніе ввели о. Феоданомъ знаменнаго ишѣва, или, такъ называемое, столповое; и блаженной памяти старецъ такъ соблюдалъ этотъ ишѣвъ, что даже постороннихъ на заказныхъ обѣдахъ не позволялъ пѣть нартезнаго ишѣна. Чтенію, по правиламъ общежитія, положено быть единогласному и несѣшному. О. Феоданъ часто самъ читалъ шестопсалміе со страхомъ и благоговѣніемъ; не хорошо читавшихъ въ церкви останавливалъ, и вмѣсто ихъ заставлялъ читать другихъ. Потому чтеніе совершалось безъ поспѣшности и безъ замедленія, и вообще вся служба отправлялась съ глубокимъ благоговѣніемъ. Онъ завелъ также, чтобы избранные изъ братіи, по очереди, непрерывно день а ночь читали псалтирь; а чтеніе синодика и помянниковъ во время проskomидіи на ранней и на поздней литургіяхъ виѣнилъ въ обязанность всѣмъ, умѣющимъ читать. Присутствовать при богослуженіи долженъ непремѣнно каждый изъ братіи; но этому за полчаса до звона къ утреви братъ, исполняющій послушаніе будильника, обходитъ всѣ келліи для возбужденія на утреннее славословіе, и наблюдаетъ всѣ-ли изъ братіи находятся въ церкви.

Если кого ояъ не видятъ, идетъ и возбуждаетъ вторично, и когда кто откажется за болѣзнію, по окончаніи полунощницы доносить настоятелю. Во время же утрени, когда проноется: „Богъ Господь и явился намъ“. поваренный беретъ въ фонарь огня изъ лампады мѣстнаго образа Спасителя и, принявъ благословеніе отъ настоятеля, идетъ этимъ огнемъ затоплять печь для приготовления пищи.

Въ свободное отъ богослуженія время, послѣ необходимаго отдохновенія, каждый изъ братіи обязанъ по первой повѣсткѣ являться на опредѣленное ему послушаніе. Въ келліи требовалось проводить время въ приличныхъ занятіяхъ, за руководѣльемъ, какое кто зналъ, или за чтеніемъ священныхъ и духовныхъ книгъ. Для лучшаго надзора за келейною жизнью иноковъ, о. Осифанъ установилъ, чтобы младшіе и новоначальные находились подъ руководствомъ старшихъ, съ этою цѣлію и самыя келліи расположены такъ, что двѣ изъ нихъ имѣютъ обыкновенно общую переднюю комнату. Изъ двухъ братій, живущихъ въ этихъ келліяхъ, всегда бываетъ одинъ старшій, а другой младшій. Келлія старшаго отличается не большою особенною прихожею. Младшій, выходя изъ своей келліи, долженъ сотворить молитву, испросить благословеніе у старшаго, куда бы ни шелъ, — въ церковь-ли, въ трапезу, или на какое послушаніе, даже хотя-бы за водою, или за дровами для своей печи.

** ПРИЛОЖЕНІЕ. **

Жизнь и подвиги О. Теофана въ Кирилло-Ново-
езерскомъ монастырѣ до увольненія на покой.

За соблюденіемъ установленныхъ въ обители правилъ о. Теофанъ слѣдилъ весьма бдительно. Особенно онъ заботился о томъ, чтобы братія соблюдали сія правила не по необходимости, не по вуждѣ и привужденію, но чтобы каждый исполнялъ ихъ по свободному желанію, сознавая ихъ спасительность и заботясь соблюденіемъ ихъ приобрѣсти пользу для своей души и послужить общей пользѣ братіи. Съ этою цѣлію онъ старался при каждомъ удобномъ случаѣ внушить братіи истинное понятіе объ иноческой жизни и объ обязанностяхъ инока, — училъ ихъ, по примѣру святаго апостола, и наединѣ, и при общемъ собраніи, и чаще всего по окончаніи трапезы. Поученія его, основанныя на словѣ Божіемъ, извлеченныя изъ наставленій старцевъ и собственнаго опыта, истекавшія прямо изъ глубины сердца, сильны были тронуть и закоренѣлаго грѣшника, не красотой и пышностію выражевіи, но тою Евангельскою простотою и умиленностію, которыя составляютъ истинное помазаніе духовное. Изъ обширныхъ и воодушевленныхъ бесѣдъ о. Теофана приводимъ здѣсь нѣсколько наставленій братіи, которыя онъ всегда предлагалъ изустно, большею частію безъ приготовленія, говоря о томъ, что сказать считалъ нужнымъ по первому представившемуся случаю.

„Жизнь духовная, говаривалъ онъ, должна быть проста, чистосердечна, кротка, благопокорлива, а паче смиренна. Смиреніе есть безъ труда спасеніе. Смиреніе сердечное есть первое и главнѣйшее основаніе дому душевнаго и монашеской жизни. Ибо и самъ Господь І. Христосъ Сынъ Божій говоритъ: научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ“ (Мѡ. 11, 29).

„Если къмъ будемъ обижены, должны сказать: согрѣшилъ, прости Бога ради; а въ себѣ представляя множество грѣховъ, помыслить: я достоинъ наказанія и больше сего, и возблагодарить Госнода за то, что овъ доставилъ намъ случай быть наказанными въ сей временной жизни. Христось Сынъ Божій укоряемъ противу—не укоряше, стражда не прешаше (1 Петр. 2, 23); намъ-ли не желать перенести укоризну, или другую легкую обиду? Если когда отъ полученной обиды сердце и смутится, то всѣми силами должно стараться, чтобы воздержаться отъ выраженія словами сего смущенія по реченному: смятохся и не глаголахъ (Псал. 76, 5). Таково есть начало нашей борьбы противу гнѣвной страсти: если мы будемъ вести сію борьбу съ постоянствомъ, притомъ надѣясь не на свою силу, но на всесильную благодать Божію, могущую претворить нашъ злый нравъ во благій, то мало по малу сердце приучится переносить обиды не только ничтожныя, но новидимому и весьма тяжкія. Должно помнить апостольское слово: „солнце да не зайдетъ въ гнѣвъ вашемъ, ниже дадите въ себѣ мѣсто діаволу (Ефес. 4, 26, 27). Иначе не будутъ угодны Господу ни молитвы ваши, ни прочіе подвиги, какъ бы они велики ни были».

„Не только отъ гнѣва должно воздерживаться, но и отъ прочихъ страстей. въ особенности отъ страсти плотской. Должно воздерживаться не только отъ нечистыхъ дѣлъ и словъ, но и отъ скверныхъ помысловъ, приходящихъ намъ отъ бѣсовъ. Вотъ какъ врагъ вскушаетъ нашъ умъ, чтобы или осквернить насъ, или, если можно, привести къ худому дѣлу. Сперва бываетъ прилогъ, т. е. приходитъ къ нашей мысли вражеская мысль (предложеніе), потомъ слѣдуетъ сочетаніе, т. е. согласіе нашей мысли съ вражескою, а наконецъ и самое исполненіе дѣломъ. А посему каждую мысль, приближающуюся къ уму съ тѣмъ, чтобы склонить его къ грѣховному дѣланію, должно немедленно отражать памятію всегдашняго съ нами присутствія Божія, по писанному: предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся отъ пути добродѣтельнаго (Псал. 15, 8). А св. Іоанвъ Лѣствичникъ такъ поучаетъ: „Иисусовымъ именованъ бѣи супостаты, ибо не обрящеша на нихъ крѣпчайшаго оружія

на небеси и на земли, паче имени Іисусова". И потому должно всегда во умѣ имѣть молитву сію: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшваго“; „Господи, отъими отъ мене весь помысль лукавый“; „Господи, даждь ми мысль благу“. Притомъ отнюдь не должно внимать чужимъ недостаткамъ, но всегда взи- рать на свои грѣхи, и не осуждать другихъ, а себя обвинять и укорять. Сіе очень помогаетъ къ стяжанію чистоты тѣлесной и душевной; чрезъ сіе можемъ получить въ своей жизни исправ- ление“.

Не будемъ прилѣпляться къ богатству временному: всѣ со- кровища міра суть ничто предъ вѣчнымъ блаженствомъ, которое обѣцано любящимъ Бога, блаженствомъ, котораго око не ви- дѣло, ухо не слышало, и которое на сердце человѣку не вхо- дило“ (1 Кор. 2, 9).

По сему, пока есть время, должно стараться, чтобы не вотще жизнь препроводить, дабы, по отшествіи отсюда, наслѣдо- вать небесное царствіе, котораго не удостоимся, если не будемъ подобны незлобивымъ дѣтямъ. Безъ любви Божіей, безъ мира съ ближними, лицезрѣнія Божія не сподобимся; но будемъ осуждены, какъ не милосердые и самого Господа не любившіе, по рече- ному: судъ безъ милости не сотворшему милости (Іак. 2, 13) и: аще кто речеть, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть (1 Іоан. 4, 20). Всячески должно стараться объ угож- деніи Богу и о спасеніи своей души, которая всего міра дороже. Весь міръ не стоитъ единыя христіянскія души, понеже снѣ пре- ходитъ, а душа есть и пребудетъ нетлѣнна во вѣки, говоритъ св. Ісаниъ Лѣтвичникъ. И паки: кая польза челоуѣку, аще міръ весь пріобрѣщеть, душу же свою отщетитъ. (Мѣ. 16, 26). За дѣла противныя волѣ Божіей ожидаетъ насъ червь неусы- нающій, огонь неугасающій, смола кипящая (Мар. 9 44; Исаи 66, 24) и прочія нестерпимыя муки. Представляя непрестанно сіи муки въ умѣ нашемъ можемъ побѣждать страсти, воюющія на духъ нашъ“.

Поучая любить Господа, о. Теофанъ любилъ въ такихъ бе- сѣдахъ говорить, какъ благъ Господь. „Въ храмѣ стояще славы Твоея, на небеси стояти мнѣ“. Молитва есть бесѣда ничтож-

наго челоуѣка съ Богомъ. Когда вы становитесь ва молитву, то приготовьте себя размышленіемъ: спросите себя: кто я? Червь, пылинка, брение злосмрадное хочу предстать предъ самимъ Господомъ; и потому никакихъ постороннихъ и суетныхъ помысловъ не принимайте, но представляйте себя въ присутствіи самого Господа, погружаясь во глубину смиренія и благодаря Господа за неизреченныя Его благодѣянія. Чего Господь для насъ не сдѣлалъ? Сотворилъ насъ по образу своему и по подобію; поселилъ насъ въ раю сладости; когда же пали, то для возстановленія насъ послалъ Единороднаго Сына Своего; Его пречистое тѣло и честную Его кровь даровалъ намъ въ брашно и нитіе для тѣснѣйшаго съ нами соединенія, и наконецъ уготовалъ для насъ царствіе небесное, единаго прося отъ насъ—сердца. „Сыне! даждь ми сердце твое“.

Постоянно убѣждалъ онъ братію къ снисканію взаимной любви, смиренія, кротости, къ безропотному несенію всякихъ трудовъ и скорбей. „Не доставятъ пользы, говаривалъ онъ, ни вериги, ни вретѣща, ни постъ, хотя бы кто ѣлъ и по одному только разу въ недѣлю, ни продолжительныя бдѣнія и стоянія, ни множество поклоновъ, ни тѣлесныя изнуренія; все это спасти насъ не можетъ: ибо „тѣлесное обученіе, по слову апостола, вмалѣ есть полезно“ (1 Тим. 4, 8), если нѣтъ добродѣтелей духовныхъ. Надобно имѣть между собою неліцемерную любовь, быть въ послушаніи, въ терпѣніи со смиреніемъ. Желѣзо же, голодъ и поклоны не спасутъ. Богъ ищетъ мира и любви чисто-сердечной; ибо „плодъ духовный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе; на таковыхъ нѣсть закона“ (Гал. 5, 22). Приводилъ слова Самого Спасителя: „о семь познають вси, яко ученицы мои есте, аще любовь имате между собою“. И паки: „Сія заповѣдаю вамъ: да любите другъ друга; яко же азъ заповѣди Отца моего соблюдохъ, и пребываю въ Его любви; и сія есть заповѣдь моя: да любите другъ друга, якоже азъ возлюбихъ вы“.

Вотъ и еще четыре краткихъ, устныхъ наставленія о. Теофана новозерской братіи, сохранившіяся въ обители:

2 Генваря 1827 г. „Почитайте, говоритъ блаженный старецъ, и старшихъ и равныхъ. Если кто въ чемъ обличить насъ, должны поклониться и сказать: согрѣшилъ, прости, а себя обвинять мыслями: я виновать, и молиться: „Господи, даждь ми исправленіе“.

Должно ходить тихо—степенно, не смѣяться, не кощунствовать, но всегда во умѣ и на устахъ имѣть молитву Іисусову, чрезъ то я ноги, и руки, и глаза освещаются.

Чаще размышляйте о будущей жизни и сравнивайте ее съ здѣшнею; временная жизнь противъ вѣчной ничто. Тамъ для грѣшниковъ нераскаянныхъ будетъ огонь неугасающій и червь неумирающій, по слову Христа Спасителя. Все это имѣя всегда въ умѣ, мы будемъ способны бороться со страстями и побѣждать ихъ.

Находясь въ храмѣ, мы должны помышлять, что бесѣдуемъ здѣсь съ самимъ Богомъ: „въ храмѣ стояще славы Твоея, на небесахъ стояти мнѣ“.

Декабря 25 д. 1827 г. Благодарите Господа Бога за то, что Онъ сошелъ на землю ради нашего спасенія; и всегда имѣйте въ душѣ смиреніе; ибо Господь нашъ сошелъ на землю не великолѣпно, но смиренно, „намъ оставль образъ да послѣдуемъ стопамъ Его“. Если кто здѣсь поживеть богоугодно, то услышитъ сей утѣшительный гласъ Господа: „пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ sloженія міра“ (Мѡ. 25 34); а грѣшникамъ не покаившимся Онъ скажетъ: идите отъ Мене проклятїи во огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его“ (ст 41). Должно памятовать, что за сію краткую жизнь, за малыя удовольствїя и за самыя дурныя мысли, мы примемъ казнь безконечную. Если же здѣсь будемъ жить въ мирѣ, согласїи и любви; то всегда будемъ въ спокойствїи, тогда здѣшняя жизнь будетъ намъ преддверїемъ къ царству небесному.

Не принимайте никакихъ богопротивныхъ мыслей, и если придетъ такой помысль, тотчасъ просите Божїей помощи: Господи, отыми отъ мене весь помысль лукавый.

Въ трапезу и изъ трапезы должно идти съ молчаніемъ, въ трапезѣ надобно сидѣть смиренно и съ молитвою и по сторонамъ не смотрѣть; а прийдя въ келлію должны благодарить Господа Бога, что Онъ щедро полагаетъ вся намъ потребная“.

Сентября 5 д. 1828 г. Всѣ силы собравши пришелъ сюда (въ трапезу). По причинѣ боли въ головѣ, въ шеѣ, въ рукахъ и ногахъ не могъ придти до сего времени. Нынѣ прошу васъ, братіе, Господа ради не имѣйте ненависти, удаляйтесь вражды, остерегайтесь осужденія; каждому должно себя осуждать и говорить, что я хуже всѣхъ. Не гордитесь, не тщеславьтесь дарованіями и не говорите, что я лучше другихъ; ибо какія дарованія мы имѣемъ, все это не наше собственное, а Господь далъ, Онъ можетъ и отнять.

Остерегайтесь пьянственной страсти и плотской, по келліямъ безъ нужды не ходите; потому что отъ этого бываетъ празднословіе и осужденіе.

Не тщеславьтесь платьемъ, въ недостаткахъ не унывайте. Если случится въ чемъ недостатокъ, то должно терпѣть, а не роптать и причитать Богу: вѣрво Ему такъ угодно, а ежели все имѣемъ, то за сіе благодарить Бога.

Должно болѣе всего имѣть смиреніе.

Всегда какъ въ трапезѣ, такъ и въ кельѣ должно имѣть во умѣ и произносить молитву: Господи І. Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго, и показавъ на свои четки, сказалъ: для того намъ и четки даны.

Въ церкви надобно стоять со вниманіемъ и помнить, что въ храмѣ стояще славы Твоея, на небеси стояти мнѣмъ“. Если придетъ какая нибудь скверная мысль, то должно сказать самому себѣ: съ Богомъ-ли лучше быть, или съ скверными помысламъ.

Малые должны почитать себя счастливыми, что Господь удостоилъ ихъ такой жизни, ибо вы пришли сюда для спасенія.

Въ чтеніи не должно торопиться и читать въ два голоса. Со вниманіемъ нужно читать молитву: „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ“. Для того эту молитву и положено читать часто, чтобы мы возводили умъ нашъ

къ Богу—Отцу, Сыну и св. Духу. Но не три Бога, а Единъ. Богъ въ трехъ лицахъ. И сія слова молитвы должно произносить со вниманіемъ и съ великими чувствами: „благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя нмя святое Его“ и проч. Также: „хвали душе моя Господа, восхваляю Господа въ животѣ моемъ“ и проч.

Скверныхъ мыслей оберегайтесь въ церкви и, ложась на постелю, не принимайте ихъ.

Говорю вамъ сіе, какъ благочинный и настоятель обители, хотя и не достоинъ, ибо я хуже всѣхъ (слыша это братія не могла удержаться отъ слезъ). Вотъ мнѣ уже 77-й годъ, ждать болѣе нечего. Св. Царь Давидъ говоритъ, что семьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ, осьмьдесятъ лѣтъ, и множаѣ ихъ трудъ и болѣзнь. Не думалъ я дожить; и вотъ Господь продлилъ мнѣ вѣку еще, но здоровлемъ я очень слабъ. Потому и прошу васъ, Бога ради, старайтесь, чтобы жизнь наша не вотще была. За здѣшніе малые труды примемъ вѣчное воздаяніе: ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, а на сердце челоуѣку не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его (1 Кор. 2, 9). Старайтесь же, Бога ради, о душахъ своихъ, чтобы наследовать намъ вѣчное блаженство.

Никогда недолжно унывать и предаваться печали; но всегда, когда что-нибудь случится прискорбное, должно говорить: вскую прискорбна еси душе моя: и вскую смущаеши мя; уповай на Бога, яко исповѣся Ему, спасеніе лица моего и Богъ мой (Псал. 41, 6).

Любить Бога должно всѣмъ сердцемъ; ибо любящимъ Его Онъ сказалъ; что скорѣе забудетъ мать изчадіе, но азъ не забуду васъ (Исаи 49, 15), глаголетъ Господь. Любящему Бога вся поспѣшествуетъ во благое (Рим. 8, 28). Всегда должно имѣть Его предъ глазами нашими.

Если придетъ помысль тщеславія или осужденія, должно сказать: горе мнѣ окаянному, лѣнивому, нерадивому, нразднословцу, вспоминать и прочіе грѣхи свои, которые мы чаще дѣлаемъ.

Если кто чѣмъ оскорбилъ, должно сказать въ себѣ, что я виноватъ, согрѣшилъ, прости; и молиться такъ: „Господи, даруй мнѣ исправленіе. Господи, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего».

Декабря 25 д. 1828 г. Слава Богу, что мы дождались пресвѣтлаго праздника Рождества Христова, въ который Господь нашъ І. Христосъ сошелъ на землю нашего ради спасенія. Потому мы и должны быть подражателями житія Его; ибо Онъ намъ оставилъ образъ смиренія, да послѣдуемъ стопамъ Его.

Не должно принимать скверныхъ плотскихъ помысловъ и при нахожденіи оныхъ должно просить Божіей помощи: „Господи, изми мя отъ устъ погубнаго, змія, зіяющаго пожрети мя и свести во адъ жива“. Не должно смотрѣть на женскія лица; ибо всякъ, иже воззреть на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ (Мѡ. 5, 28). А есть нѣкоторые, что не только къ женскому, но и къ мужскому полу прилѣпляются страстно: отъ чего бывають многія соблазны, и смущенія, и разные разговоры.

За укореііе не сѣтуйте; а должно сказать въ себѣ, вотъ что про тебя говорятъ нехорошее;—отъ этого бываетъ исправленіе.

Не кошунствовать, не празднословить, не смѣяться; но всегда имѣть въ умѣ молитву.—Въ трапезѣ не разговаривать, не кошунствовать, не смѣяться: отъ чего бываетъ прочимъ соблазнъ; а должно сидѣть съ молчаніемъ и молитвою.

Вотъ и табакъ—страсть не малая, отъ чего бываетъ соблазнъ прочимъ. Также піянственная страсть, какъ помрачаетъ! Сколько мы знаемъ людей, которые умирають отъ нея безъ покаянія; но нѣтъ! все надобно исполнить свое желаніе, хотя и видимъ, сколько отъ нея приключается болѣзней. Да опять же Самъ Господь сказалъ: „ни малакіи, ни мужеложники, ни блудники, ни піяницы, ни душегубцы царствія Божія не наслѣдять“.

Если случится недостатокъ въ одеждѣ или пищѣ, не роптать, но уповать на Господа; ибо Онъ Самъ сказалъ, что взыскающіи Мене не взалчуть во вѣки.

Заключилъ свою бесѣду блаженный старецъ сими словами: собравши всѣ мои силы, говорю вамъ сіе, по своей обязанности:

мои силы очень уже слабы, потому и прошу васъ, помолитесь, чтобы Господь сподобилъ меня при концѣ жизни исповѣдать свои грѣхи и приобщиться св. таинъ.

Вообще всѣ свои наставленія о. Теофанъ основывалъ на совершенномъ самоотверженіи, на любви къ Богу и ближнему, — но и тѣхъ не выдавалъ за свои собственныя и не желалъ называться учителемъ, говоря, что „одинъ есть учитель нашъ Христосъ, — мы же всѣ братія“. Посему свои наставленія всегда подкрѣплялъ словами св. Писанія, или изъ молитвъ св. церкви, утверждаясь на изреченіи самого Господа: „испытайте писанія, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный (Іоан. 5, 39), и приводилъ слова Пророка: тако глаголетъ Господь, избавивый тя Святый Израилевъ: Азъ есмь Господь Богъ твой, научихъ тя, еже обрѣсти тебѣ путь, по немуже пойдеша: и аще бы еси послушалъ заповѣдей Моихъ, то былъ бы убо аки рѣка миръ твой, и правда твоя яко волна морская (Исаіи 48, ст. 18, 19).

Если о. Теофанъ въ комъ либо изъ братіи замѣчалъ уклоненіе отъ монашескихъ правилъ, или поступки не еоотвѣтствующіе иноческой жизни, то въ исправленіи жизни виновнаго онъ дѣйствовалъ съ мудрою осторожностію опытнаго въ духовной жизни руководителя: не обличая никого прямо, онъ говорилъ о замѣченныхъ уклоненіяхъ и поступкахъ въ видѣ общаго наставленія братіи, съ отеческими просьбами всячески избѣгать недостатковъ въ свойственныхъ иночеству; но говорилъ такъ убѣдительно, трогательно и кротко, что виновный самъ приходилъ къ старцу съ раскаяніемъ и обѣщаніемъ исправиться; случалось даже, что виновный тотъ часъ же послѣ наставленія при всѣхъ калялся предъ нимъ въ своемъ простункѣ и тутъ же принималъ твердое намѣреніе положить начало своему исправленію, въ чемъ, по молитвамъ благочестиваго старца, многіе и успѣвали.

* ПРИЛОЖЕНІЕ. *

Жизнь и подвиги о. Теофана въ Кирилло-Новозерскомъ монастырѣ до увольненія на покой.

Конечно, правила, введенныя о. Теофаномъ въ новозерской обители, не имѣли бы полной обязательности для братіи, и наставленія его не производили бы такого глубокаго впечатлѣнія и не отразимаго, такъ сказать, вліянія на нихъ, еслибы самъ онъ, своею жизнью, не показывалъ примѣра самаго точнаго и ревностнаго исполненія иноческихъ правилъ. Его жизнь, дѣйствительно, служила образцомъ для каждаго изъ братіи.

Прежде всего о. Теофанъ отличался замѣчательною кротостію и смиреніемъ; въ этихъ добродѣтеляхъ онъ старался подражать вѣщаче самому І. Христу, постоянно нося въ умѣ и сердцѣ наставленіе Его — „вучитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“. Поучая сию смиреннымъ глаголомъ Спасителя и своихъ братій о Христѣ, онъ самъ такъ глубоко былъ проникнутъ смиреніемъ, что никого и никогда не осудилъ. Кротостію онъ былъ украшенъ и вѣшною и внутреннею. Вѣшною: хожденіе его было кроткое, сѣданіе — кроткое, взоры — кроткіе, слово кроткое; внутреннею: — онъ не досадилъ никому ни въ словесахъ, ни въ дѣлѣ, ни въ распоряженіяхъ, и потому кроткаго старца любила вся братія, какъ роднаго отца и считала за преступленіе чѣмъ — нибудь обидѣть его лично, а тѣмъ болѣе нанести ему оскорбленіе. Отъ выговора до эпитиміи о. Теофанъ былъ одинаково кротокъ; провинившихся онъ приводилъ къ раскаянію и исправленію силою кроткаго слова, но за то ни одного ностука отъ важнаго проступка до малѣйшей ошибки не про-

пускалъ безъ внимавія, безъ добраго, проникнутаго сердечностію, назиданія.

Свободный отъ всякаго пристрастія къ земнымъ предметамъ, о. Теофанъ находилъ особенную сладость въ непрестанной молитвѣ Іисусовой, непрерывая этого духовнаго услажденія въ умной бесѣдѣ съ Господомъ даже въ часы краткаго отдыха. Поэтому онъ спѣшилъ ко всякой церковной службѣ, какъ бы на нѣкое духовное пиршество; приходилъ въ храмъ первымъ и выходилъ послѣ всѣхъ. Опущеніе божественной службы онъ почиталъ весьма тяжкимъ для себя лишеніемъ, такъ что до конца своей жизни не пропускалъ ни одного богослуженія, безъ самой крайней необходимости. Это бывало въ тѣхъ только случаяхъ, когда онъ отлучался по монастырскимъ дѣламъ и по обязанности благочиннаго. И, если приходилось ему возвращаться въ обитель во время утрени или другой какой службы, то уже, не заходя въ келью, прямо съ дороги шелъ въ церковь. Случалось, что онъ самъ, не безпокая келейника, ходилъ къ будильщику, когда сей просыпалъ надлежащее время къ бужденію братіи на утреннее славословіе. Самъ нѣрѣдко служилъ и молебны для богомольцевъ, не предпочитая знатнаго простолюдину и богатаго нищему.

О. Теофанъ всегда былъ и примѣромъ трудолюбія для своей братіи. Въ первые годы своего пребыванія въ повоезерскомъ монастырѣ, когда еще пользовался совершеннымъ здоровьемъ, онъ, наравнѣ съ братією, исполнялъ всѣ монастырскія послушанія: косилъ и собиралъ сѣно, разчищалъ сѣнокосы, рубилъ дрова, выкапывалъ пня, носилъ кирпичъ, щебень и проч. и за всѣмъ тѣмъ самъ велъ всю канцелярскую переписку по монастырю.

Зная опытно, что тѣлесные подвиги постничества иногда возбуждаютъ самообольщеніе, о. Теофанъ въ воздержаніи подражалъ св. Іоанну Лествичнику. Въ трапезу ходилъ за обѣдъ и за ужинъ, вмѣстѣ съ братією, но вкушалъ пищу только за обѣдомъ. Въ келліи у себя не имѣлъ ничего съѣстнаго, кромѣ чаю, который приготавлился въ одни праздники для утѣшенія братіи. Въ первую седмицу св. четырехдесятницы и въ страстную не вкушалъ ничего, кромѣ антидора, раздаваемого послѣ литургіи. Если

случалось внѣ обители во дни постныя, исключая св. четыредесятницу, встрѣтить транезу съ рыбою, приобщался оной, но потомъ налагалъ на себя постъ въ скоромный день. Въ своей же обители и даже на гостинницѣ при посѣщеніи богомольцевъ, опасно соблюдалъ онъ правила постническаго устава въ посты великій и успенскій. Этому правила касательно пищи никогда не измѣнялъ. Вина не вкушалъ и относительно горячихъ напитков въ своемъ завѣщаніи написалъ: „какъ было при мнѣ, такъ и по смерти моей должно настоятелямъ наблюдать не пережѣвывая ничего, а паче не вводить хмѣльных напитковъ, и тогда будетъ Божіе благословеніе и преподобнаго Кирилла, чудотворца, отца нашего, который о семъ заповѣдалъ;» поэтому при немъ не было горячихъ напитковъ на всемъ островѣ; даже ходатайствовалъ 11) предъ начальствомъ, чтобы питьевой домъ, находящійся въ двухъ верстахъ отъ монастыря на берегу, отнесенъ былъ съ озера на болѣе далекое разстояніе.

При своемъ строгомъ воздержаніи о. Теофанъ отличался примѣрною вѣстятельностію и наблюдалъ удивительную скромность въ одѣяніи: были у него только мантия, ряса и полукафтаны; шелковыхъ одеждъ никогда не употреблялъ и не любилъ; въ келліи своей онъ не имѣлъ никакой собственности, кромѣ книгъ отеческихъ и церковныхъ и вещей самыхъ необходимыхъ для жизни-

¹¹⁾ О. Теофанъ, ходатайствуя о перенесеніи питьевого заведенія отъ монастыря на другое болѣе далекое разстояніе, писалъ въ донесеніи своемъ, что многіе люди, напиваясь въ ономъ до пьяна, чинятъ монастырю великое безпокойство своимъ безчинствомъ, а приѣзжающимъ богомольцамъ и братіи соблазнъ, что оный питьевой домъ построенъ хотя и при большой С.Петербургской зимней дорогѣ, но на неудобномъ мѣстѣ; потому что за лежащими по ней озерами и болотными мѣстами ѣзда бываетъ зимою малое время, а приличнѣе бы бытъ оному питьевому дому построено на лѣтней до С.Петербурга большой дорогѣ, гдѣ ѣзды большее время бываетъ, въ Черноавдрѣльской волости, въ деревнѣ Перкумзѣ, въ которой имѣется для приѣзжающихъ учрежденный ямъ; а близъ монастыря невелѣно оному питьевому дому и бытъ, по жалованной (въ 7159 г. Сент. 18 д.) отъ царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя россіи самодержца грамотѣ, въ которой изъяснено, чтобы монастырю безчинства и стѣсненія не было. Ходатайство старца было уважено: питьевой домъ былъ переведенъ на бывшую С.Петербургскую большую дорогу въ дер. Перкумзѣ.

пыхъ потребностей. Но любимѣйшею добродѣтелию старца Теофана была сострадательность къ несчастнымъ и страждущимъ, самымъ искреннимъ другомъ которыхъ ояъ былъ во всю свою жизнь. Входъ къ нему былъ во всякое время свободный для всѣхъ угнетенныхъ судьбою. Нужду ближняго ояъ всегда предпочиталъ собственному спокойствію. Если кому-либо нужно было видѣть его въ часъ отдыха, ояъ немедленно оставлялъ отдыхъ и удовлетворялъ нуждающагося. Всѣ проценты съ оставленнаго собственно въ его распоряженіе капитала (билетъ въ 10000 руб. оставленъ былъ собственно о. Теофану архимандритомъ Іоасафомъ), ояъ раздавалъ нуждающимся, и все, что получалъ отъ благотворителей, употреблялъ на дѣла благотворительности: бѣдныхъ, сиротъ, странниковъ одѣвалъ, обувалъ и давалъ деньги. Разъ было такое обстоятельство, что у о. Теофана не случилось ничего, что бы могъ подать пришедшему бѣдняку; ояъ снялъ тогда съ себя единственную фланелевую фуфайку и отдалъ ее ему. Добро другимъ ояъ старался дѣлать тайно даже отъ келейника, котораго, при посѣщеніи его несчастными бѣдняками, часто посылалъ по какой нибудь надобности къ казначею. Лучшимъ доказательствомъ нестяжательности и благотворительности о. Теофана служить его духовное завѣщаніе, которое ояъ написалъ не задолго до своей кончины.

Между часами общаго богослуженія и занятій по дѣламъ монастыря и благочинія о. Теофанъ съ особенною любовію занимался чтеніемъ св. писанія и книгъ отеческихъ, и въ особенности сочиненій св. Іоанна Лѣствичника и Четь-миисей.

Отношенія о. Теофана къ подчиненнымъ были замечательны глубокимъ смиреніемъ, незлобіемъ, свисходительностію и любовію и служили для братіи поучительнымъ примѣромъ поведенія въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кроткій старецъ всего болѣе заботился о томъ, чтобы видѣть между братіею миръ, согласіе и любовь, ради которыхъ готовъ былъ прощать даже уклоненія отъ строгости поста и другихъ аскетическихъ подвиговъ. Гдѣ миръ, согласіе и любовь, говаривалъ ояъ часто братіи, тамъ и Христосъ.

Такимъ образомъ, собственнымъ примѣромъ предшествуя братія на пути истинно-иноческой жизни, о. Теофанъ водворялъ въ

обители примѣрный порядокъ и благочиніе, сообразныя съ духомъ православнаго ивочестна, и въ то же время прочно утвердилъ ея виѣншее благосостояніе. Подъ руководство такого мудраго и опытнаго въ духовной жизни наставника и поды сѣнь такой благоустроенной обители стекались многіе, желавшіе посвятить себя ивоческой жизни, такъ что число братіи въ непродолжительное время возрасло до 80 человекъ. Вслѣдствіе умножавшагося числа братіи о. Теофанъ въ 1823 году ходатайствовалъ предъ правительствомъ объ увеличеніи штата въ монастырь. Ходатайство его уважено. Императоръ Александръ I, согласно прошенію старца и къ великому его утѣшенію, повелѣлъ прибавить къ штатному числу Новозерской братіи четырехъ іеромонаховъ, трехъ іеродіаконовъ, четырехъ монаховъ и двухъ послушниковъ съ положеннымъ отъ казны жалованьемъ, такъ что въ обители образовался штатъ братіи второкласснаго монастыря, но старецъ, по своему смиренію, не просилъ о возведеніи его во второй классъ.

Заботясь о братіи своей обители, о. Теофанъ не меньшее имѣлъ попеченіе и о гѣхъ обителяхъ, которые состояли поды его надзоромъ. Въ 1799 году онъ назначенъ былъ благочиннымъ монастырей — Кирилло-бѣлозерскаго, Устюжскаго—Моденскаго, Филиппо-прибской пустыни и Горлицкаго дѣвичьяго монастыря. По обязанности благочиннаго, часто посѣщая ввзрєнныя обители для обозрѣнія въ нихъ иорядка и устройства и для исправленія, еслибы встрѣтилась въ томъ надобность, онъ оказывалъ благотворное нравственное вліяніе на монашествующихъ. Особенно же благотворно было вліяніе на благоустройство Горлицкаго монастыря, такъ что отношенія его къ этой, знаменитой въ настоящее время, обители заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Горлицкій монастырь о. Теофанъ посѣщалъ по нѣскольку разъ въ годъ, и каждое посѣщеніе его было истиннымъ праздникомъ для обители, оставляло по себѣ глубокое впечатлѣніе. Настоятельница монастыря была тогда дивно кроткая и боголюбивая игуменія Маврикія. Ревнуя благоустройству Новозерской обители, введенному о. Теофаномъ, она вознамѣрилась, съ Божією помощію, учредить общежитіе и въ своемъ монастырь. Прежде всего она обратилась за совѣтомъ къ о. Теофану. Старецъ съ душевною

радостію, выслушавъ желаніе Маврикія завести общежитіе въ Горницкомъ монастырѣ, спросилъ ее: „имѣете ли, матушка, средства къ заведенію общежитія?“ Смирная и всею душою отдавшаяся Богу и попеченію о спасеніи сестеръ игуменія, которая не только не имѣла никакихъ сокровищъ, но и не знала ихъ, могла отвѣтить только одно: „вся моя надежда и все мои сокровища у Бога“. Тогда о. Теофанъ сказалъ ей: „если такъ, матушка, то не скорбите, этихъ сокровищъ съ избыткомъ станетъ на заведеніе общежитія! Вотъ вамъ мое благословеніе: съ Богомъ, принимайтесь за доброе дѣло: и Богъ совершитъ его“. Такъ положено начало общежитію въ Горницкой обители. О. Теофанъ, видя, что благое начинаніе увѣнчивается успѣхомъ, до самой своей кончины не переставалъ сносѣшествовать оному всеми зависящими отъ него способами. Число инокинь въ Горницкомъ монастырѣ, когда вступила въ оный мать Маврикія, было очень значительно, но благодаря превосходному устройству учрежденнаго въ немъ общежитія и мудрому управленію, оно увеличивалось все болѣе и болѣе и вскорѣ дошло почти до 400 сестеръ. Благочестивая мать Маврикія неусынно заботилась о поддержаніи общежитія, пользуясь постоянно совѣтами и руководствомъ о. Теофана въ трудномъ дѣлѣ управленія многолюдною обителью. Онъ какъ отецъ откровенно и съ любовію давалъ ей совѣты, что видно изъ постоянной между ними переписки въ случаяхъ важныхъ и дѣлалъ замѣчанія о томъ, что требовало исправленія. Постыниъ однажды Горницкую обитель, онъ писалъ игуменіи: „не огорчилъ ли я васъ моими словами? Но слова мои были внушаемы къ славіи Божіей, къ понесенію терпѣнія и ига, возложеннаго на васъ отъ Бога. Христосъ—Сынъ Божій увѣряетъ насъ, что „иго Его благо и бремя Его легко есть“. Прошу васъ утѣшать, сколько Господь поможетъ и вдохнетъ въ сердце ваше, прилѣпившихся къ тебѣ любовію, по духу сущихъ младеицевъ. Заведеніе обители вашей богоугоднѣе; Богъ призираетъ съ высоты славы своея на смиреніе ваше и не оставитъ своимъ промысломъ во всехъ нашихъ требованіяхъ; просите Его помощи противъ всякой неугодной Ему мысли, и услышите: Онъ волю боящихся Его испол-

няетъ и спасаеетъ ихъ во время печали, скорби и унынія»¹²⁾. Наставленія мудраго старца всегда принимались благочестивою настоятельницею съ глубокимъ вниманіемъ и полнымъ послушаніемъ. Ему она обязана была подкрѣпленіемъ въ тѣ трудныя времена, когда, сознавая свои немощи и великую важность лежащихъ на ней обязанностей, рѣшалась было оставить трудную должность управленія монастыремъ: словомъ своимъ проинкнутымъ сердечно-стію и простотою, о. Теофанъ умѣлъ внушить ей упованіе на высшую помощь и каждый разъ отклонять ея намѣреніе. При одномъ свиданіи съ о. Теофаномъ она жаловалась, что „она неспособна ввести порядокъ въ обители и не въ силахъ управлять и руководить подчиненными“. Старецъ на это отвѣчалъ: „ты худа, другіе найдутся угодные Богу и за тебя просить Его будутъ. За тебя всѣ молятся; твои недостатки восполняются молитвами сестеръ. Вы сами собою ничего не можете сдѣлать; все устрояетъ Богъ; на Него и возлагайте всю надежду, не отчаивайтесь, не унывайте; просите Его: Ты вразуми, Ты просвѣти, Ты настави! Ваше одно слово будетъ пользоваться“. „Но я не учена, не разумю, что говорить“. „Можно и въ молчаніи, ничего неговоря, поучать. Вотъ въ Саровской пустынѣ о Ефремъ былъ человекъ самый простой, ничего не говорилъ въ назиданіе, а какъ устроилъ обитель! Изъ Москвы пріѣзжали посмотрѣть Ефрема!“ Въ 1827 году, когда игуменія уже рѣшилась просить увольненія отъ должности, о. Теофанъ писалъ къ ней: „Вы въ смущеніи, и обитель въ смущеніи; вы за великую тягость считаете быть настоятельницею;—сестры ваши слышать не хотятъ, чтобъ на мѣсто ваше была другая изъ сестеръ, а паче изъ постороннихъ; а врагъ сему радуется и торжествуетъ и всѣ адскіе силы подвизаетъ, чтобъ обитель привести въ разстройство. Я совѣтую вашему преподобію предать себя въ волю Божію... Возверзите на Господа печаль вашу, и Той васъ съ сестрами пренитаеетъ, и не возрадуется врагъ, возстающій на обитель вашу. Сіе искушеніе понущено отъ Господа на вашу обитель, чтобы испытать вѣру вашу: да будетъ вамъ Онъ и помощникъ!“¹³⁾.

¹²⁾ Исх. о. Теофава къ игуменіи Маврикіи безъ числа и мѣсяца.

¹³⁾ Письмо о. Теофана игум. Маврикіи отъ 16-го янв. 1827 г.

Совѣты о. Теофана были приняты. Благочестивая старица долго еще и послѣ смерти его управляла обителію и съ глубокимъ благоговѣніемъ въ теченіи всей многолѣтней своей жизни вспоминала мудрыя его наставленія.

Содѣйствуя благоустройству Горицкаго монастыря своими руководительными совѣтами и наставленіями настоятельница, о. Теофанъ въ тоже время при каждомъ личномъ посѣщеніи обители старался внушить сестрамъ ирравильныя понятія объ ихъ обязанностяхъ, вдохнуть любовь къ иноческой жизни, поселить въ нихъ духъ истиннаго иночества: и въ этомъ-то отношеніи посѣщенія его были особенно важны и благотворны для Горицкаго монастыря.

Вотъ что рассказывалъ одинъ изъ очевидцевъ посѣщеніи Горицкаго монастыря и бесѣды о. Теофана съ сестрами. Каждый разъ, какъ иррѣзжалъ старецъ въ Горицы, обыкновенно, совершалъ литургію, и потомъ изъ церкви, благословивъ сестрамъ трапезу, уходилъ въ приготовленную келлію и тамъ, или же въ церкви ожидалъ къ себѣ сестеръ: кончилась трапеза и всѣ они на нерерывъ съ дѣтскою любовію снѣдаютъ къ батюшкѣ (такъ обыкновенно называли въ Горицахъ о. Теофана). Собравшись, разжѣщаются вокругъ его, кто-какъ можетъ: кто на стулѣ, кто стоя, кто на колѣняхъ, кто просто на полу, чтобы не проронить ни одного батюшкина слова, да хоть изрѣдка имѣть возможность взглянуть на него. Разиѣстились дѣти Божіи около батюшки, тутъ же съ ними и матушка игуменія Все смолкло: молчатъ и старецъ — патриархъ среди благословеннаго семейства. Взоры всѣхъ устремлены на него; а онъ свой взоръ, по обычаю, приковакъ къ землѣ. Прошла минута молчанія, батюшка раскрылъ уста: и сладкая медоточивая бесѣда полилась изъ нихъ чистымъ потокомъ, изрѣдка прерываемымъ вздохомъ и нерѣдко слезами слушающихъ. Иногда бралъ батюшка въ руки Библию, раскрывалъ и читалъ ее съ такимъ благоговѣніемъ, что въ слушательницахъ своихъ пробуждалъ сладостное, неизвѣстное имъ дотолѣ чувство умиленія и любви къ Богу. Это былъ истинный пастырь, заботящійся о сохраненіи каждой овцы, ввѣренной его попеченію.

* * ПРИЛОЖЕНІЕ. * *

Жизнь и подвиги О. Теофана въ Кирилло-Ново-
езерскомъ монастырѣ до увольненія на покой.

Бесѣды О. Теофана дышали замѣчательною простотою, съ какою онъ говорилъ и которой онъ навѣкъ у старцевъ, а также необыкновенною задушевностію и духовнымъ помазаніемъ, и по-тому сообщали словамъ его неотразимую силу убѣжденія. Внима-тельные слушательницы нѣкоторыя изъ бесѣдъ его записали; такимъ усердіемъ и способностію къ записыванію наставленій осо-бенно въ обители отличалась одна сестра. Сядетъ, бывало, къ самымъ ногамъ батюшки и записываетъ все, что онъ нискажетъ. Однажды нѣкоторыя сестры стали было удерживать ее отъ за-писыванія, чтобы не безиокоила батюшки; но старецъ замѣтилъ имъ: „не трогайте ее, пригодится и намъ“. И дѣйствительно пригодилось, особенно въ настоящую пору, когда каждое слово старца считается за вѣстимъ и священнымъ. По этимъ записан-нымъ бесѣдамъ можно судить и о томъ, въ чемъ О. Теофанъ поставлялъ сущность иночества и какія обязанности всего болѣе старался внушить какъ сестрамъ Горицкаго монастыря, такъ и своей новозерской братіи.

О. Теофанъ въ своихъ бесѣдахъ старался прежде всего по-казать различіе между жизнію мірскою и иноческою. Въ мірѣ преобладаютъ заботы о нуждахъ житейскихъ, многопопечительность, постоянныя суеты, здѣсь вообще больше поводовъ ко грѣху и соблазнамъ; монастырь, напротивъ, есть убѣжище отъ соблазнамъ и суеты, мѣсто исключительнаго служенія Богу и добродѣтели: „Богъ привелъ васъ въ тихое пристанище, въ домъ свой, нарочно

для васъ уготованный, селеніе небесное, земное небо!!.. Поэтому и жить въ монастырѣ надобно уже такъ, какъ прилично въ селеніи небесномъ, подражать небожителямъ, а не такъ, какъ живутъ въ мірѣ,—нужно забыть о немъ. Тѣломъ вышли изъ міра, нужно и духомъ выйти.. Вышли изъ міра; смотрите же, не озирайтесь, помните жену Лота: что случилось съ ней, когда обратилась посмотрѣть на остъзленный Содомъ?... Ежели я въ монастырѣ жить, да заниматься міромъ, помнить о томъ только, что тамъ говорили и дѣлали, — такая жизнь не будетъ на пользу. Даже и чистыя радости мірской жизни, какъ напр. любовь родственная, не безопасны для посвятившаго себя жизни иноческой. О родныхъ своихъ молитесь, чтобы къ нимъ былъ милосердъ Господь, а умомъ своимъ въ домы къ нимъ не учащайте: наши родственники небесныя силы, святители, мученики, преподобные и всѣ святые; къ нимъ надобно учащать умомъ своимъ... Когда придетъ желаніе видѣть родныхъ, приведите на память слова: „отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же воспріягъ мя“ (Псал. 26, 10).

Конечно, для природы человѣческой трудно исполнить такія требованія, трудно отказаться отъ того, что намъ близко и къ чему привыкли. „Въ міру—то мы вавилалсь и наслышались всего, трудно это сѣмя насѣянное истребить. А врагъ всячески заботится, какъ бы привести въ рѣзвращеніе, какъ бы опять возвратить въ міръ, какую бы вложить мірскую мысль. Если слушать вражьяго голоса, онъ поведетъ насъ не къ спасенію, а къ погибели, поведетъ за ворота монастырскія, исполнить слухъ дурными словами и помрачить умъ, приведетъ въ уныніе, печаль, отчаяніе, отторгнетъ отъ Бога. Но въ томъ-то и состоитъ подвигъ иночества, чтобы противодѣйствовать этимъ искушеніямъ и нападеніямъ врага, и подвигъ этотъ удобоисполнимъ при помощи Божіей. Оружіе противъ всѣхъ огорченій и искушеній иноческой жизни—молитва, трудъ и воздержаніе, особенно же послушаніе съ кротостью и смиреніемъ“. Въ этихъ трехъ добродѣтеляхъ, составляющихъ проявленіе христіанской любви, О. Теофанъ поставлялъ сущность иноческой жизни, начало всей дѣятельности инока, источникъ внутренняго мира и тишины въ обителяхъ. Любимымъ

его изреченіемъ, которое особенно часто повторялъ онъ, были слова Спасителя: «паучитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обратите покой душамъ вашимъ» (Мѣ. 11, 29). Ни о чемъ такъ часто и съ такимъ убѣжденіемъ не говорилъ онъ, какъ о смиреніи. „Нѣтъ ближайшаго и надежнѣйшаго пути ко спасенію, какъ путь смиренія; всѣ сѣти вражій проходитъ смиреніе,—онѣ даже не касаются его. Это первая добродѣтель: гордостію одной можно погибнуть, а смиреніемъ однимъ спастись. Отъ смиренія и покорность, и послушаніе и любовь: отъ гордости непокорность, не послушаніе, пражла, злоба: то корни, а это произрастенія... Безъ смиренія хотябы власяницу носили, хоть вереги, не принесутъ она никакой пользы; нестяжаніе, раздаваніе милостыни, постъ и молитва — ничто безъ смиренія; сколько поклоновъ ни клади, а будешь мечтать о себѣ, что жестокою жизнь веду — не получить никакой пользы: вся сила въ смиреніи“. Нужно только, чтобы смиреніе было искреннее, въ самомъ сердцѣ, а не въ словахъ только и наружныхъ дѣствіяхъ“. Если по внѣшности только смиренны, тихи, терпѣливы, этого недостаточно: надобно внутреннее, духовное самоуничиженіе, чтобы признавать себя хуже всѣхъ. Въ обители надобно всѣхъ признавать святыми, только себя грѣшною; всѣхъ почитать за ангеловъ Божіихъ,— почитать, что это земное небо. Ежели бы Богъ удостоилъ въ кротости, въ терпѣніи, въ любви жить, и здѣсь дѣйствительно было-бы царствіе небесное, спокойствіе небесное. А этого уже нѣтъ хуже въ обителяхъ, какъ раздоръ, противорѣчіе, презрѣніе другихъ...

Таковъ общій характеръ наставленій О. Феофана Смирненіе, какъ вѣрный залогъ мира и взаимной любви между братією, онъ поставлялъ основнымъ началомъ иноческой жизни, почитая его выше всякихъ аскетическихъ подвиговъ, и потому къ пробужденію этой добродѣтели направлены всѣ его бесѣды съ братією. Тотъ же характеръ носятъ и всѣ его наставленія, вызванныя какими либо частными случаями и вопросами. Отечественія бесѣды О. Феофана въ Горицкомъ монастырѣ имѣли то замѣчательное свойство, что вызывали окружающихъ его слушательницъ къ откровенному выраженію предъ нимъ, въ общемъ же присутствіи, своихъ внутреннихъ пожеланій и ощущеній: каждая изъ сестеръ смѣло

обращались къ нему съ занимавшими ее вопросами, сомнѣніями, недоумѣніями. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ отличаются почти дѣтскимъ простодушіемъ, и, однакоже, опытный наставникъ никогда не оставлялъ ихъ безъ приличнаго отвѣта: обстоятельство, свидѣтельствующее съ одной стороны о безграницной преданности ему сестеръ, съ другой---о мудрой, отеческой внимательности къ нимъ старца. Такъ одна сестра просила у О. Теофана благословенія провести въ совершенномъ воздержаніи отъ пищи время отъ понедѣльника до среды на первой недѣли великаго поста. „Богъ этого не требуетъ отъ насъ“, отвѣчалъ старецъ; „вотъ любви, послушанія, смиренія Онъ требуетъ“. Другая жаловалась, что не можетъ перенести продолжительнаго поста, изнемогаетъ, и спрашивала, какъ поспуать ей. „Лучше покушать, нежели лежать, да ничего не дѣлать. За это осуждены не будемъ. А вотъ смириться вѣдь, всегда можемъ. — Здѣсь немощію нельзя оправдываться“. Еще одна сестра выразила скорбь, что не можетъ спать безъ подушки, на голыхъ доскахъ. „Хорошо, что здоровъ и спосна ему деревянная подушка, отвѣчалъ О. Теофанъ“, — а Богъ отъ насъ этого не требуетъ; Христось въ своемъ Евангелии ничего не упоминалъ объ этомъ. Не было бы злобы, гордости, тщеславія, худыхъ дѣлъ, худыхъ словъ, худыхъ мыслей: вотъ что нужно! Вообще, о строгомъ воздержаніи въ пищѣ и о другихъ вишнихъ аскетическихъ подвигахъ О. Теофанъ былъ того мнѣнія, что въ такомъ монастырѣ, каковъ, напр. Горицкій, гдѣ общество состояло изъ женщинъ различныхъ званій и различнаго воспитанія, все не могутъ быть подчинены одинаково строгимъ правиламъ. „Нельзя, говорилъ онъ“ въ обителяхъ на одинаковомъ основаніи все устроить, а въ каждой разное. Св. Дѣствичникъ говоритъ: у Іоанна райскаго не всеяъ равно было, а по воспитанію. У Св. Іосифа волоколамскаго было также по разсужденію: смотря по воспитанію, по состоянію, изъ какого кто пришелъ, разная трапеза готовилась. У о. Клеопы позволялось съ бѣлыми хлѣбомъ, кто могъ имѣть, и на трапезу ходить, и самъ идти съ бѣлыми хлѣбомъ, — другіе не роптали. Одинаково нельзя вести. Иныхъ грубая пища можетъ привести въ взнеможеніе; одна пришла отъ бѣдности, отъ трудовъ въ покой; другая отъ богатства отъ нѣж-

и потребности сестеръ, съ какою материнскою заботливостію и сердоболіемъ обращаютъ вниманіе, чтобы ни одна сестра лишена не была утѣшенія, не говоримъ уже душевнаго; нѣтъ, злѣсь съумѣли найти монашеское необходимое облегченіе и для тѣла! Въ числѣ обитательницъ Горичкаго монастыря есть спасающіяся души такія, которыя оставили міръ въ цвѣтущемъ возрастѣ своемъ, оставили съ благами мірской жизни, съ богатствомъ, славою и благородствомъ своего происхожденія, но которыя однакожь безропотно и со смиреніемъ несутъ послушаніе и труды наравнѣ съ сестрами изъ простаго званія.

Мудрыя наставленія о. Теофана принесли добрый плодъ въ Горичахъ еще при его жизни. Вотъ что онъ писалъ въ одномъ изъ писемъ: „для спасенія самое лучшее мѣсто—въ Горичкомъ монастырѣ: тутъ служба Божія всегда, поученія вседневныя въ церкви, въ разговорахъ не мірскихъ, а болѣе въ духовныхъ упражняются; на строеніе, ежели вамъ захочется особенную келлію имѣть, не много кошту и попеченія потребно. Нища, ежели для васъ непріятна покажется и скудна, можете, по благословенію матери игуменн, и лишнее чтонибудь имѣть; для васъ нища немного надобно. Сколько живущихъ въ Горичахъ изъ воспитанія цѣльнаго, но я не слышала ни отъ кого, чтобы недовольны были, а всѣ довольны и спокойны. Тутъ за лучшее мѣсто для спасенія почитаю ¹⁵⁾).

Вирочемъ примѣромъ благочестивой жизни и мудрыми наставленіями о. Теофанъ руководилъ не одни монастыри, вѣрнѣе его наблюденію, какъ Благодѣнаго. Онъ, по примѣру верховнаго апостола, былъ „всѣмъ вся, да всяко вѣкія спасеть“. Многочисленные богомольцы всякаго званія и состоянія, приходя въ новозерскую обитель помолиться, обращались за совѣтами и помощію къ мудрому старцу, о благочестивой жизни котораго и великомъ дарѣ духовнаго разсужденія далеко распространилась молва, по слову Спасителя: „не можетъ градъ укрытиса, верху горы стоя“. Любя ближняго, какъ самаго себя, онъ свое время и труды и слово утѣшенія посвящалъ ближнимъ, имѣвшимъ нуж-

¹⁵⁾ Письмо къ матери 1—ѣ отъ 7 мая 1827 г.

ду въ духовной помощи. Движимый любовью къ человечеству, онъ былъ другомъ всякой христіанской души. Никто изъ скорбящихъ не былъ оставленъ безъ утѣшенія. А сколько было такихъ, которыхъ онъ отъ пространнаго пути, ведущаго въ пагубу, обратилъ на путь истинный, вводящій въ блаженную вѣчность. Съ одинаковою любовью онъ принималъ каждаго, кто желалъ получить отъ него наставленіе на пользу души; не было у него различія для знатныхъ и незнатныхъ, для богатыхъ и бѣдныхъ; доступъ къ нему былъ свободенъ и легокъ для всѣхъ одинаково и во всякое время; и всѣ—и бѣднякъ въ рубищѣ и богатый въ пышной одеждѣ, выходили отъ него съ равною пользою—съ чувствами кротости и умиленія; даже въ часы отдохновенія онъ не позволялъ себѣ отказывать приходящимъ къ нему съ какою либо нужбою. По своему глубокому смиренію и кротости, онъ предлагалъ свои наставленія нуждающимся, большею частію, въ такомъ видѣ, что какъ будто не столько училъ другихъ, сколько учился самъ. Особенное замѣчательное свойство бесѣдъ о. Теофапа, свидѣтельствующее о его великой духовной опытности, состояло въ томъ, что собесѣдникъ по его настроенію, самъ обыкновенно высказывалъ нужную въ его положеніи назидательную истину, а онъ былъ только возбудителемъ въ немъ сознанія и теплоты сердечной; раскрывалъ только въ каждомъ свѣ сердце; истина же и поученіе являлись сами собою. Удовлетворивъ духовной нуждѣ посѣтителя, старецъ обыкновенно провожалъ его до сѣней и на крыльцо своей келліи, преподавая тѣмъ новый урокъ кротости и смиренія. Впрочемъ, онъ не имѣлъ обычая многихъ принимать въ своей келліи, а особенно женщинъ; для желающихъ бесѣды съ нимъ, во всякое время и съ полною готовностію, онъ приходилъ въ гостинныя келліи, являясь такимъ образомъ, во всемъ истиннымъ слугою всѣхъ, во исполненіе сказаннаго Господомъ: „аще кто хочетъ въ васъ быти болій, да будетъ исъмъ слуга“.

Одинъ изъ посѣтителей и очевидцевъ назидательныхъ бесѣдъ о. Теофана такъ отозвался объ немъ: Будучи строгъ къ себѣ, 16)

*) Если на кого умилительно посмотреть, обрадуются; а если строго по-

онъ былъ сострадательнъ, снисходителенъ и ласковъ ко всѣмъ, отличался особенною любовію и привѣтливостію, онъ входилъ въ состояніе и нужды несчастныхъ, принималъ участіе въ бѣдствіяхъ, старался облегчать оныя своими совѣтами, молитвами, ходатайствомъ и утѣшеніями; словомъ, о. Теофанъ принадлежалъ къ числу тѣхъ великихъ благодѣтелей челоувѣчества и тѣхъ отраднхъ свѣтилъ, которые разливая вокругъ себя теплоту, жизнь и радость, невольно привлекають къ себѣ сердца всѣхъ. Не разъ, продолжаетъ тотъ же очевидецъ, приходили и пріѣзжали къ о. Теофану именитые дворяне въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, для принятія отъ него благословенія и совѣта. Никакое семейное событіе не совершалось у нихъ безъ его мудраго наставленія, даже привозили къ нему своихъ дѣтей на благословеніе предъ поступленіемъ въ учебныя заведенія. По нуждѣ и требованію простолюдиновъ, особенно сосѣдей, онъ иногда по нѣскольکو часовъ въ день употреблялъ на выслушаніе и разрѣшеніе различныхъ вопросовъ, недоумѣній и взаимныхъ распрей, и всѣ слова его и совѣты были принимаемы съ благоговѣніемъ и исполнялись съ полною покорностію и готовностію.

смотреть на клиръ и чтецовъ, то однимъ взглядомъ своимъ приводить въ трепетъ.

* * ПРИЛОЖЕНІЕ. * *

Жизнь и подвиги О. Теофана въ Кирилло-Ново-
езерскомъ монастырѣ до увольненія на покой.

Нельзя не упомянуть и о замѣчательныхъ письменныхъ наставленіяхъ О. Теофава. Многіе обращались къ нему съ письменными просьбами о совѣтахъ и вразумленіи въ разныхъ затруднительныхъ и скорбныхъ обстоятельствахъ жизни. Добродѣтельный старецъ, не искавшій своея пользы, но многихъ, да спасутся, не отказывался отвѣчать и на такія просьбы: онъ велѣ довольно обширную переписку съ разными лицами, какъ можно судить по сохранившимся нисѣмамъ. Характеръ писемъ О. Теофана тотъ-же, какъ и устныхъ наставленій: въ нихъ тоже глубокое знаніе свящ. писанія, таже духовная опытность, таже сердечность и простота слова, которыми всегда были проникнуты его бесѣды; и здѣсь онъ нб преимуществу преподавалъ уроки смиренія, кротости и любви. Изъ писемъ его большая часть нисна къ ученицамъ, которыя впоследствии были инокинями Горицкаго монастыря. Они свидѣтельствуютъ о той заботливости старца, съ какою онъ старался поддержать въ нихъ стремленія къ богоугодной жизни, при первоначальномъ проявленіи ихъ еще въ мірѣ, отстраняя всѣ препятствія и затрудненія для нихъ на пути къ достиженію этихъ стремленій, и съ какою потомъ подкрѣплялъ и руководилъ ихъ къ жизни иноческой, особенно когда встрѣчались огорченія и искушенія. Указывая имъ на обезпеченность ихъ внѣшняго состоянія, увѣщевалъ ихъ неослабно нести иго Христова, укрѣплялъ во взаимной любви, кротости и смиреніи, и особенно тѣхъ, коихъ обуревали помыслы. Кромѣ того эти письма представляютъ и но-

вое свидѣтельство той откровенности и искренности, съ какими ввѣрившіяся руководству старца раскрывали предъ нимъ свои внутреннія состоянія и движенія сердца, духовныя нужды и немощи. Не менѣе достойны замѣчанія письма О. Теофана и къ тѣмъ, которые жили въ мірѣ; въ нихъ онъ указывалъ пути, которыми и въ мірской жизни можно достигнуть спасенія, раскрывалъ истины нравственности христіанской, и каждаго, соотвѣтственно его положенію въ обществѣ и семействѣ, предостерегалъ отъ опасностей и преткновеній на этихъ путяхъ: такъ свѣтскому человѣку онъ совѣтуетъ остерегаться развлеченій, пріучающихъ къ разсѣянности, и тѣхъ вредныхъ и противныхъ правилъ церкви обычаевъ, которыя приняты въ свѣтскомъ обществѣ, какъ позволительныя, и не считающіеся неприличными; куца, приверженнаго къ церкви и ея благолѣвію, предостерегалъ отъ заблужденій раскола и т. п. Иногда особенно близкіе къ старцу получали отъ него и строія наставленія со внушеніемъ. чтобы исправились во всемъ, что недоброе онъ видѣлъ самъ или слышалъ. Иныхъ почитателей своихъ укрѣплялъ письмами въ благочестивыхъ чувствованіяхъ, замѣняя тѣмъ личную бесѣду, если не могъ самъ быть; другихъ благодарилъ за вещественныя приношенія обители дарами мудрости духовной.

Съ такимъ усердіемъ и самоотверженіемъ и съ такою любовію О. Теофанъ посвящалъ всего себя заботамъ о духовной пользѣ ввѣренныхъ его надзору обителей и всѣхъ, которые искали спасенія о Господѣ подъ его руководительствомъ, и Господь бдительно хранилъ дивнаго старца подъ своимъ благодатнымъ покровомъ и не разъ чудесно спасалъ отъ опасностей, угрожавшихъ его жизни. Вотъ что рассказывали очевидцы! Однажды зимою О. Теофанъ отправился въ Моденскую обитель для обозрѣнія ея; на этотъ разъ случился въ обители богомолецъ изъ новообращенныхъ евреевъ, которому тоже надобно было отправиться туда. О. Теофанъ, по всегдашней своей любви къ человѣчеству и благотворительности, взялъ и его съ собою. Этотъ-то новообращенный былъ свидѣтелемъ и съ удивленіемъ рассказывалъ, какъ промыслъ Божій покрывалъ сего блаженнаго старца. Разстояніе между этими монастырями 150 верстъ; ва пути, по которому нужно было

ѣхать, встрѣглось нѣсколько (до 7-ми) такихъ мѣстъ, гдѣ сходилось нѣсколько дорогъ и было много поворотовъ. Достигнувъ такого мѣста, они обыкновенно останавливались и раздумывали, по которой дорогѣ имъ ѣхать; но въ это время являлся какой нибудь человѣкъ, который и показывалъ настоящій путь; и замѣчательно, прибавлялъ спутникъ О. Теофана, что встрѣчные попадались имъ ни прежде ни послѣ, но именно въ то самое время, когда они находились въ совершенномъ недолужьи относительно дороги.

Въ другой разъ тоже зимой О. Теофанъ, возвращаясь изъ путешествія въ обитель, долженъ былъ въ одномъ мѣстѣ перѣзжать по болотному озеру, путь по которому былъ весьма опасенъ особенно послѣ оттепелей. Достигнувъ этого озера, О. Теофанъ попросилъ въ деревнѣ проводника, но ему недали, тогда старецъ, возложивъ все свое упованіе на Господа, рѣшился ѣхать безъ проводника, и когда уже близко подѣхали къ опасному мѣсту, откуда ни возьмись прохожій, который остановивъ лошадей, сказалъ: „тутъ не ѣздите потонете“, и затѣмъ, проведя повозку на объѣздную дорогу, скрылся.

Келейникъ О. Теофана рассказывалъ: когда они ѣхали въ Молдавію изъ Москвы на городъ Бѣлевъ, то въ одномъ мѣстѣ они остановились для отдыха въ придорожномъ селѣ, жители котораго занимались грабежемъ проезжающихъ и даже разбоемъ, такъ какъ дорога лежала между глубокими оврагами, а мѣстами шла по оврагамъ. И имъ предстояла таже участь, которой подвергались многіе прочіе, потому что съ ними ѣхалъ Болхонскій купецъ; но Господь чудеснымъ образомъ сохранилъ ихъ отъ опасности. Въ тотъ самый моментъ, когда они хотѣли уже спуститься на дорогу, идущую по оврагу, откуда не возьмись прохожій, какъ будто изъ земли выросъ и говоритъ: если пуститесь по этой дорогѣ въ дальнѣйшій путь, то неминуемо погибнете, и настоятельно совѣтовалъ воротиться назадъ и ѣхать по объѣздной дорогѣ, хотя и гораздо бѣльшей по протяженію, но за то безопасной, что они и исполнили. Въ Валахіи, онъ же рассказывалъ, турки нѣсколько разъ набѣжали на нихъ, но не сдѣлали имъ никакого вреда. И изъ Молдавіи, когда возвращались,

благополучно переѣхали границу, между тѣмъ какъ передъ ними турки перерѣзали 20 человекъ путниковъ. Очевидно прибавлялъ келейникъ, Господь хранилъ ихъ отъ всѣхъ опасностей въ пути, ради молитвъ благочестиваго старца.

Вотъ и еще замѣчательный случай спасенія О. Теофана отъ опасности. Разъ зимой, возвращаясь изъ Петербурга и миновавъ Тихвинъ, онъ остановился на ночлегъ въ Вяльскихъ харчевняхъ (они же назывались и чертовыми харчевнями). Харчевни эти находились въ сторонѣ отъ Соинскаго тракта (въ нынѣшнемъ Лученскомъ приходѣ) верстахъ въ 20 отъ Тихвина. Содержателями харчевень были отецъ съ сыномъ, которые извѣстны были во околдкѣ, какъ люди опасные и занимавшіеся худымъ промысломъ — грабежемъ и даже разбоемъ. Очевидно, О. Теофанъ ничего этого не зналъ, и войдя въ отдѣльную избу, думалъ уже расположиться отдохнуть. Но кучеръ, когда вводилъ лошадей съ повозкою на дворъ, замѣтилъ, что они остановились на ночлегъ въ мѣстѣ очень подозрительномъ и крайне опасномъ и сказалъ объ этомъ О. Теофану. Старецъ потомъ замѣтилъ и самъ, что имъ готовится что-то очень неладное, потому что по снѣжмъ и въ другой половинѣ избы происходила какая-то непонятная суетня, суматоха и бѣготня, хотя ни проѣзжающихъ, ни прѣзжающихъ никого не было. Когда же все, повидимому, успокоилось, О. Теофанъ зажегъ свѣчу и, ставъ ва колѣни, началъ читать акаѣистъ Божіей Матери, съ нимъ сталъ на молитву и кучеръ, который былъ забившись на полатахъ. Не успѣлъ прочитать старецъ я половины акаѣиста, какъ распахнулась дверь въ избу и вошелъ въ нее хозяинъ съ сыномъ, вооруженные топоромъ, грубо говоря старцу: „полю кувыркатся старикъ, послѣ покувыркаешься“, Но въ тотъ самый моментъ, когда преступленіе готово было совершиться, послѣдовалъ сильный стукъ въ окна, врѣдъ которыми вдругъ оказался обозъ лошадей въ 20-ть и толна людей, которая кричала съ улицы: „О. Теофанъ! вставай, пора ѣхать; мы торопились догнать тебя, чтобы ѣхать вмѣстѣ; намъ и тебѣ ѣхать вмѣстѣ веселѣе будетъ; старецъ отвѣтилъ имъ чрезъ окно, что онъ сейчасъ будетъ готовъ; съ улицы опять послышался голосъ: „собирайся, мы здѣсь ностонмъ и подождемъ тебя“. Ус-

лышавъ стукъ въ окна и говоръ людей на улицѣ, злодѣи въ страхѣ ушли на полѣ; тутъ сбѣжалась вся семья и, валяясь въ ногахъ у старца, со слезами просила простить за ихъ поступокъ и не погубить. Незлобивый О. Теофанъ простилъ имъ и настрого приказалъ оставить пагубное ремесло. Собравшись наскоро, выѣхали за ворота; тутъ каждый изъ толпы подходилъ къ старцу для принятія благословенія. Всѣ проѣзжающіе оказались знакомыми— кто изъ Гѣлозерска, кто изъ Кириллова, кто и изъ сосѣднихъ деревень, будто-бы возвращались домой изъ Петербурга съ товарами. Кибитку О. Теофана поставили посрединѣ обоза и въ такомъ порядкѣ отправились въ путь. Когда проѣхали довольно значительное пространство и уже находились за чертою опасной мѣстности, обозъ вдругъ исчезъ. Тутъ О. Теофанъ ясно увидѣлъ, что Господь послалъ Своихъ Св. Ангеловъ избавить его отъ рукъ злодѣевъ и со слезами благодарилъ Искупителя и Его Пречистую Матерь. Прибывъ благополучно въ обитель старецъ, по смиренію своему, почти до самой своей кончины никому не рассказывалъ о грозившей ему опасности на дорогѣ и о чудесномъ его спасеніи. Между тѣмъ слухъ объ этомъ событіи скоро и широко распространился, такъ что Пресвященный Теофанъ (бывшій Тамбовскій) въ одномъ изъ своихъ писемъ о христіанской жизни, трактую объ особенномъ попеченіи Божіемъ и покровительствѣ вѣрныхъ своихъ рабовъ, указалъ на случай съ О. Архимандритомъ Теофаномъ въ чертовыхъ харчевняхъ, какъ на фактъ самый очевидный и весьма разительный ¹⁷⁾.

Вѣроятно, было нѣсколько и другихъ примѣровъ невидимаго попеченія Божія о сохраненіи жизни О. Теофана, о которыхъ онъ, по своей кротости, никому не рассказывалъ, всегда памятуя, что только смиреннымъ Господь даетъ благодать. Впрочемъ, давая братіи послѣднія наставленія и убѣждая всегда и во всемъ твердо надѣяться на Господа, при одномъ изъ такихъ настав-

¹⁷⁾ Объ этомъ чудесномъ спасеніи О. Теофана я не разъ слышалъ и отъ покойнаго моего родителя, — который жилъ вмѣстѣ съ нимъ у Митрополита Гавріила и который пользовался расположеніемъ старца до самой его кончины. Авт.

леній, сказавъ въ назиданіе: „что же касается до великихъ благодѣній, полученныхъ мною въ моей жизни отъ Пренебеснаго Отца и Создателя нашего, то не могу за оныя по достоинству принести Ему отъ грѣшныхъ устенъ моихъ благодаренія. Сколько разъ сохранялъ Онъ меня въ смертныхъ случаяхъ, безъ ужаса и вообразить не могу. Но слана и благодареніе да будетъ благости Его, яко сохранялъ мя до старости и престарѣнія“.

Умѣстно здѣсь сказать нѣсколько словъ и о духовной прозорливости О. Теофана, которой онъ удостоился по благости Божіей, за свою подвижническую жизнь. очевидцы рассказываютъ о многообразныхъ случаяхъ постиженія тайныхъ помысловъ сердца человѣческаго. Часто напр. въ бесѣдахъ высказывалъ отвѣты на тайныя мысли слушателей и слушательницъ; часто также находившимся въ великомъ горѣ, при встрѣчѣ и благословенія говаривалъ: «не горюйте, Богъ все устроитъ». Родная сестра Схигуменіи Маріи, мать Амфилохія рассказывала про себя, что она по началу хотѣла юродствовать, если благословитъ О. Теофанъ. Старецъ шелъ въ гостинныя келліи; увидѣвъ ее въ коридорѣ, подходитъ къ ней и говоритъ: „не полезна будетъ тебѣ избираемая жизнь“ (т. е. юродство). А одной сестрѣ при встрѣчѣ съ нею замѣтилъ: „не учащайте мыслями къ роднымъ; наши родные св. Великомуч. Варвара и св. Великомуч. Екатерина.“

Въ одно изъ посѣщеній О. Теофаномъ Горицкаго монастыря, случилось такое обстоятельство: одна изъ сестеръ, читая часы предъ литургіею, умомъ своимъ далеко отстояла отъ того, что читала, да и литургію стояла въ большомъ разсѣяніи, безъ мысли о Богѣ. По окончаніи богослуженія, когда всѣ сестры подходили къ старцу для принятія благословенія, подошла и читавшая часы. Старецъ, пристально посмотрѣвъ на нее, кротко спросилъ: гдѣ она была, о чемъ мыслила и что воображала, когда читала часы и потомъ во время богослуженія? Смущенная сестра, навѣ къ ногамъ старца, призналась, что она въ продолженіи всей службы была въ большой разсѣянности. Выслушавъ признаніе, прозорливый старецъ сдѣлалъ ей кроткое наставленіе о томъ, съ какимъ всегда благоговѣніемъ, любовію, страхомъ и вниманіемъ надлежитъ стоять въ церкви, памятуя, что въ это

время мы находимся какъ бы на небесахъ, и съ сонмами св. Ангеловъ и св. угодниковъ предстоимъ лицу Божию.

Нижегородскаго Крестовоздвиженскаго монастыря монахиня Варсонофія до постриженія въ монашество писала О. Теофану письмо, спрашивая у него совѣта и благословенія поступить въ какой-нибудь монастырь. Не получая отвѣта, она отправилась къ О. Серафиму, который исповѣдалъ и причастивъ ее св. тайнъ, сказалъ въ назиданіе: „міру ты послужила, теперь послужи Господу: се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія“. Возвратясь домой, она находитъ письмо и отъ О. Теофана, писанное въ тотъ самый день, когда она причащалась и въ немъ также наставленіе, какое слышала отъ О. Серафима. О. Теофанъ совѣтуетъ и благословляетъ ее вступить въ Крестовоздвиженскій монастырь и тутъ же прибавляетъ: „се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія“.

Одна бѣлозерская мѣщанка, престарѣлая дѣвица — Акилія Дмитріева пришла въ Новозерскую обитель на богомолье; увидѣвъ, что О. Теофанъ самъ обводитъ какихъ-то господъ кругомъ ограды и потомъ новель ихъ въ ризницу, подумала про себя: вотъ, батюшка-то, хоть и святой жизни, а водить богатыхъ людей и самъ показываешь имъ ризницу, намъ же бѣднымъ не покажетъ. На другой день, при выходѣ изъ церкви, благословивъ всѣхъ, подходитъ къ этой дѣвицѣ и говоритъ: „вотъ ты хотѣла видѣть ризницу, такъ пойдемъ: я покажу и тебѣ; я не лѣнивъ“. Дѣвица пала къ ногамъ старца и просила прощенія, что въ душѣ осудила его.

Одна молодая женщина, лишившись мужа, который убитъ былъ на войнѣ, впала въ неописанную горестъ. Единственное утѣшеніе находила она въ оставшейся послѣ мужа маленькой дочери. Въ этомъ ребенкѣ она полагала все свое блаженство и въ любви къ нему не знала предѣловъ. Но дабы не возлюбила она дара, паче Дающаго, Господь взялъ отъ нея и это единственное утѣшеніе. Не разумѣя, что путіе Господни суть не якоже путіе человѣчестія, она такъ сокрушалась и убивалась о смерти дочери, что близка была къ помѣшательству. Спустя нѣкоторое время, вдова эта пріѣхала въ Новозерскій монастырь. О. Теофанъ встрѣ-

тиль ея съ веселымъ видомъ и ласково привѣтствовалъ. Между тѣмъ она никакъ не могла собраться съ духомъ, чтобы открыть старцу гнѣвную ея скорбь. Въ то время когда она внутренно боролась сама съ собою и недоумѣвала, говорить ли ему о своей скорби или нѣтъ, какъ вдругъ самъ старецъ, съ кротостію и ласкою обратясь къ пей, такъ ясно описалъ все ея внутреннее, горестное состояніе, съ такою убѣдительностію изобразилъ блаженство, которымъ наслаждаются въ будущей жизни такія чистыя, незлобивыя души, какъ души младенцевъ и говорилъ съ такимъ вниманіемъ и участіемъ, что исторгнулъ у безутѣшной вдовы потоки сладостныхъ слезъ. Какъ ни тяжела была скорбь матери о потерѣ мужа и потомъ единственнаго дѣтища, она, пораженная прозорливостію старца и утѣшенная его вдохновенною бесѣдою, съ совершенною покорностію отдала себя въ волю Божию. Много потомъ онъ говорилъ вдовѣ въ назиданіе въ предсказательномъ тонѣ о послѣдующей ея судьбѣ и участи, что все впоследствии сбылось.

Въ жизнеописаніи игуменіи Воскресенскаго монастыря Теофаніи описывается слѣдующее замѣчательное обстоятельство, тоже свидѣтельствующее о прозорливости О. Теофана.

Генеральша Александра Сергѣевна Готовцева, впоследствии Игуменія Теофанія, осталась послѣ мужа молодою вдовою, съ единственною малолѣтнею дочерью Анною. Малютка Анна радовала мать кроткимъ нравомъ и удивительнымъ сходствомъ съ покойнымъ отцомъ. Она была при матери неотлучно, раздѣляя съ нею свои игры и забавы; ея любимая утѣха состояла въ томъ, чтобы ежедневно, по очереди раздавать приближеннымъ слугамъ лакомыя кушанья, подаваемыя за столомъ; очереди же этой никогда не забывала.

Однажды, вмѣстѣ съ дочерью, Александра Сергѣевна поѣхала помолиться въ монастырь Св. Кирилла Новозерскаго. Наслышавшись о добродѣтеляхъ и св. жизни старца О. Теофана, она пожелала его видѣть и получить отъ него благословеніе для себя и своей дочери. О. Теофанъ, не имѣлъ обыкновенія принимать посѣтителей въ своей келліи, всѣ посѣтители останавливались въ монастырскихъ келліяхъ, куда и самъ О. Теофанъ не замедлялъ

приходить. Туда же была приглашена и генеральша Готовцева.

Когда вошелъ О. Теофанъ, она посиѣшила къ нему на встрѣчу и подводя дочь свою къ нему, просила благословить ее. Благословляя малютку и не спуская съ нея глазъ, старецъ сказалъ: «таковыхъ бо есть царство небесное». У Александры Сергѣевны сердце больно сжалось при этихъ словахъ; въ головѣ же промелькнула мысль: „точно предсказывать ей умереть младенцемъ, а говорили еще, что въ его рѣчахъ найдешь утѣшеніе“! Съ грустныя чувствомъ и горячею молитвою къ Богу возвратилась Александра Сергѣевна домой.

Приближалось 8 ноября 1813 г., день рожденія малютки Анны, день бывшій всегда радостнымъ торжествомъ для матери и ея многочисленныхъ друзей. Въ домѣ сельца Мишкова происходили приготовленія къ празднику, родные и знакомые начали уже съѣзжаться; всѣ нанерерывъ желали потѣшить малютку и порадоваться ею. Но общая радость вскорѣ превратилась въ глубокую печаль.

Все время Анна была здорова и весела, но предъ торжественнымъ обѣдомъ вдругъ почувствовала себя не хорошо и, обратившись къ нянѣ съ просьбою уложить ее въ постель, сказала: „только не надо пугать маму, а просто сказать, что Анна не хочетъ обѣдать, а хочетъ спать“! Не прошло и часу послѣ того, няня не могла уже скрывать болѣзни барышни: у нея поднялась сильная рвота и корчи. Произошло общее смятеніе и испугъ. Мать и тетка Анна Сергѣевна прилагали всѣ заботы, чтобы помочь ей; все было напрасно. Видя, что нѣтъ надежды спасти жизнь дочери, Александра Сергѣевна посиѣшила призвать священника со свѣтыми дарами, чтобы причастить умирающую. Не смотря на страданія, малютка была въ памяти и даже не стонала; но одинъ разъ взяла руку матери и прямо смотря ей въ глаза, больно укусила ей палець: „Это, мама, для того, чтобы ты помнила, какъ мнѣ боліно“.

Это были ея послѣднія слова: не стало малютки, не стало послѣдняго сокровища у матери. Лишившись дочери — единственной отрады въ жизни Александра Сергѣевна тогда же дала обѣтъ навсегда вступить въ монастырь, и по совѣту О. Теофана,

избрала мѣстомъ для своихъ подвиговъ Горицкую обитель. 16 сентября 1818 г. Александра Сергѣевна, въ день рожденія покойнаго своего родителя, пострижена въ рясофоръ съ именемъ Теофанія. Постригалъ ее великій старецъ Теофанъ, ноль руководствомъ котораго потомъ она совершенствовалась на пути спасенія и вела съ нимъ переписку до самой кончины ¹⁸⁾.

Вотъ и еще замѣчательный случай прозорливости О. Теофана, рассказанный Теофаніею: еще въ первые годы моего поступленія въ Горицкую обитель, О. Архим. Теофанъ, пріѣхавши однажды въ Горицы, рассказывалъ, что видѣлъ странный сонъ: „мнѣ снилось, говорилъ онъ, что привели меня въ такое прекрасное мѣсто, что на языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ, чтобы описать его красоту. Много я увидѣлъ тамъ обителей: я стали мнѣ показывать, кому котора я принадлежить, сказали, что тамъ есть много спасающихся изъ Горицкаго и другихъ монастырей. Я спросилъ: а это какія, мнѣ неизвѣстныя? и услышалъ отвѣтъ: Петербургскія*. Тогда никто не понималъ, что это значить и объяснили такъ: „Видно пріѣдутъ къ намъ изъ Петербурга и спасутся“. Но О. Теофанъ сказалъ: „нѣтъ, я видѣлъ Петербургскую обитель и тамъ много спасающихся“. Этотъ разговоръ былъ еще до 1820 г. и впоследствии, когда мать Теофанія была настоятельницею Петербургскаго монастыря, она любила рассказывать своимъ сестрамъ про этотъ сонъ О. Теофана и въ наставленіе имъ поучала такъ: „начъ неизвѣстно, кто именно попадетъ въ число видѣнныхъ О. Теофаномъ въ царствѣ небесномъ, но всѣ мы имѣемъ волю проводить такую жизнь, чтобы заслужить милость Божию ¹⁹⁾“.

Предсказанія О. Теофана, говорятъ очевидцы, обыкновенно, сопровождались всегда такою скромностію, облакались такою простотою, что не возможно было замѣтить или догадаться, чтобы слова его имѣли особенное значеніе, или заключали въ себѣ ка-

¹⁸⁾ Сочин. игуменія Теофанія (Готовцева) Сиб-гъ изд. 1868 г. ч. 1 стр. 23, 24, 25 и 37.

¹⁹⁾ См. сочин. игум. Теофанія Готовцева. Сиб-гъ изд. 1868 г. ч. 1 стр. 13.

кое предсказаніе; уже самое исполненіе сказаннаго старцемъ впоследствии открывало это.

Благочестивый старецъ О. Теофанъ, всегда ревновавшій о пользѣ и спасеніи ближнихъ, почиталъ себя только исполняющимъ свой долгъ и никогда ни о какихъ временныхъ наградахъ не помышлялъ, ожидая только милости отъ небеснаго Мздовоздателя. Но Господу угодно было, чтобы и земныя власти почтили труды и заслуги блаженнаго старца. Въ 1819 г. О. Теофанъ по обязанности настоятеля пріѣхалъ въ Петербургъ, и здѣсь, по изволенію Императора Александра Павловича, произведенъ въ санъ архимандрита; тогда же, въ знакъ своего особеннаго благоволенія, благочестивый государь новому архимандриту О. Теофану пожаловалъ митру (шапку), наперсный крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями и на дорогу 1000 р. денегъ. Сказываютъ, что блаженной памяти Императоръ Александръ, слышавшій много хорошаго о подвижнической жизни О. Теофана, изволилъ принять его отлично милостиво, и, удостоивъ личной своей бесѣды, спросилъ его: „не имѣеть ли въ чемъ нужды его обитель“? „Не имѣеть, Ваше Величество, по милости Господа и по молитвамъ св. угодника“, отвѣчалъ нестяжательный старецъ. Эта скромность и нестяжательность старца такъ изумили Государя, что онъ изволилъ сказать приближеннымъ своимъ: „я видѣлъ восьмое чудо—это Кирилло Новоезерскій архимандритъ“. Новую и послѣднюю награду О. Теофанъ получилъ за два года до увольненія на покой: въ 1827 г. онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й ст.—На одно изъ поздравленій Горицкихъ сестеръ съ первою царскою милостію и наградю О. Теофанъ отвѣчалъ письмомъ: „все сіе почеть челоувѣческая, но, однако, и не безъ воли Божіей! Что дѣлать? Не съ тѣмъ я ѣхалъ въ Петербургъ, чтобы получить какую временную почеть, а по необходимости и по должности своей къ новому архимастырю. Да будетъ воля Божія! Что съ нами дѣлается, по Его святой волѣ дѣлается“.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

О. Теофанъ на покоѣ и кончина его.

День ото дня, преусиѣвая въ добродѣтеляхъ и трудахъ въ вертоградѣ Христовомъ, старецъ о. Теофанъ достигъ осьмидесяти лѣтъ своей жизни. Въ 1828 г. онъ почувствовалъ сильныя болѣзненные припадки, боль въ головѣ, слабость зрѣнія, боль въ рукахъ и особенно въ ногахъ. Отъ продолжительнаго, неподвижнаго стоянія на молитвѣ въ церкви и въ келліи, ноги его отекали, и отъ невыносимой боли едва могли двигаться, такъ что нѣсколько времени онъ принужденъ былъ не выходить изъ келліи. Въ этомъ году, въ праздникъ Рождества Христова, собравъ всѣ силы, онъ пришелъ въ транезу и сказалъ обычное наставленіе братіи, въ которомъ просилъ ихъ молиться Господу, чтобы даровалъ ему мирную кончину въ покаяніи и съ напутствіемъ св. тайнами, такъ какъ ожидаетъ приближенія кончины. Въ январѣ слѣдующаго года онъ составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ благодарилъ Бога за всѣ благодѣянія, которыхъ былъ удостоенъ въ продолженіи долговременной жизни, и съ умиленнымъ христіанскимъ спокойствіемъ сдѣлалъ свои носмертныя распоряженія. Онъ завѣщавалъ между прочимъ, чтобы гробъ, въ которомъ положено будетъ тѣло его, ничѣмъ не красили и не обивали, а просто сдѣлали бы изъ досокъ: „человѣку грѣшному и сего много“; также чтобы введенное имъ въ обители общежитіе было неизмѣнно соблюдаемо и послѣ его кончины. Завѣщаніе о. Теофана замѣчательно еще и тѣмъ, что служитъ очевиднымъ доказательствомъ его совершенной нестяжательности: „во все время настоятельства моего, пишетъ онъ, я ничего не присвоивалъ себѣ, а

оставлялъ для пользы и устройства обители. денегъ у меня спривавныхъ нѣтъ, и не думайте искать“. Все скудное имущество его, поименованное въ завѣщаніи, состояло изъ нѣсколькихъ книгъ и самаго необходимаго платья. Въ томъ же 1829 г., старецъ, удрученный лѣтами и болѣзнями, цѣлыхъ тридцать шесть лѣтъ неутомимо подвизавшійся въ управленіи одною Новоезерскою обителию, подалъ прошеніе объ увольненіи отъ настоятельской должности, такъ какъ видѣлъ, что онъ уже не въ силахъ далѣе проходить ее съ прежнею дѣятельностью. Митрополитъ Серафимъ на прошеніи старца, переданномъ преосвященному Тимоѳею, Викарію Новгородскому, слѣлалъ слѣдующую надпись: „Преосвященный имѣетъ по сему уволить почтеннѣйшаго старца Божія, отца архимандрита Теофана отъ настоятельской должности, съ оставленіемъ его на жительство въ Кирилло-ноезерскомъ монастырѣ, который толико украсилъ онъ какъ по внѣшности многими важными зданіями. ризницею и утварью церковною, такъ и по внутренности, заведши въ немъ общежитіе и примѣрное благочивіе, подавая собою братіи назидательные къ богоугодной жизни примѣры, и съ засвидѣтельствовавіемъ ему за таковыя отличныя его заслуги святой обители и церкви Христовой имъ оказавныя, искреннѣйшей благодарности нашей. На его же мѣсто произвести во игумена, буде какого сомнѣнія не окажется, строителя Бесѣднаго монастыря, іеромонаха Аркадія“.

Получивъ увольненіе отъ настоятельства старецъ при общемъ собраніи всей братіи, съ новымъ игуменомъ Аркадіемъ, соборнѣ отслужилъ молебенъ угольнику Божію преп. Кириллу, и за тѣмъ предложилъ братіи послѣднее поученіе, дабы новому настоятелю повиновались какъ Самому Христу и Отцу Небесному; поелику его воля есть воля Божія, какъ и Господь сказалъ: „слушаяй васъ, Мене слушаетъ; и отметаѣя васъ, Мене отметається: отметайся же Мене, отметається пославшаго Мя“ (Лук. 10, 16); убѣждалъ также, чтобы и между собою жили по заповѣдямъ Господнимъ — во взаимной любви и полномъ согласіи.

Поручивъ братію и сдавъ должность и все монастырскія дѣла о. Аркадію, о. Теофанъ съ сего времени уже не входилъ ни въ какія распоряженія по монастырю. Хотя вполне былъ увѣ-

ренъ, что игуменъ Аркадій, какъ ученикъ его, бывшій 27 лѣтъ подъ руководствомъ его, имъ постриженный въ монашество и по его указанію избранный въ преемники ему, готовъ былъ съ сыновнею покорностію исполнять всѣ его указанія и совѣты, которыми въ нужныхъ случаяхъ и не оставилъ его; но, тѣмъ не менѣе, смиренный старецъ съ ангельскою кротостію самъ оказывалъ ему всякое уваженіе и полное подчиненіе и почиталъ себя его послушникомъ ва ряду съ каждымъ изъ братіи, такъ что приводилъ въ удивленіе и самого настоятеля и всю братію. И въ этомъ отношеніи до самаго конца своей жизни служилъ для братіи примѣромъ того, какъ должно имъ исполнять свои обязанности по отношенію къ настоятелю, чему прежде училъ ихъ словомъ. „Иже сотворить и научить, сей велий наречется въ царствіи небеснѣхъ (Мѡ. 5, 19)». Свободный теперь отъ многочисленныхъ занятій по управленію монастыремъ старецъ началъ проводить жизнь совершенно безмолвную, бесѣдуя съ единымъ Богомъ. Не смотря однако-жъ на старческую слабость и болѣзни, онъ во всей строгости исполнялъ келейное правило и не опустительно ходилъ ко всѣмъ церковнымъ службамъ и, не смотря на ихъ продолжительность, никогда не садился, кромѣ какъ въ то время, которое по уставу положено для общаго отдохновенія.

1832 г. былъ послѣднимъ въ жизни о. Теофава. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ писалъ онъ къ игуменіи въ Горицы: „о себѣ скажу, что уже послѣдніе дни, а не лѣта доживаю“; — однако-жъ не смотря на изнеможеніе, не измѣнялъ прежняго строгаго образа жизни; по временамъ чувствовалъ облегченіе отъ болѣзни и отъ времени до времени посѣщалъ и монастыри, состоявшіе въ его благочиніи и продолжалъ назидать братію поучительнымъ словомъ и примѣромъ кротости. 26 ноября онъ предпринялъ поѣздку въ Горицкій монастырь, чтобы посмогрѣть сестеръ въ послѣдній разъ при чемъ вручилъ игуменіи двѣ тысячи рублей, присланные ему предъ тѣмъ отъ неизвѣстнаго для раздачи требующихъ. Въ этотъ же разъ пострижена была о. Теофаномъ въ мавтію мать Варсонофія, ²⁰⁾ замѣчательная подвижница; и это постриженіе его былъ

²⁰⁾ Мать Варсонофія была дочь полковника Крымова, родилась въ 1800 г.

последнее. При прощаніи съ сестрами, предложилъ имъ обыкновенное поученіе, и сказалъ, что уже болѣе не увидитъ ихъ. Эта послѣдняя бесѣда старца такъ была пріятна и весела, что какъ будто онъ званъ и готовился на торжественное шествіе, дышала тѣмъ спокойствіемъ духа, которое посѣщаетъ праведника на порогѣ смерти, когда онъ съ чистою и мирною совѣстію взираетъ на пройденный имъ путь земной жизни и уже пропикаетъ духовнымъ взоромъ своимъ въ новый, лучшій міръ. И неудивительно: памятуя всегда послѣдняя своя и непрестанно мысля о смерти, онъ могъ сродниться съ нею и ждать еѣ, какъ друга, сильнаго разрѣшить отъ узъ брэнной, грѣхлюбивой плоти, освободить отъ сей грѣховной и многотрудной жизни и ввести въ мѣсто блаженнаго, вѣчнаго упокоенія. Окружавшихъ его сестеръ онъ просилъ, чтобы молились и поминали его послѣ смерти, прибавивъ въ заключеніе: „я уже оканчиваю временную жизнь и предназначаю жизнь вѣчную». Слова эти поразили всѣхъ, какъ предсказаніе близкой кончины, о которой безъ слезъ никто не могъ помыслить; такъ какъ судя по той бодрости и одушевленію, которые не оставляли старца все время, когда онъ находился въ своемъ любимомъ Горицкомъ монастырѣ, никто не ожидалъ и не предполагалъ, что онъ дѣйствительно въ скоромъ времени лишатся навсегда своего благопопечительнаго отца и наставника.

Однакожъ, слова о. Теофана сбылись. Возвратившись изъ Горицъ въ городъ Вѣлозерскъ, онъ почувствовалъ здѣсь сильныя болѣзненные припадки, сопровождавшіеся колотьемъ въ груди и бокахъ: совершенно больной онъ пріѣхалъ въ свою новозерскую обитель. Это было 30 ноября. При крайнемъ изнеможеніи онъ уже не могъ ходить безъ посторонней помощи; не смотря однакожъ на это, въ слѣдующій день и 2 декабря былъ у всѣхъ церковныхъ службъ и слушалъ ихъ, по обыкновенію, стоя. Келейникъ его, монахъ Антоній, который 30 лѣтъ служилъ ему съ усердіемъ, о чемъ засвидѣтельствовалъ самъ старецъ въ своемъ

въ мірѣ называлась Марією Никитичпою, воспитывалась 9 лѣтъ въ Смольномъ и по окончаніи курса сирена проживала въ домѣ родителей, а потомъ у графини Орловой—Чесменской, до поступленія въ Горицкій монастырь.

завѣщаніи, напрасно убѣждалъ его не изнурять себя трудами, напрасно говорилъ, что при такой слабости необходимо ему отдохновеніе. „А вотъ скоро отдохну“, отвѣчалъ на это рабъ Божій. 2-го числа, за поздней литургіей, онъ приобщился св. таинъ, а послѣ вечерни поддерживаемый своимъ келейникомъ, посѣтилъ больного іеромонаха Меодія, который чувствуя приближеніе смерти желалъ принять отъ него напутственное благословеніе и утѣшеніе. Прощаясь съ болящимъ, о. Теофанъ сказалъ ему: „вотъ скоро и я умру“.

Въ день кончины, 3-го декабря, онъ, при помощи келейника пришелъ къ утрени, но выстоять службы не могъ, часто садился. Возвратившись въ келлію, изнемогающій старецъ съ необыкновеннымъ спокойствіемъ началъ дѣлать предсмертныя распоряженія. Предъ поздней обѣдой, по его просьбѣ, игумень Аркадій совершилъ надъ нимъ таинство св. елеосвященія, по совершеніи котораго простился съ братіей, которые были всѣ его ученики и духовныя дѣти и преподаль имъ послѣднее благословеніе, заповѣдавъ любовь, миръ между собою и вѣру въ непреложность евангельскаго ученія. Всѣ съ благоговѣйнымъ страхомъ взирали на благолѣпное лицо старца, сіявшее чуднымъ спокойствіемъ и не земною радостію и съ глубокимъ умиленіемъ внимали его послѣдней вдохновенной бесѣдѣ. Келейнику поручилъ раздать бѣднымъ нѣкоторую сумму денегъ. Къ литургіи уже не выходилъ, а, по предложенію о. Аркадія, отправлены были часы въ его келлію. Послѣ того до вечерни находился въ постелѣ, и напомянулъ келейнику, чтобы смотрѣлъ за нимъ повнимательнѣе, потому что усилившійся кашель и нестерпимое колотье были яснымъ признакомъ приближающейся смерти. Мужественный служитель Христовъ непрестанно читалъ молитвы и съ именемъ Іисуса ва устахъ, предалъ свою душу Господу на семьдесятъ первомъ году отъ рожденія. Кончина его была безболѣзненна, непостыдна и мирна, которую можно уподобить только его жизни, — бодрой, честной, миротворной.

Въ 10 часовъ вечера унылый звонъ колокола возвѣстилъ братіи новозерскаго монастыря о кончинѣ маститаго старца, тридцать девять лѣтъ поучавшаго ихъ словомъ и примѣромъ своей жизни.

Быстро разнеслась вѣсть о тяжелой потерѣ, понесенной новозерской обителью, и всѣ благоговѣвшіе къ памяти почившаго спѣшили въ обитель, чтобы отдать послѣдній долгъ мудрому и любвеобильному наставнику. Многочисленные дѣти его, какъ монашествующія, такъ и міряне были погружены въ глубокую скорбь, потерю отца, подкрѣплявшаго ихъ въ вѣрѣ въ Бога, указывавшаго имъ надежду на милосердіе Сына Бжія, Спасителя человечества, руководившаго ихъ на путь блаженства, осѣненный Духомъ истины. Декабря 11-го дня, въ воскресный день, по окончаніи литургіи, надъ тѣломъ усопшаго о. архимандрита Теофана совершенно было отпѣваніе Кирилло-бѣлозерскимъ архимандритомъ Иннокентіемъ съ Новозерскимъ игуменомъ Аркадіемъ. Стеченіе народа было такъ велико, что обширная соборная церковь не могла вмѣстить всѣхъ собравшихся на печальное торжество; но кто вошелъ въ церковь, не хотѣлъ выйти изъ нея, считая за счастье воздать послѣдній долгъ обще всѣми любимому и глубоко чтимому старцу. Въ этой церкви, подъ аркою стѣны, отдѣляющей соборъ отъ сѣвернаго придѣла во имя святителя Николая, тѣло о. Теофана предано землѣ. Надъ его могилою положена плита изъ полированного гранита, и предъ иконой Богоматери, осѣняющей гробъ его, теелится неугасимая лампада. Пріѣзжающіе въ обитель богомольцы помолитъся угоднику, нерѣдко служатъ панихиды и на могилѣ старца о. Теофана, вручая себя его св. молитвамъ и испрашивая его благословенія.

Память о. архимандрита незабвенна для Новозерской обители: ему главнымъ образомъ она обязана своимъ настоящимъ процвѣтаніемъ и внутреннимъ благоустройствомъ, по уставу общежитія, неизмѣнно соблюдаемому согласно съ его завѣщаніемъ; духъ мудраго и благочестиваго старца доселѣ витаетъ въ обители, благотворно дѣйствуя на живущихъ въ ней; имя его, всегда съ благоговѣніемъ произносимое, встрѣчаетъ васъ здѣсь на каждомъ шагу. Не менѣе священна память его и для обители Горицкой, въ которой доселѣ живетъ свѣжее преданіе о смиренномъ старцѣ. Своєю мудростію, твердостію характера, безкорыстной любовію къ дѣтямъ, вручившимъ спасеніе своихъ душъ, о. Теофанъ утверждалъ между ними порядокъ общежитія, трудо-

любіе, непамятозлюбіе, взаимное вспоможеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ старался внушить монахинямъ правильныя понятія объ ихъ обязанностяхъ. Наставленія его такъ мудры и полезны, что не только сохранялись въ сердцахъ его ученицъ, но записывались, переписывались и переходятъ изъ рода въ родъ. Велико было вліяніе нравственное о. Теофана и на всѣхъ, кто обращался къ нему съ просьбами о духовной помощи. Самъ онъ былъ великимъ образцомъ добродѣтелей, которымъ поучалъ и другихъ словомъ и примѣромъ жизни. Каждое его поученіе наставляло человѣка и врачевало его душевныя язвы. За то духовныя его дѣти, чтобы они ни были, оказывали ему непрекословное послушаніе и до самой его кончины спѣшили пользоваться его духовными со-вѣтами.

Въ заключеніе жизнеописанія О. Теофана мы приводимъ здѣсь замѣчательныя строки изъ собственноручнаго письма Митрополита Серафима къ старцу и изъ письма Архимандрита Варсонофія (подвижника) къ монахинѣ Горицкаго монастыря Варсонофіи (подвижницѣ), свидѣтельствующія, какъ о высокой подвижнической жизни О. Теофана, такъ и о глубокомъ къ нему уваженіи высокопоставленныхъ лицъ.

Въ 1823 году прибыли въ Петербургъ игуменія Горицкаго монастыря Маврікія и монахиня Теофанія и явились къ митрополиту Серафиму. Владыка принялъ ихъ очень милостиво, долго бесѣдовалъ съ обѣими и остался доволенъ ихъ духовнымъ настроеніемъ. Послѣ сего въ собственноручномъ письмѣ къ О. Теофану, высказывая свое мнѣніе о нихъ, между прочимъ, писалъ: „Госпожа горійская игуменья и матеръ Теофанія суть истинныя дщери ваши, которыхъ вы породили духомъ Господу. Глубокое смиреніе ихъ, кротость и благоправіе тронули меня до глубины сердца; и я благодарю Господа Бога, что онъ даровалъ имъ васъ въ наставники, являя, что онѣ и сами сдѣлаются наставницами сестеръ своихъ, примѣрами благочестивыя жизни. Да возрадуется душа твоя, старче Божій! когда ты узришь изчадія твоя, носящія вѣтвь благодѣланія“. ²¹⁾

²¹⁾ Соч. игум. Теоф. стр. 59.

Мать Варсонофія, извѣщая о. архимандрита Варсонофія о кончинѣ о. Теофана, изливала въ письмѣ своемъ сердечное сокрушеніе о разлукѣ съ своимъ духовнымъ отцомъ. Въ отвѣтъ на это печальное извѣстіе духовный старецъ Варсонофій прислалъ матери Варсонофіи трогательное письмо. „Итакъ, писалъ онъ, скончалъ теченіе свое на землѣ мужъ, исполненный долгою лѣтъ и успѣхами въ подвигахъ благочестія и вѣры. Великій свѣтильникъ погасъ въ мірѣ! Не стало между нами возлюбленнаго и прекраснаго О. Теофана! Какъ тихая рѣка пожилъ онъ между людьми и отошелъ въ онъ міръ кончиною мирною! Былъ мужъ миротворецъ; миръ Божій носилъ присно въ душѣ своей— миръ водворялъ и среди другихъ. Благословенъ убо Богъ сподобившій его и кончины мирныя! Да явитъ челоуѣколюбецъ Господь на немъ исполненіе божественныхъ словесъ своихъ: „Блаженіи миротворцы, яко тии сынове Божіи нарекутся! Аще что, яко челоуѣкъ согрѣшилъ, въ томъ Христосъ Господь да проститъ его благодатию Своего челоуѣколюбія, молитвами Пречистыя Своея Матери, преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирилла Новоезерскаго Чудотворца и всѣхъ святыхъ!... Духовный наставникъ и благодѣтель былъ онъ и мнѣ: по силѣ тщуса держаться образа его житія и устава по монастырю; вижу однако, во многомъ оскудѣніе. Упованіе на одно неизреченное Божіе челоуѣколюбіе! Пребываніе мое съ нимъ съ 1815 по 1819 годъ незабвенно для меня во вѣки! Да упокоитъ Господь душу О. Теофана во дворѣхъ святыхъ своихъ и насъ да помилуетъ и спасетъ ²²⁾.»

Приснопамятная Анна Алексѣевна Графиня Орлова-Чесменская, имѣвшая переписку съ монахиней Варсонофіей, въ письмахъ своихъ часто обращалась къ ней съ просьбою, чтобы яспросила ей у О. Теофана отеческое благословеніе; а узнавъ о слабости его здоровья писала къ Варсонофіи: „какъ мнѣ жаль, что отецъ Архимандритъ Теофанъ такъ слабъ! Продли, Господи, его святую жизнь еще на многія лѣта для насъ грѣшныхъ: живой примѣръ много добра дѣлаетъ“ ²³⁾.

²²⁾ Въ прибавл. къ сочин. игум. Теоф. Готовц. пис. 32, стр. 176 и 177.

²³⁾ Тамъ-же пис. 7, стр. 187.

Въ исторіи же православнаго русскаго монашества имя О. Теофана займетъ весьма почетное мѣсто въ ряду тѣхъ ревнителей иноческой жизни, которые воспитались подъ руководствомъ старца Паисія, и такъ много содѣйствовали къ поддержанію и обновленію клонившагося къ упадку иночества.

Духовное завѣщаніе отца Теофана.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Старость, а притомъ и болѣзни предвѣщаютъ мнѣ близкій конецъ временной моей жизни, переселеніе уже и не на временную, а на вѣчную жизнь. Юныя лѣта мои, признаюсь, наполнены были грѣховною горестію. Но Господь далъ мнѣ время довольное для покаянія, яко долготерпѣливый и многомилостивый, ожидая обращенія моего. Но и нынѣ, при послѣднемъ концѣ жизни моей, что могу сказать въ оправданіе себя предъ Праведнымъ Судією, когда и «правоты наши судимы будутъ (Псал. 74, 3)?» Только это: „Господи! не види въ судъ съ рабомъ Твоимъ (Псал. 142, 2).“

Что касается до великихъ благодѣяній, полученныхъ мною въ жизни моеѣ отъ пренебеснаго Отца и Создателя нашего, — не могу по достоинству принести Ему отъ грѣшныхъ устенъ моихъ благодаренія. Сколько разъ сохранялъ Онъ меня въ смертныхъ случаяхъ, — безъ ужаса вообразить не могу. Но слава и благодареніе да будетъ благости Его, яко сохранилъ мя до старости и престарѣнія.

При семъ прошу живущихъ во святой обители сей братій, а паче постриженныхъ мною, и прочихъ внѣ обители, усердствующихъ къ ней, молитесь о мнѣ ко Господу, да не низведенъ буду по грѣхомъ моимъ на мѣсто мученія, но да вселюся въ селеніихъ праведныхъ, идѣже, есть свѣтъ невечерній и жизнь безконечная и неизмѣняемая во вѣки вѣковъ.

Введенное мною, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Гавріила митрополита новгородскаго и санктпетербургскаго, въ сей обители общежитіе, какъ было при мнѣ, такъ и по смерти

моей должно оставаться безъ всякаго измѣненія. И ежели исполнено будетъ сіе мое завѣщаніе, то преподобный отецъ нашъ Кириллъ исходатайствуетъ намъ благословеніе Божіе и не только временная благая, но паче царствіе небесное, которое уготовалъ Богъ любящимъ Его.

Имѣніе, принадлежащее мнѣ, почитайте не моимъ собственнымъ, а обительнымъ. Во все время настоятельства моего я ничего не присвоивалъ себѣ, а оставлялъ для пользы и устройства обители, и потому родственникамъ не отказываю; денегъ у меня спрятанныхъ нѣтъ, и не думайте искать, якобы сокровенныхъ. Еще завѣщаваю, когда Господь благоволитъ мнѣ отъйти отъ здѣшней жизни, — гробъ, въ которомъ положено будетъ тѣло мое, ничѣмъ не красить и не обивать, а просто сдѣлать изъ досокъ; «человѣку грѣшному и сего много.» О прочихъ вещахъ, какъ то о крестахъ, о книгахъ, одеждѣ и о процентной суммѣ по банковому билету прилагаю при семъ особое завѣщаніе. Сіе писалъ я при изнеможеніи моихъ силъ еще своею рукою, и утверждаю.

Архимандритъ *Феофанъ*.

Дополненіе къ духовному моему завѣщанію.

Крестъ, жалованный мнѣ отъ покойнаго Государя Императора Александра Павловича, съ драгоценными каменьями, и крестъ, присланный мнѣ отъ коллежскаго совѣтника Ивана Максимовича Теодорова, — оба сіи креста хранить въ монастырской ризницѣ.

Билетъ въ десять тысячъ рублей, доставленный собственно мнѣ отъ покойнаго архимандрита Іоасафа, оставляю въ пользу монастыря для получения послѣ меня процентныхъ денегъ изъ московскаго воспитательнаго дома сохранной казны, и поминать пресвященнѣйшаго митрополита Гаврііла и архимандрита Іоасафа и родственниковъ моихъ. Изъ оныхъ процентныхъ денегъ по смерти моей за два года выдавать по пятисотъ рублей въ Воскресенскій дѣвичій монастырь.

Келейнику моему, монаху отцу Антонію, послужившему мнѣ съ усердіемъ до 30 лѣтъ, по смерти моей завѣщаваю отдать книги: Четыи — Минен, книгу Іоанна Лѣствичника, Новый Завѣтъ, Бого-словіе пресвященнаго Платона, двѣ псалтири, одну въ листъ, а другую въ осьмушку: Изъ платья мною ему отдано: суконная ряса и суконный подрясникъ, шуба на овчинномъ мѣху и шуба на бѣлицемъ мѣху, и сіе отъ него не отбирать.

Сіе писалъ я собственною рукою своею и подтверждаю оное

Архимандритъ *Феофанъ*.

Января 20 дня
1829 г.

